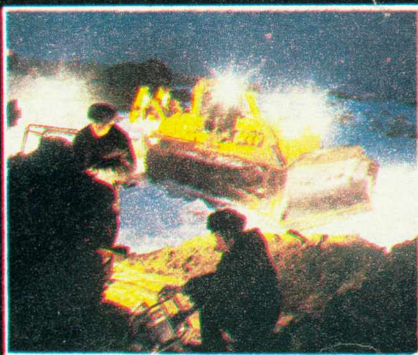
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 17 АПРЕЛЬ 1987



ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЖУРНАЛА

УРАЛЬСКИЙ БОГАТЫРЬ

УРОК ФРАУ БУРДЫ

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПАМЯТИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (3118)

25 АПРЕЛЯ — 2 МАЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Альпинисты-реставраторы. (См. в номере материал «Восхождение».)

Фото Виталия АРУТЮНОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии А. КОВАЛЕВА.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 06.04.87. Подписано к печати 21.04.87. А 00363. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1208. Заказ № 412.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Анатолий ГОЛОВКОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото)

Поля «Красного знамени» достались Виктору Константиновичу Яценко восемь лет назад. Он вырос среди них, помнил землю всякой: и залитой ливнями, и задыхающейся от зноя, когда ладонь в трещину входила. Многое черноземным гектарам за последние годы вытерпеть довелось, но при всем этом они еще давали, что могли.

После деятельности своего предшественника Яценко в первую осень едва получил по 11,3 центнера зерна на круг. И это почва, которая способна давать втрое больший урожай! Земля будто бы перестала отзываться на грозные окрики, приказы сверху — давай, гони зерно любой ценой, наращивай вал. Мы, мол, в тебя столько денег вбухали!.. Мощнейшие трактора ворочают пласты едва ли не до юрских глин. А тебе хоть бы хны!

Новый председатель на землю не покрикивал, наоборот — прислушивался к ней. Продал плуги — перестал пахать, применил безотвальную систему земледелия. Прислушался к голосу Терентия Мальцева, а конкретный опыт безотвалки перенял у соседей — полтавчан. Через пять лет его колхоз уже выполнил планы производства и продажи основных видов продукции. Получил почти миллион рублей прибыли. На глазах соседей-председателей в «Красном знамени» состоялось чудо: за прошлую пятилетку сахарной свеклы Яценко продал на 129, мяса — на 135, молока — на 106 процентов. А «чудом» этим были те самые интенсивные методы ведения хозяйства, которые мало кем принимались тогда и которые узаконены сегодня.

Казалось бы, Человек и Дело нашли друг друга. Но Яценко не печник-кустарь, даже не фермер, а

ТЕЛЕФОН СРЕДИ НОЧИ, КАЖЕТСЯ, НЕ ПРОЗВЕНЕЛ, А ПРОГРЕМЕЛ, КАК АВТОМАТНАЯ ОЧЕРЕДЬ. ГОЛОС В ТРУБКЕ ПОКАЗАЛСЯ ЗНАКОМЫМ.
— ИЗВИНИ, ЧТО ПОЗДНО. ДНЕМ НЕ ДОЗВОНИШЬСЯ, САМ ЗНАЕШЬ, КАКАЯ У НАС ТУТ СВЯЗЬ.
КОНЕЧНО, ЭТО ЯЦЕНКО, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ», ДАВНИШНИЙ МОЙ ЗНАКОМЫЙ.
— ТЫ КОГДА СМОЖЕШЬ ПРИЕХАТЬ!
СТАЛ СООБРАЖАТЬ СПРОСОНОК, КОГДА ОТБЫВАЕТ ИЗ МОСКВЫ СКОРЫЙ «КУРСКИЙ СОЛОВЕЙ». ПРАВДА, ВЫЕХАТЬ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ.
— ДАВАЙ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЬКУ!
— АГА, ЖДЕМ!
ЯЦЕНКО ПОЛОЖИЛ ТРУБКУ. ЯВНО БЫЛ ВЗВОЛНОВАН ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ, ХОТЯ ВОВСЮ СТАРАЛСЯ ГОВОРИТЬ СПОКОЙНО. К ЧЕМУ ЖЕ ТАКАЯ СПЕШКА! НЕУЖЕЛИ СНОВА ДАЛИ О СЕБЕ ЗНАТЬ РЕЦИДИВЫ ТОЙ ИСТОРИИ...

председатель колхоза. И колхоз его не единственный в районе. Распоряжается вполне своей землей, увы, не только он или правление.

Кое-кому Яценко мешал своей работой. И вместо распространения опыта «Красного знамени» обсуждались «ущемления интересов района». Недовольство выражал сам первый секретарь Венедикт Николаевич Анпилогов.

— На фоне достигнутых успехов,— говорил он на пленуме РК КПСС два года назад,— в поведении товарища Виктора Константиновича Яценко стали проявляться чрезмерное высокомерие, личная нескромность, вольнодумство и зазнайство. Сокращено маточное поголовье свиней, не выдержаны посевные площади...

Виктор Константинович вырвал листок из блокнота: «Прошу слова», передал записку в президиум.

— Наивные мы люди,— сказал Яценко, когда начались прения,— решили, что колхоз — это коллективное хозяйство. Что правление наше и впрямь может решать вопросы производства самостоятельно...

В зале зашушукались, это была неслыханная дерзость.

— Не пойму,— продолжал председатель,— ну какая району разница, сколько свиноматок принесут нам плановые 1200 поросят? К чему держать лишние сто двадцать голов, тратиться на корма? Разве конечный результат не главное? Пока наш колхоз единственный в районе дает прибыль от свинофермы! Считали уже: оставь мы лишних свиноматок, как советует райком, понесли бы убыток почти в четыреста тысяч рублей...

А через неделю, на колхозном партийном собрании, выслушав доклад секретаря парткома М. С. Шевелева, Венедикт Николаевич взял слово:

— Меня удивляет, с каким упрямством ваш председатель не желает выполнять распоряжения райкома... Даже не верится, что такой человек еще недавно работал у нас в аппарате...

Это собрание было вскоре после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Коммунисты колхоза выступили с критикой первого секретаря, а в постановлении записали: «Выразить несогласие с оценкой деятельности колхоза, которую дал тов. Анпилогов В. Н. Просим прекратить травлю в отношении председателя тов. Яценко. Оценку труда надо вести по делам, а не по словам, личной преданности и угодничеству».

Анпилогов уехал с собрания, ни с кем не попрощавшись.

В мае на заседании бюро райкома «стиль деятельности тов. Яценко В. К. по руководству колхозом» был признан «порочным» и осужден.

Виктор Константинович никогда не был фаталистом. Не упомню случая, чтобы он делал какие-либо беспочвенные обобщения, но...

Через некоторое время после соб-

Задумался председатель... И есть о чем.

рания полыхнула и сгорела дотла скирда на колхозном поле.

Как-то поздно вечером возле дома Яценко грохнул выстрел, посыпались на пол со звоном стекла веранды. В квартире находилась жена председателя, Татьяна Николаевна. В сумерках она едва разглядела чью-то фигуру, мелькнувшую у забора. Компетентные органы района провели расследование — безрезультатно.

— Послушай, Витя, давай уедем отсюда, сил нет! — сказала жена.

— Уехать — значит сдаться, струсить,— возражал Яценко.— Не надо бояться, мы-то с тобой ни в чем не виноваты.

Они остались. На дворе повесили яркий фонарь. Чтоб в следующий раз видно было, кто стрелял...

К лету многое подзабылось. Косили траву. Двести гектаров однолетних трав на орошаемых лугах, по мнению Яценко, должны были с лихвой обеспечить колхозное стадо. И хотя в некоторых колхозах, опасаясь за грядущую зимовку, косили лопухи по оврагам и балкам, Яценко решил 60 гектаров травосмеси овса с викой выделить колхозникам в личное пользование. «Ты давай-ка кончай с этой самодеятельностью,— пригрозил Анпилогов.— Приеду — проверю!» В воскресенье празднично настроенные жители Журавлина — сенокос! — ворошили сочную траву. Не сразу заметили они, как между лугов, поднимая шлейф рыжей пыли, показалась «Волга».

— Кто позволил? — безо всяких приветствий обратился секретарь к первым же попавшимся на глаза женщинам.

— Как кто? Правление решило. Завтра для колхоза копнить начнем.

Утром на заседании бюро райкома Яценко объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Шевелева освободили от должности. Вообще теперь «августейший гнев» пал главным образом на Михаила Семеновича. Первый секретарь, похоже, не мог простить секретарю парткома того самого партийного собрания... Шевелев заболел, а его, по предложению Анпилогова, на пленуме райкома едва не исключили из партии. Вмешался Яценко, сказав, что Михаил Семенович в больнице. И тогда Анпилогов повелел привезти оттуда Шевелева, от чего «опальный» секретарь парткома, естественно, отказался.

Ночью у Шевелева был сердечный приступ.

В санатории, куда едва ли не силком отправил его председатель, выбив путевку в облсовпрофе, Михаил Семенович неотвязно думал о случившемся. И наконец сел за письмо в газету. Писалось ему нелегко. Вместо сути дела на бумагу выплескивались только горечь и боль. Порой сгоряча он рвал уже почти готовый текст. Ему казалось, он совершает неприличное, недостойное партийца дело, что-то вроде доноса. Потом задумывался: какой же донос? Ведь дело идет о справедливости, которая важна не только для него лично или председателя. Она необходима всем колхозникам, коммунистам и беспартийным, которых заставляют думать, что партия — это Анпилогов.

Там, в санатории, он не знал еще, что в конфликт вмешался обком партии. Что в должности его восстановили, а с Яценко сняли партийное взыскание.

— Неужели перемен дождались? — первым делом спросил он при встрече председателя, мысленно сожалея о письме.

Но это была лишь передышка.

...В «Красном знамени» часто вспоминают эту административную трагикомедию.

В первый же день жатвы в сторону райцентра Прямицыно двинулись грузовики, украшенные алыми полотнищами. «Наш хлеб — Родине!» — было начертано на транспарантах. По приказанию Анпилогова машины подрулили к райкому; из репродукторов доносилась праздничная музыка.

— Стоим мы, значит, напротив райкома,— рассказывал главный агроном Е. А. Цуканов.— Положение глупейшее. В кузове — сырое зерно, его потом свиньям на корм отдали. А в других-то колхозах обмолот даже и не начинали. Но приказ есть приказ: загрузили прошлогоднего овса, гречихи... Стыдоба! Люди подходят, спрашивают: что сей маскарад означает? Только косовицу начали, а все в кумачах, как на праздник... А в полях каждая машина на счету. Так часа четыре и простояли, пока не кончилась эта показуха...

А Яценко в это время выслушивал указания райкома. «Не вздумайте тянуть с хлебозаготовками! — грозно предостерегали его.— На элеваторе, если надо, зерно подсушат». Другие везли. «Строптивый» Яценко отправлял зерно только после тщательной подработки на току и сдавал пшеницу сильной и ценной. И снова «Красное знамя» перевыполнило план.

* * *

Собираясь в Курск, я разыскал кассету с записью рассказа председателя, включил диктофон: «...И вручили мне, значит, орден «Знак Почета»... Первая награда, других нет, не заслужил еще. Это, знаешь, как первая любовь или там первая зарплата, отношение особое... А я-то, грешный, и радости не почувствовал. Думал: эх, кабы мне орден этот дали года три назад! Как бы он мне дух поднял... Бежит время. Восемь лет отдано колхозу... Пришел — было тридцать один, теперь — тридцать девять. А тут еще жена говорит: «Кому и что ты пытаешься доказать?» И вправду — кому? Только самому себе...»

Мне кажется, он говорил все это поздней осенью. Тогда его даже на совещания приглашали меньше, чем обычно. Виктору Константиновичу эта тишина казалась неестественной, странной.

Было ноябрьское успокоение природы. Давно снесло ветрами последние листья, снежок укрыл поля, где дремали озимые. К Журавлину подступалась зима.

В эти дни председатель подолгу стоял то в кузне, глядя на огонь, то у ворот мастерской, слушая, как стучат по металлу. И что-то все ныло, ныло сердце.

В декабре он похоронил отца...

Мы долго не виделись. Яценко изменился. Его глаза, которые всегда удивляли меня озорным и каким-то по-детски наивным блеском, будто бы притухли; от уголков рта пролегли складки; показалась первая седина.

— Ну, как ваша безотвалка поживает? — как можно более оптимистично спросил я.

— Безотвалка? Анпилогов грозился пригнать на наши поля всю технику с района. «Кончайте,—говорит,— ваши эксперименты! А то перепашу все силком. Командуют...» Вон, глянь! — Яценко вынул из стола ворох телефонограмм.

Депеши звучали фантастически: «Вашему колхозу доводится задание по заготовке льда, 134 $м^3$. Обеспечьте и доложите...», «Примите срочные меры к организации прогулок коров и телок. Организуйте их своевременное покрытие. Обеспечьте выгон свиноматок...». Подпись: Самойлов, председатель РАПО.

— Но это все чепуха,— сказал Яценко,— по сравнению с тем, что нам не подписывают промфинплан. Ты понимаешь, в чем сложность? Финансовый год давно начался, а банк денег не дает. Люди ни зарплату, ни годовые премии не получили. Как им объяснишь на собрании?

Яценко осаждал Самойлова еще с января, а тот под нажимом Анпилогова сопротивлялся. На сей раз — из-за площадей под картофель.

— Леонид Никитич,— убеждал Яценко главу РАПО,— вы в прошлом году довели нам 130 гектаров, и мы дали вам на них два с половиной плана. Зачем же нам снова сто тридцать? Давай мы посеем шестьдесят? И план дадим! Интенсивно работать надо...

— Я-то тебя понимаю,— стоял на своем Самойлов.— Но у меня район... Если мы вам не запланируем эти 70 га под картофель, то кому же их отдавать? И что на это скажет первый?

— Разве задача райкома не в том, чтоб воспитывать людей, кадрами заниматься, а не картошкой?! — ярился Яценко.— И почему «Красное знамя» должно покрывать негодную работу других!

Погорячился. Доказать-то, может, и не доказал, но план все-таки подписали. Подписали с обычными угрозами, предупреждениями, что «в случае невыполнения...».

Я спросил Анпилогова: если промфинплан все-таки подписали, так, может, попробовать дать «Красному знамени» полную самостоятельность! Мгновенная перемена, которая произошла с первым секретарем, поразила меня.

— Вы...—задыхаясь, произнес он,— вы, конечно, можете понаписать там всякое! Но я снова готов повторить: если б этот зазнайка не занимался своими глупыми экспериментами!..

Он резко встал, давая понять, что аудиенция окончена. Не могу сказать, что от этой встречи осталось приятное ощущение. Каково же было Яценко, Шевелеву! Ведь только за последние полтора года «Красное знамя» шестнадцать (!) раз «слушали» в райкоме партии...

О председателе и секретаре райкома многие в районе так говорят: «Коса на камень нашла». Коса? На камень? Представляю себе, как бы встретились они впервые, еще не зная друг друга, за дружеским столом... Милейшие люди. Какая там личная неприязнь! («Может, партию в шахматишки, Венедикт Николаевич?» «Пожалуй, с удовольствием, Виктор Константинович!».) Не гражданин Анпилогов столкнулся с гражданином Яценко, нет! Тут противоборство куда более серьезное — между двумя различными подходами к методам хозяйствования: административным и экономическим.

Спору много лет. XXVII съезд партии, казалось бы, расставил точки над «i»: «...перейти к экономическим методам руководства на всех уровнях народного хозяйства...» А спор, несмотря ни на что, продолжается, теперь уже в развернувшейся перестройке. Логика одних сталкивается с демагогией других.

В апреле 86-го к Яценко приехал московский гость: невысокий, худощавый человек с тургеневской бородкой, непрестанно куривший «Беломор». Человек оказался... Впрочем, по некоторым причинам, которые прояснятся позднее, не стану называть его настоящие фамилию, имя. Пусть — Дмитрий Алексеевич Приходько. Кандидат экономических наук, в крупном сельскохозяйственном НИИ он занимается интенсивными технологиями.

Приходько прибыл в Журавлино с самой мирной и благородной миссией: на основе безотвалки помочь внедрить интенсивную технологию возделывания озимых. Они с Яценко понравились друг другу, и «помолвка» состоялась.

Вечером в гостинице — выяснилось, что мы соседи по этажу,— за казенным чаем мы разговорились с Приходько. Меня интересовало, почему выбор пал именно на «Красное знамя».

— Видишь ли,— оживился Приходько, с которым мы как-то сразу перешли на «ты»,— есть в области хозяйства и покрепче. Покрутился я пару дней в знаменитых курских колхозах, которые мне усиленно «сватали», и увидел, что их успехи как бы застыли... Ну, представь, пролили из тазика на пол варенье — сироп и прихватило: ни туда, ни сюда... А у Яценко — движение. И никакого самодовольства!

Потом он привел мне ряд сугубо профессиональных преимуществ колхоза. Словом, убедил. Вскоре мы разъехались с Приходько в разные концы России. Вспомнил я о встрече с ним, когда одна из центральных газет напечатала письмо Шевелева, почти без сокращений, под заголовком «Не отчитаетесь — накажем!». Тут же мне в Москву позвонил Яценко, и в ответ на поздравления сквозь треск, шорохи, реплики телефонисток раздался знакомый тенорок:

— Поздравить-то можно. Да не совсем, вот шо!.. — И тут нас разъединили.

Отыскался Приходько.

— Ну что, читал? — первым делом спросил я у него.

— Да читал,— грустно отвечал Дмитрий Алексеевич. И добавил: — Эх, напечатали бы шевелевское письмо пораньше!

— Не успел?

— Я-то успел,— Приходько вздохнул.— Прихожу в областной агропром, мне говорят: «Извините, но наши планы изменились. С «Красным знаменем» решили повременить... Но вы, дескать, не беспокойтесь, мы вам другой колхоз нашли». «Как же так,— говорю им,— я и договор привез, и начальство мое в курсе?..» «А вы,— говорят,— не волнуйтесь». Мы это дело мигом уладим. Из обкома партии позвонят...»

— Ну и что, звонили?

— Еще бы! Послали меня в колхоз «Красный Октябрь» Медвенского района, по соседству с Яценко. И колхоз-то вроде неплохой, да все-таки...

— Застывший сироп? — вспомнил я наш курский разговор.

— Вот-вот... Знаешь, мне одно не совсем понятно: когда они кончат свои аппаратные игры? Ну, лет десять назад — было б еще понятно... Но теперь-то! После съезда! Самое обидное, что и наши в Москве поддержали.

— Слушай,— воодушевился я,— ну давай позвоним в обком. Напишем, наконец, официальное письмо! Раз они навязывают нам свои административные рычаги. У рычага, между прочим, два конца. И должны же прислушаться к голосу ученых!

Приходько терпеливо переждал этот приступ энтузиазма, глядя на меня исподлобья.

— Тебе сколько лет? Понятно. А мне за пятьдесят. Веришь ли, мне за свою жизнь столько боев пришлось выдержать... Что ни партсобрание—то «Прошу слова», что ни драка — я туда! Мне за эту самую принципиальность еще в прошлой пятилетке рога пообломали.

Тут впервые за время нашего знакомства я заметил то, чего не замечал или не хотел замечать раньше. По тихой повадке, по негромкому, едва ли уверенному голосу, по какой-то архаической манере кланяться при встрече и прощании, по привычке прикуривать, зажав в кулаке огонек

спички, и стараться не глядеть в глаза собеседнику, по обрывочным фразам и глубокому, как омут, внутреннему покою, за которым истерика; покою, к которому словно бы приговорили пожизненно, я узнавал людей, подобных Приходько. Узнавал при встречах в городах и весях той поры, которую именуют теперь «годами бюрократизма».

Председатели колхозов, комсомольские и партийные работники, ученые-сельхозники и коллеги-журналисты... Но ведь раньше они были совсем другими! Не ограничивались застольными разговорами о рутине, о самых фантастических моделях перестройки, той самой нашей перестройки, о которой не было еще и речи... Лезли в самое пекло, называли вещи своими именами: не в восемьдесят седьмом — в семьдесят пятом! И, разумеется, платили по счетам: должностями, профессиональным ростом... Сломленные духовно, с грузом выволочек, выговоров, после

Линию хозяйствования нужно вырабатывать вместе: и на правлении, и в беседах с тружениками.

инфарктов и инсультов, они, раскрыв газету в апреле 1985-го, уже едва ли могли поверить: то, о чем мечтали они, за что боролись,— начинает сбываться.

Горит, горит зеленый свет! А пойти навстречу этому свету уже не оказалось сил.

Я не считал себя вправе осуждать Приходько. Компетентный экономист, один из «невидимых» разработчиков коллективного подряда на селе, чьи мысли легли главным образом в основу чужих диссертаций, он честно работал на своем участке. Старый воин, он устал воевать, к сожалению, в тот момент, когда забрезжила надежда...

Собственно, добросовестного труда от нас требовали всегда. Мы работали. И теперешние наши успехи, и грядущие невозможны без той основы, которая была заложена раньше. Но сегодня партия требует от нас уже не просто работы «от» и «до». Она взывает к нашему сознанию, к не реализованным ранее способностям, к творческой жилке. В центр сложных процессов, которые происходят в стране, выдвинут человек. Переосмыслено, понято и утверждено то, главное, без чего уже трудно двигаться вперед: успех зависит от тех же взаимоотношений Человека с Делом, от Человека на своем месте, занимающегося Делом, в котором он компетентен.

Когда думаешь о Приходько, пытавшемся плыть против течения раньше, не находящем в себе сил делать это теперь, о нем, который гребет, гребет к берегу, становится понятнее, с какими колоссальными перегрузками связана перестройка человеческого сознания, какой это мучительный процесс. Однако это вовсе не означает, что бесполезно взывать к его сознанию (которое было и есть), совести (которая была всегда), энергии (которая стала угасать не просто по его вине). Приходится считаться с обстоятельствами.

Пусть такие, как Яценко, продолжают путь таких, как Приходько?

Но на сегодняшнем важнейшем этапе, разглядывая каждого человека пристальнее, чем когда-либо, оценивая чей-то труд, мы обязаны по крайней мере позаботиться, чтоб новатору 1987 года жилось не труднее посредственности, которая никогда не рискует и компенсирует дефицит умения подхалимством и угодничеством.

...Июнь восемьдесят шестого послужил эпилогом затянувшегося конфликта.

На Пленуме ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев сказал:

«Взять, скажем, Курскую областную партийную организацию. Далеко не во все районы проник здесь дух творческого отношения к делу, критики и самокритики. На редкость живучим оказался командный стиль работы. Например, в Октябрьском райкоме... покрывали «удобных» людей, пытались скрыть допущенные провалы, а чтобы приукрасить действительное положение, нередко побуждали хозяйственных руководителей к припискам, мало заботились о развитии инициативы парторганизаций, трудовой и общественной активности людей... Обком не скупился на самые лестные характеристики т. Анпилогова, ставя его чуть ли не в пример другим. Когда же ЦК поручил работникам аппарата разобраться на месте с положением дел, то оказалось, что написанное т. Шевелевым — чистая правда, а мнение руководителей обкома партии несостоятельно».

— Вышли мы, — рассказывал мне Яценко,— после того, как сняли Анпилогова, на улицу с Шевелевым... Лето, солнышко жарит, ну, я тебе скажу, вовсю! Прямо-таки на радость нашим озимым, вот шо! Птички поют... Сели в машину. Тут Михаил Семенович и говорит: «Молодым себя почувствовал. Будто годков двадцать скинул. Второе дыхание открылось...»

— Ну, и кто сменил Анпилогова? — спросил я.

— Есть такой Судаков Иван Васильевич, в соседнем районе предрайисполкома работал. Вежливый. Больше молчит пока, осваивается, вот шо! Ну, а в случае чего, ты же знаешь, мы с Шевелевым не отступим. Потому что не бывает на свете многих правд, есть правда одна. Уже ради нее стоит жить...

Без исканий не бывает дороги. И пока там, впереди, горит огонек надежды, чистый и ясный, будто бы вновь прибавляется сил. И открывается второе дыхание.

Курская область.

На плечи молодежи ложится огромная ответственность. Ответственность за страну, за судьбы социализма, за мирное будущее всей человеческой цивилизации. И наше партийное товарищеское пожелание — не жалеть сил ради высоких целей. Это ведь самое главное в жизни человека.

Из выступления М. С. ГОРБАЧЕВА на XX съезде ВЛКСМ

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ТЕПЕРЬ—ЗА ДЕЛО!

На активное и конструктивное участие в общественном обновлении — в перестройке — нацелил юношей и девушек страны XX съезд ВЛКСМ.

Съезд со всей определенностью подчеркнул: главная ответственность за укрепление демократических начал в комсомоле, за искоренение бюрократизма и формализма лежит на руководящих органах ВЛКСМ. Но это дело и всех комсомольцев. Поэтому в ходе перестройки работы комсомола предстоит расширить права первичных организаций. Комсомольскому собранию должен быть возвращен в глазах членов ВЛКСМ статус высшего органа. В комсомоле не может быть зон вне критики. Эти и другие принципы закреплены в принятом на съезде Уставе ВЛКСМ.

В заключительном слове первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Мироненко сказал, что разговор на съезде был откровенным, самокритичным и конструктивным. В итоге определены пути перестройки деятельности ВЛКСМ. Комсомольцы готовы к работе по-новому. Теперь — за дело!

Рашид АЛИМОВ, первый секретарь ЦК ЛКСМ Таджикистана:

Атмосферу, в которой у нас в республике проходили отчеты и перевыборы, коротко можно охарактеризовать так: особое внимание — мнению первичной организации, основная опора на нее. Обсуждение каждой проблемы, каждой кандидатуры, будь то секретарь райкома или секретарь ЦК ЛКСМ, начиналось с первичной организации. Дискуссии, «свободные трибуны», новая форма выборов — все это оживило комсомольскую работу, изменило отношение к ней у молодежи. Поэтому, думаю, и стал возможен эксперимент, проведенный нами в одном из районов.

Мы назвали его «Хочу быть комсомольским работником». И начали с того, что привлекли к нему местную прессу и радио. Вспомнили даже фильм «Человек на своем месте» — в нем молодой председатель колхоза использовал радио для откровенного разговора с односельчанами. И мы со страниц «районки», в «радиопятиминутках» повели открытый разговор о проблемах и перспективах районной комсомольской организации. Результат, признаюсь, превзошел наши ожидания: 80 комсомольцев изъявили желание попробовать свои силы на выборной работе в райкоме. И никто из них не был до этого в нашем кадровом резерве. Среди этих восьмидесяти и прошел конкурс кандидатур на выборы секретаря райкома.

Целиком и полностью поддерживаю новый принцип выборности комсомольского актива. Но, думаю, подход здесь должен быть взвешенным: будет ли толк, если секретарем райкома, например, изберут человека без какого-либо опыта комсомольской работы? Не займет ли обучение «азам» время, которое человек мог бы сразу отдать активной деятельности?

●

За несколько месяцев до начала комсомольского съезда в редакции «Огонька» состоялась встреча с президентом ВАСХНИЛ Александром Александровичем Никоновым. Речь, в частности, зашла о новой форме организации труда на селе — коллективах интенсивного труда, или, как их еще называют, КИТах. Поразило: небывало высокая производительность труда в КИТах. Подумалось: если говорить об ускорении, то это, наверное, и есть самый лучший тому пример!

И вот в дни работы XX съезда ВЛКСМ мы встретились с одним из зачинателей движения коллективов интенсивного труда в Новосибирской области, делегатом комсомольского форума, механизатором колхоза «Большевик» Леонидом Кожуховым.

— В чем особенность КИТов? — переспросил Леонид.— Ну, во-первых, в том, что мы не просто коллектив, а коллектив единомышленников, где каждый заинтересован в результатах своего труда. Второе — нас больше не перебрасывают с поля на поле, с одного участка на другой. Земля закреплена за нами на долгие времена — лет на десять-пятнадцать. Третье — предоставляется техника со всем необходимым аграрным инструментарием. Что это значит? Только одно. От того, насколько разумно и бережно будем пользоваться «своей» землей, от того, насколько экономно и эффективно станем применять технику, впрямую зависит и конечный результат — то есть урожай и, само собой разумеется, наши доходы. А теперь о предварительных итогах. Производительность труда в нашем КИТе по сравнению со «средними» бригадами возросла в восемь раз, зарплата — около 500 рублей в месяц. Есть, конечно, и свои проблемы. Самая главная — нехватка надежной техники. Выезжаешь утром на поле и думаешь: что, интересно, сегодня сломается? Мы, конечно, что-то ремонтируем, что-то сами совершенствуем, но нельзя же так до бесконечности. На голом энтузиазме далеко не уедешь.

Вы спросите: а при чем здесь комсомол, ведь КИТ — дело сугубо сельскохозяйственное? Возражу: связь между КИТом и комсомолом самая непосредственная. Сами подумайте, кто пойдет работать в коллективы интенсивного труда? Кто будет вкалывать (и это не преувеличение) по двенадцать-тринадцать часов в сутки? Конечно же, молодежь. У людей пожилых — устоявшийся образ жизни, укоренившиеся привычки, традиции. Быть может, это звучит по-максималистски категорично, но у них, как правило, меньше желания идти на эксперимент, рисковать, пробовать. Поиск — удел молодежи.

Кстати, вот тут на съезде было высказано мнение, что, мол, комсомол мало внимания уделяет труду, а все больше досугу, что, дескать, образовался перенос в сторону развлечений. Быть может, что касается городской молодежи, так оно и есть, но вот если говорить о сельских жителях, здесь я в корне не согласен. У нас молодежная инициатива, как правило, направлена как раз в сферу трудовой деятельности, а досуг — это как бы сбоку припека. Вот и получается: отработал парень на поле с рассвета до заката, пришел домой — и на диван к телевизору. Вот и весь досуг. Бывают у нас, конечно, кино да танцы, но на них мало кто ходит — надоело. Хотели мы было устроить у себя центр молодежного досуга по типу городского: купить видеотехнику, коктейли продавать, общаться, да столкнулись с другой проблемой — деньги-то есть, а вот купить на них что-либо невозможно. И аппаратура, и трубочки для коктейлей — все это только за наличный расчет.

Вообще, надо сказать, от прошедшего съезда осталось двойственное ощущение. Мы много критиковали, много спорили — это хорошо. Ну, а что дальше? Что, кроме споров и критики? Ведь, как мне кажется, мы для того и собрались на этот съезд, чтобы без шумихи и парадности разобраться в нашей молодежной жизни, решить вполне конкретные проблемы, которые, я в этом абсолютно уверен, стоят перед каждой комсомольской организацией. Что касается лично меня, то на многие вопросы я так и не получил ответа.

Ну, а что теперь? — спрашиваю себя. Как строить свою жизнь после съезда? Спрашиваю и сам себе отвечаю: работать. Заждалась пашня.

РАБОТАЮ С ХОРОШИМ НАСТРОЕНИЕМ!

Хочу поблагодарить через ваш журнал медицинский персонал московской городской больницы № 51, отделение микрохирургии Всесоюзного научного хирургического центра Академии медицинских наук СССР. Они вернули мне хорошее настроение, радость жизни, любимую работу.

После службы в армии на заводе со мной произошел несчастный случай — фрезой отрезало мизинец левой руки. Надо вам сказать, что с детства я мечтал быть культработником, и эта мечта никогда меня не покидала. В конце концов я стал методистом в одном из районных домов культуры, заочно начал учиться в культпросветучилище. Но полученная травма беспокоила, я смущался и никак не мог заставить себя участвовать в практических занятиях. Наконец решил, что дальше так продолжаться не может. Поехал в Москву, к доктору Рамази Отаровичу Датиашвили, о его уникальных операциях не раз писал «Огонек». Он сердцем понял мое страдание. Под его руководством успешно прошла семичасовая операция, в результате которой мне пересадили палец со стопы на кисть левой руки.

Чувствую сейчас себя прилично, живу и работаю с хорошим настроением.

А. ВАСИЛЬЕВ

п. Кугеси.
Чувашия.

СЕГОДНЯ НЕ НУЖНА ПОЛУПРАВДА

Прочитала в «Огоньке» страстную публицистическую статью С. Федорова «Чтобы никогда не повторилось» (№ 8).

Не вижу, не знаю механизма, перекрывающего путь наверх, скажем, не самым достойным. Вы скажете, такой механизм — это гласность, демократия. Но тому и другому нужно долго, упорно, мужественно учиться, а вот прыткие, живущие по принципу «чего изволите», им уже овладели. Поют, как и прежде, только другие песни.

А когда начнет бесперебойно работать единый закон для всех, и прежде всего для коммунистов?

Можно ли поверить, что человек, привыкший быть холуем, согбенный постоянным рвением угодить начальству, в глубине души сознающий свое ничтожество (я убеждена, что каждый знает объективную оценку самого себя), вдруг распрямится и скажет: «Не могу, не соответствую, ухожу». Утопия. Он привык к определенному образу жизни, к его количественной и качественной сторонам и будет зубами держаться за кресло, стул, стульчик...

Очень многое народу сказано. Я бы лично сказала еще одно слово: контрреволюция. Тогда бы все встало на свое место. Речь-то ныне, как я понимаю, идет прежде всего о необратимости революционной перестройки, о самой настоящей борьбе не на жизнь, а на смерть, ибо нечисть посягает на самое святое — на социалистические идеалы. Нечисть увидела в социализме исключительно возможность сытно (в самом широком смысле слова) пожить, в свое удовольствие.

Я думаю: в голодные и холодные годы люди строили нашу жизнь, наше могущество, нашу сверхдержаву. Так что же случилось? Где корни, первопричина происшедшего?

Время трудное. Время борьбы одних, выжидания других, сопротивления третьих. Пишите об этом смело, громко. Сегодня не нужна полуправда.

М. ЯКОВЛЕВА

Москва.

Хотелось бы, чтобы общественность поняла наконец, что все беды у нас (абсолютно все, в духовной сфере или в экономике, в том числе некомпетентность руководителей и специалистов всех уровней и профилей) исходят из одного корня. Корень этот — ущемление прав народа при образовании органов власти. Можно сказать, что это изменение генной основы организма государства, а уж метастазы проявляют себя повсеместно. При понимании этого легко выстраиваются цели и определяются средства борьбы. В противном случае вся энергия уйдет в разговоры.

В. РЕМИЗОВ

Горький.

Мы сегодня открыто говорим обо всем, что еще вчера казалось недопустимым. Но то, что негативные молодежные проблемы — лишь следствие многих наших воспитательных недоработок и упущений и особенно нравственного плана, по-прежнему признать прямо стесняемся...

Злободневный вопрос поставлен — и весьма серьезно — в очерке «Живодеры» («Огонек» № 8). В нынешнее время, особенно после введения Закона об индивидуальной трудовой деятельности, будет весьма выгодно и удобно приобщать к «собачьему промыслу» несовершеннолетних, желающих иметь свои карманные деньги и не задумывающихся над тем, можно ли ради денег убить животных. В этой связи необходимо такое законодательство, которое запрещает отлов домашних животных и их уничтожение частными лицами, живодерами, людьми без элементарных моральных принципов.

Л. АЛЕКСЕЕВА,
кандидат психологических наук

Москва.

Статья «Почему бесправна наша муза?!» («Огонек» № 8) блестяще ниспровергает наукообразное волокитство в изобретательстве. Суть дела выражена точно и правдиво. Даже одно, казалось бы, небольшое добавление в названии госкомитета — «по внедрению» — заставит отчитываться аппарат не за накопление на полках творческого труда, а за его реализацию.

Не оставляйте в покое разработчиков нового закона. В комиссию надо ввести истинных подвижников «нашей музы» и непременно А. Н. Филиппова.

Трудно сейчас живется творчеству, и создание действенного союза — просто мечта! Не отступайте от намеченной цели — принятия истинно ленинского закона, принципы которого упомянуты в статье, а изобретатели вас всегда поддержат.

В. НОСОВ,
научный сотрудник

Люберцы
Московской области.

Мысли заслуженного изобретателя СССР А. Филиппова, мысли многих лет собственной жизни растревожили душу.

Я инженер, проработавший 20 лет старшим инженером, начальником механического цеха, главным механиком завода. Неоднократно терпел поражения при внедрении своих и чужих небольших по весу изобретений и рационализаторских предложений. И каждый раз слышал одни и те же сентенции: «В наш век одиночки несостоятельны... Тебе что, зарплаты не хватает? С рационализацией лезешь... Брось!» Бросать приходилось. Потому что «соавторы» надоедали. Потому что надо оформлять и пробивать.

Я все время мечтал о внедренческих бригадах и даже сам напрашивался стать бригадиром такой бригады, но был осмеян, так как считался номенклатурным работником. Тогда я бросил инженерные дела и снова, как и 20 лет назад, стал слесарем. Когда я изготовляю по чьим-то чертежам станок, автомат, оснастку для основного производства, то в какой-то степени удовлетворяю свою потребность во внедрении нового. Тружусь я неплохо. Общий трудовой стаж 38 лет, из них 14 лет отдано высококвалифицированному слесарному делу. За плечами ремесленное училище, армейская служба, перечисленные выше должности, и вот до пенсии 8 лет. На руководящей работе мне осточертела заседательская суета, пустая писанина, бесконечные инспекции, просто проверки, лживые отчеты... Жена моя шутит на этот счет: «Хочешь иметь быстрый результат, мой посуду!» У слесаря-экспериментальщика творчества на работе больше, чем у главного механика завода силикатного кирпича. Здесь не надо развивать способности шулера, менялы, доставалы.

Мои внедренческие мечты — отраслевые. К сожалению, министерства в этом вопросе беспомощны. Если бы я был министром промстройматериалов, то такой пестроты в успехах заводов, выпускающих одну и ту же продукцию, а именно кирпич, я бы не допустил.

Министерская «грозная палица» оказалась не в состоянии привести отраслевые заводы уж не к одному, а хотя бы к близким друг другу знаменателям. А все потому, что внедренческую работу министерство держит в загоне. Рационализаторское, изобретательское внедрение всего лишь частности закоснелого общего. Пора поднимать и этот пласт временно законсервированной жизни. Большая надежда на перестройку.

А. БАРАНОВ

Куйбышевская область.

Прочитал в журнале отклик на фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Для многих молодых, долгое время заботливо оберегаемых от правды, фильмы, подобные «Покаянию», далеки и непонятны, но здесь их вина не очень-то велика. Разве не стало привычным для многих избегать, как огня, всех трудных вопросов, беречь себя, свой крохотный мирок от малейшего сквозняка, делать вид, что веришь, и не верить ни во что? Фильм как раз об этом, о проблеме правды и лжи, в том числе лжи «во спасение» и «во успокоение».

И все-таки некоторые люди, в том числе многие молодые, задают вопрос: «Зачем нам об этом знать, ведь ничего не переделаешь заново?» Получается, что мы хотим знать только простое и приятное, а все сложное, трагическое, противоречивое знать не желаем. Тогда история действительно ничему не научит. Вопросом «Зачем нам об этом знать?» очень легко убедить себя в том, что ничего не надо знать и о настоящем, что и в нем ничего нельзя изменить. А знать все-таки надо. Иначе получится, что внуки будут стрелять в невинных и защищать виноватых, как это делает Торнике в начале фильма. Может ли быть что-нибудь страшнее такого незнания? Незнание истории не освобождает от ответственности перед будущим. Невежество здесь слишком дорого стоит.

В. ПАНТИН
32 года, научный сотрудник

Москва.

ПОДПИСКА С «УСКОРЕНИЕМ»?

Отправляясь солнечным мартовским утром в отделение связи № 66 города Кемерово, Николай Васильевич Кузнецов уже предвкушал, как в праздничный майский день получит «Огонек» и приступит к чтению статей.

— Получать журнал начнете не с мая, а с июня,— заявили в ответ на просьбу работники почты.— Таков приказ городского агентства «Союзпечать».

Несколько раньше подобный разговор произошел в Новосибирске, у нашей читательницы Л. И. Астафьевой. В конце января в районном почтовом отделении она решила оформить подписку на март. Но и ей объяснили, что на журнал она может рассчитывать только с апреля, что в Москве свои правила, а у них — свои, что в Новосибирске заканчивают подписку раньше, не дожидаясь последнего числа месяца.

Итак, в Кемерове подписку завершили за десять дней до положенного срока, в Новосибирске — за пять. И знаете, почему! Как нам поведали в кемеровской «Союзпечати», чтобы вовремя доставить квитанции из отделения связи в агентство. Которое, заметим, находится в том же городе, в часе-полутора езды.

А вот телеграмма из Барнаула: «10 апреля 49-м отделением связи отказано подписке с июня». И две подписи — Куровская, Костерина.

Получив эти тревожные сигналы от огорченных читателей, мы позвонили в Министерство связи РСФСР, чтобы узнать, не случилось ли каких перемен в общепринятых сроках подписки.

Оказывается, нет, все по-прежнему.

Что же это, местная инициатива — заканчивать подписку с «ускорением»! Тогда хотелось бы знать, какой смысл работники «Союзпечати» Барнаула, Кемерова и Новосибирска вкладывают в это понятие и как сообразуется оно в их понимании с заботой об удобстве и настроении подписчиков!

Над рассказом Михаила Шолохова «Судьба человека» стоит посвящение — «Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года». Это единственное персональное посвящение в сочинениях писателя сделано тридцать лет тому назад, в конце декабря 1956 года.

Публикуемые «Огоньком» записки Е. Г. Левицкой о ее поездке в Вешенскую датируются 1930 годом. Очерков о визитах к М. А. Шолохову на Дон опубликовано великое множество. Некоторые авторы, стоило им хоть раз побывать в доме знаменитого писателя, спешили тотчас обнародовать свои мимолетные впечатления и застольные беседы.

Иное дело очерк Е. Г. Левицкой, столь долго лежавший в столе. Евгения Григорьевна, тогда сотрудник МК партии, после многократных приглашений приехала с сыном из Москвы в Вешенскую не только отдохнуть, но и с твердым намерением зафиксировать свои впечатления на бумаге. Уже тогда, летом 1930 года, она, как мало кто другой, понимала, что ей посчастливилось стать гостем человека, который, несмотря на свои молодые годы, писатель не только сформировавшийся, но и выдающийся, идущий следом за титанами XIX века, на чьих сочинениях воспитывалась Евгения Левицкая.

Написав очерк «по горячим следам», Евгения Григорьевна никогда при жизни своей не стремилась его опубликовать, хотя как литератор себя не раз проявляла: в двадцатые годы в историко-партийных журналах печатались ее воспоминания о пережитом в годы борьбы с царизмом.

Причиной тому была истинная большая дружба, возникшая между молодым писателем и умудренным жизнью, испытанным деятелем партии, вступившим в ее ряды еще до того, как родился будущий автор «Тихого Дона».

Их знакомство состоялось в Москве накануне появления романа в первых номерах журнала «Октябрь» за 1928 год. Будучи одним из ведущих работников кооперативного издательства «Московский рабочий», чьим пайщиком, в частности, являлся В. И. Ленин, она по долгу службы прочла поступившую «самотеком», как говорят издатели, рукопись молодого автора, к тому времени успевшего в Москве опубликовать несколько книжек рассказов о революции и гражданской войне на Дону.

Рукопись «Тихого Дона» потрясла Евгению Левицкую. Она читала ее, не смыкая глаз, ночь. Потом предложила прочесть сыну, ровеснику писателя, Игорю Левицкому. В отличие от редакторов журнала «Октябрь», незадолго до этого решавших судьбу рукописи, писателей — руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), Евгения Григорьевна приняла роман без всяких оговорок и как редактор, и как коммунист, пораженная глубиной реализма, силой чувств, яркостью мысли. Она дала сочинению самую высокую оценку, зажгла перед Михаилом Шолоховым в издательстве «зеленый свет».

Вскоре после журнальной публикации издательство «Московский рабочий» в 1928 году выпускает первую книгу «Тихого Дона», сначала в виде «Роман-газеты», а затем книги. Отношения М. А. Шолохова и Е. Г. Левицкой, первоначально сугубо деловые, становятся глубже, теплее, между ними завязывается оживленная переписка единомышленников, крепнет дружеское чувство, несмотря на разницу лет. Вот почему, будучи человеком предельно скромным, бескорыстным, никогда не стремясь извлечь пользу из этих отношений, более того, опасаясь, как бы публикация нечаянно не нанесла им ущерб, Е. Г. Левицкая не делала попыток опубликовать свои записки. Она завещала их детям.

Е. Г. Левицкая придавала значение каждому слову, факту, событию, связанному с именем М. А. Шолохова, старалась увиденное и услышанное в Вешенской запечатлеть как можно точнее и подробнее, пыталась понять загадочный характер писателя, которому природа дала столь великий талант. Ее записки отличаются от многих подобных глубиной проникновения в тему, название которой — Михаил Шолохов. Убежден, что они представляют интерес не только для исследователей жизни и творчества писателя, никогда не склонного к самообнажению (как некоторые современные литераторы), но и для читателей.

Дружба этих двух замечательных людей выдержала суровые испытания жизни, в том числе бури 1937 года, пронесшейся и над их головами. Умерла Евгения Григорьевна в Москве в 1961 году.

Публикация «Огонька» стала возможна благодаря помощи семьи Е. Г. Левицкой: дочери Маргариты Константиновны Левицкой, внучек Ирины Ивановны и Ларисы Ивановны Клейменовых. За что им от имени читателей — спасибо.

Лев КОЛОДНЫЙ

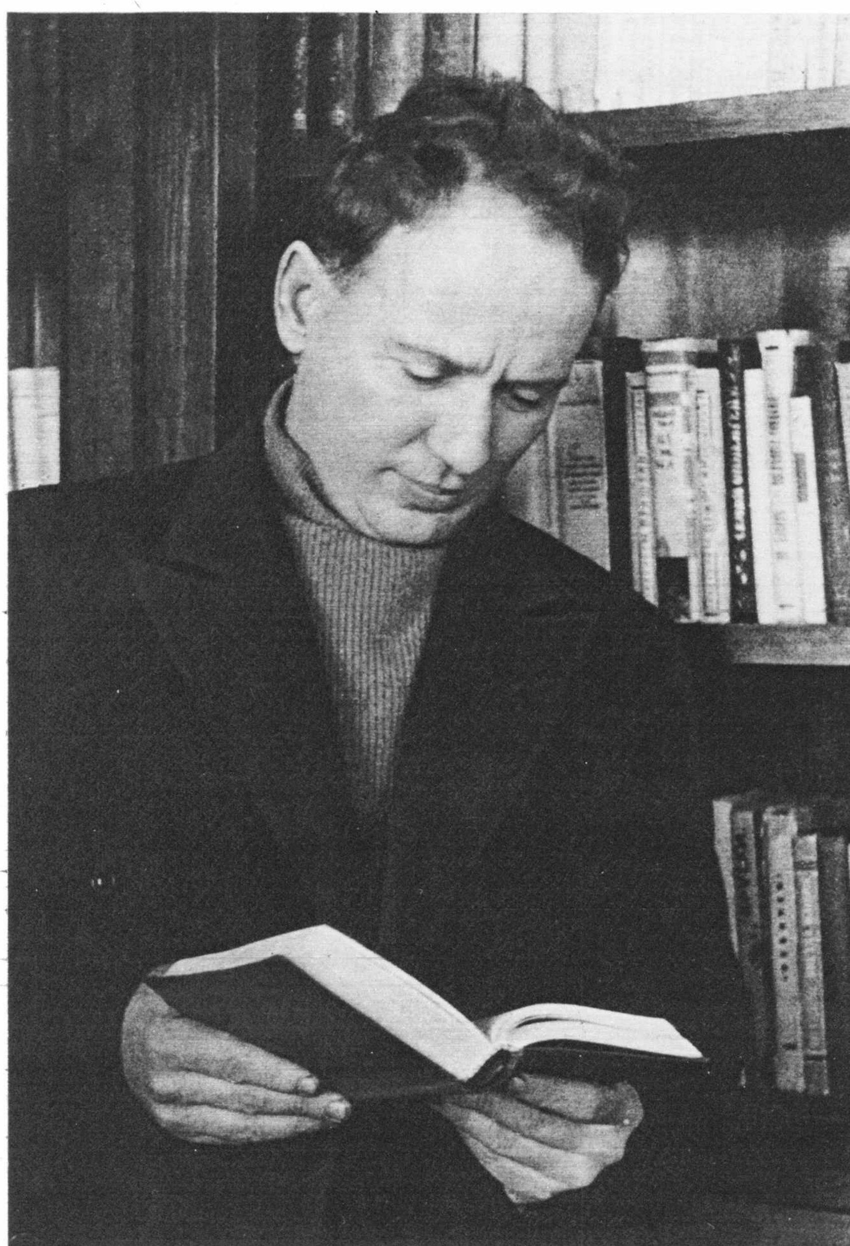


Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

НАСЛЕДИЕ

НА РОДИНЕ «ТИХОГО ДОНА»

ЗАПИСКИ Е. Г. ЛЕВИЦКОЙ

СТАНИЦА ВЕШЕНСКАЯ 19.VII—6.VIII 1930 ГОДА

Этот дом для меня исторический,— сказал М. А., указывая на соседний дом,— в нем я написал почти весь «Тихий Дон». Мы стояли у окна его «собственного» дома; соседний дом был обычным казачьим куренем, с закрытым крылечком, беленький и уютный. «Я нанимал там две комнаты в 26-м году, и мы жили всей семьей...»

Его знаменитый «собственный» дом, о котором литературная братия распускала все время сплетни («Шолохов построил себе дом...»), мало чем отличается от обычных домов Вешенской станицы. Три комнаты, по московскому масштабу очень низких, передняя с лежанкой, застекленная галерейка — вот и все великолепие шолоховских хором.

Кухня и все хозяйственные кладовушки помещались «в низах» — помещение под домом, очень чистенькое, с русской печью и прочим, как полагается в деревне. Здесь заправляет всем «бабушка Даниловна» — мать М. А., ворочается неуклюжая Санька — загорелая толстая казачка, с большими серебряными серьгами, ее помощница.

Обстановка комнат не носит никакого индивидуального отпечатка, это обычная провинциальная квартира, с трафаретными занавесками на окнах, с плохими картинами на стенах, сборной мебелью. Спальня с горами подушек, детской кроваткой с кисейным пологом и прочим. «Кабинет». Никогда не сказала бы, что это кабинет молодого писателя! Маленькая комнатка; кровать, над которой на ковре развешано огромное количество самого разнообразного оружия; несколько ружей, казачья шашка в серебряных ножнах, нагайка с рукояткой из козьей ножки, ножи, револьверы. В углу этажерка с пластинками для патефона, письменный стол, шкаф с книгами в хороших переплетах. Книги почти все дореволюционного издания, классики, критики: Толстой, Тургенев, Герцен, Белинский, Бунин, Андреев, Блок. А за ними, у стены шкафа ютятся современные книжки. Их немного. На письменном столе нет привычных, обычных нашему глазу вещей: письменного прибора и прочего, стоит чернильница и лежит ручка. Да останавливает внимание только желтый портфель, туго набитый, очевидно, бумагами. Это единственный предмет, который хотя бы косвенно намекает на «профессию» хозяина комнаты.

В маленькой столовой — большой четырехламповый радиоприемник и патефон.

Двор—обычный деревенский двор; есть амбар, где летом живет бабушка («прохладнее») и в жару обедает там же; сарай с сеном, другой, где живут корова и серая лошадь (опять же знаменитый «серый жеребец», оказавшийся довольно старой военной лошадью, слепой на один глаз...), курятник... Вот и все «поместье» Шолохова, о котором было так много разговоров в рапповских кругах.

Да, еще не менее знаменитый «баркас»—небольшая рыбацкая лодчонка, изрядно протекающая и требующая снятия обуви, когда мы переезжали на ту сторону купаться.

Сколько сплетен я слышала по поводу всего этого от досужих литературных сплетников!

Еще в прошлом году М. А. звал приехать в Вешенскую, а этой зимой чуть ли не ультимативно ставил этот вопрос, заявляя, что иначе «дружба врозь». Мне и самой хотелось посмотреть обстановку, в которой живет он, посмотреть его в обычной, житейской обстановке, попробовать понять этого своеобразного, необычного человека, сумевшего в свои 20—21 год («Тихий Дон» он начал писать в 25-м году) дать такие глубокие, тонкие по психологическому анализу страницы «Тихого Дона» и свои небольшие рассказы, яркие, незабываемые.

С тех пор как я увидела этого маленького паренька, с его усмешкой (он усмехается часто даже тогда, когда «на душе кошки скребут»), с глазами «молодого орелика», как охарактеризовал его Серафимович, немного холодными и определенно насмешливыми (при разговоре вдруг, одним словом, характеризующим человека), он глубоко заинтересовал меня. «Откуда он знает все это? — недоумевала я.— Ведь надо же прожить хотя бы некоторое время на свете, чтобы так тонко понимать женскую душу, ребенка, старика...»

Загадкой было все это для меня. Загадкой осталось и после пребывания в Вешенской. За семью замками, да еще за одним держит он свое нутро. Только изредка и всегда совершенно неожиданно блеснет какой-то луч. И снова потухнет. Я знаю только, что если я, старуха, не разгадала этого человека, то и все окружающие тоже его не знают. Он живет какой-то своей особой жизнью, иногда обращая внимание на мелочи, окружающие его (выбросил все цветы из комнат: «без них лучше»), иногда не замечая или делая вид, что не замечает обстановки и людей, окружающих его.

Охота, которой он увлекается, рыбная ловля и прочее нужны ему не сами по себе, а для каких-то своих особых целей; ему нужна поездка в степь, ночевка на берегу Дона, возня с сетями для того, чтобы получить эмоциональную зарядку, что-то еще ярче пережить, заставить других говорить, раскрывать свое сокровенное. Отсюда его постоянное поддразнивание людей, иногда неожиданное и провокационное, собеседник от неожиданности не успеет спрятаться за слова, а он все куда-то откладывает и подмечает. О себе говорит очень скупо, изредка и всегда неожиданно. Так, одно-два слова, и надо всегда быть начеку, чтобы поймать это неожиданно вырвавшееся слово, сопоставить его и хоть немного понять, уяснить этот сложный образ.

Ну вот, таким образом и решили мы свою поездку в Вешки. Конечно, знай я, что так трудно добраться от Миллерово, я, пожалуй, не рискнула бы на это, но я страшно рада теперь, что по незнанию решила ехать. Разрешив благополучно вопрос о машине благодаря любезности в окружкоме, мы выехали из Миллерово в 2 часа дня.

Солнце пекло нестерпимо; на дороге пыль лежала толстым слоем и такая тонкая, мелкая пыль, что забиралась во все поры тела. Не прошло и получаса, как мы превратились в настоящих арапов и перестали проявлять даже слабые попытки защититься от нее. Одну спутницу мы высадили в Ольховом Рогу (вспоминается, что здесь Григорий чуть не утонул, когда возвращался со станции Миллерово), других — в станице Кошара; и оттуда уже поехали одни.

Солнце спускалось, стало прохладней, пыль одолевала меньше. Ехали по мало разбитой дороге, а иногда и прямо по целине, по седой от полыни степи. Кругом необъятная степь, идет уборка хлеба. Везде машины, косилки, и там и сям дымки, работают молотилки. Чувствуется, что здесь почти нет единоличников; либо колхозы работают день и ночь (ночью яркие факелы освещают группу: молотилку, над которой развевается красный флаг, и копошащихся около нее людей), либо зерносовхозы.

Они распахали огромное количество целины. Куда ни кинешь взгляд — везде черная пахота без единой межи, и даже все дороги запахали тракторы. Вот идет их целая колонна, разрыхляя дисковыми боронами распаханную степь. Впервые видела я их работу. И она произвела большое впечатление: сила чувствуется, мощь.

Изредка попадаются балки, покрытые лесом, главным образом осокорь и верба, и по ним тянутся без конца «хохлачьи слободы» и казачьи станицы...

Не доезжая 35 верст до Вешенской, лопнула шина. Шофер долго возился с ее починкой; солнце зашло; отовсюду возвращались с полей люди; проезжали верховые, четко рисуясь на вечернем небе, громыхали косилки, перекликались люди. Издали доносились песни. Сильнее чувствовались степные запахи; полынь, чебрец. Кружились ястреба, щебетали какие-то пичуги.

С колесом не ладилось, пришлось набить его тряпками, и, хромая, по темной степи, без дороги добрались до Каргинской станицы. И здесь во дворе сельсовета, на машине, устроились на ночлег.

Глядя на темное небо, вслушивались в деревенскую тишину, изредка прерываемую лаем собак и далеким пением, вспоминались, оживали страницы «Тихого Дона», приобретали реальность исторического действия. Так и уснула я вспоминая...

Утро было яркое, солнечное. Потихоньку, чтобы не разбудить Игоря, вылезла я из машины и пошла на площадь. Церковь с красным флагом; рядом школа. Посреди площади огороженное место с памятником черным, деревянным и надпись: «Борцам Пролетарской революции, погибшим в борьбе с бандитизмом». И вокруг огород, очевидно, школьный. На этой площади пороли Мишку Кошевого.

На крылечке школы сидит женщина с ребенком. Другая, проходя мимо, кричит ей: «Тебя мы вчера выбрали в совет по ремонту школы. Так уж там смотри, теперь ты несешь ответственность...» Сразу пахнуло новой жизнью, и красный флаг на церкви особенно ярко загорел...

Получив в совхозе новые камеры, мы помчались в Вешенскую. Вот навстречу — красный обоз. На передней телеге развевается красное знамя с надписью: «Выполним на 100% хлебозаготовки!» И длинная вереница телег с туго набитыми мешками медленно проплывает мимо нас.

Чем ближе к Вешенской, тем сильнее чувствуется близость реки. Чаще попадаются глубокие балки, заросшие лесом и кустарником; тянет прохладным ветерком. Вот и Дон блеснул синей лентой среди густых прибрежных лесов. И далеко, куда глаз не достанет, по Дону тянутся станицы, ветряные мельницы, хутора. Вот и хутор Базки. Значит, скоро и Вешенская, по «Тихому Дону».

Мчимся по-над Доном, переезжаем шаткий мост, какие-то люди сердито кричат шоферу: «По мосту тише!», — на что он только крутит головой. И мы в Вешенской.

Вот РИК, где допрашивали Лихачева, красное кирпичное здание. Вот старая церковь на площади, где Григорий принимал присягу. Точно по давно знакомым местам ходишь...

Бросили в РИКе вещи и спрашиваем председателя — как найти Шолохова. «А он уже несколько раз приходил, справлялся, не приходила ли машина», — он прерывает разговор и подходит к телефону. Разносит кого-то, кто допустил, чтобы машина стояла 4 часа в сутки. «Ты должен добиться, чтобы все двадцать четыре часа машина работала», — строго говорит он. Минут пять идет разнос, чувствуется настоящий фронт, горячее страдное время, где каждый час дорог. И опять радостная мысль: а вот это новая жизнь! «Тихий Дон» с его смутными делами — уже прошлое; кругом строится новая жизнь.

«Идите прямо по этой улице, у Шолохова дом лучше всех, отметней...» Пошли — и столкнулись с М. А. По первому взгляду трудно узнать обычного, московского Шолохова. Этот — почти бритая голова, майка, чирики на босую ногу. Загорелый, крепкий, ну и, конечно, неизменная трубка в зубах. Передавая наши дорожные впечатления, дошли до «отметного» дома. Только и отметина, что высокая антенна да новенький забор у палисадника.

Через полчаса сидели мы за столом и насыщались чудесно зажаренными куропатками, пили чай, молоко и защищались от настойчивых хозяек, считавших наши желудки бездонными.

К сожалению, Игорь подкачал: приехал с температурой и ангиной. Но он стойко переносил ее на ногах и даже ходил на охоту, пролежав в постели только один день.

Распорядок дня был таков: вставала я рано — в пять-шесть часов; усаживалась на крылечке, грелась на солнышке и наблюдала неторопливую деревенскую жизнь. По двору уже давно хозяйничала бабушка; корова подоена и отогнана в стадо; Николай, добродушный парень, ведет серого поить к Дону; бабушка кормит кур, у корыта хрюкают поросята (М. А. обещает зимой привезти колбасу из них!). Собаки — четыре! — разного возраста (охотничьи) растянулись в тени. Тихо и спокойно; сидишь и лень думать о чем-нибудь.

В 8 часов встают все обитатели. Первой высовывает белобрысую головенку из темной комнаты Светлана, жмурится (спят с закрытыми окнами и ставнями) и нерешительно выползает на крыльцо.

М. А. начинает возиться с радио и ловить разные станции; Горя с книжкой.

Марья Петровна, сдав своего двухлетнего Шурика матери (она обычно уносила его к себе домой и там возилась с ним), «собирала на стол».

Начинался завтрак и чаепитие. На столе появлялась огромная сковорода с жареным картофелем, котлетами или другой снедью, которая и была обычно очищена дотла; затем чай с чудесным медом, впитавшим в себя все степные ароматы, а особенно «чобор», исключительный по ароматности мед! После чая разбредались кто куда. Обедали в два-три часа и до такой степени плотно, что мы с Игорем прямо изнемогали. Кормили нас и стерлядью, и молодым барашком, дикими утками, куропатками, цыплятами. Подкладывали, не спрашивая согласия, а после обеда обязательно пили холодное молоко. Часов в семь чай с калачами, бабушка их исключительно вкусно печет, а на ночь: «Не хочет ли кто-нибудь молочка?»

Мне М. А. отдал свой кабинет; часто ночью я просыпалась и никак не могла сообразить, почему над моей головой сверкает шашка и торчат дула ружей. Игорь сперва спал в столовой, а когда приехал Кудашев, переселился на сеновал, куда только что привезли несколько возов душистого, мягкого сена; и хотя к ним на ночевку приходили и собаки и корова покушалась забраться в незапертые двери сарая, им так нравилось спать на сене, что они со всем мирились.

Жена М. А. — Мария Петровна отнеслась ко мне мило и приветливо, всячески ухаживала за мной, поверяла свои горести и огорчения, рассказывала о М. А. (но сдержанно). Все хозяйство ведет мать М. А. — Даниловна. У Марии Петровны большая родня: отец, мать, сестры — три, брат. Сестры учительствуют в разных местах. Отец, Громославский, бывший атаман, пошел добровольцем в Красную Армию, и когда белые захватили Букановскую, он был арестован, четыре месяца дожидался смертной казни, а затем получил восемь лет каторги. Освободили его красные. Этакий бравый казачий офицер с седыми усами и отличной военной выправкой.

Мария Петровна рассказывала мне: «Работает М. А. по ночам, иногда вечером поспит и всю ночь работает. А то запряжет серого и уедет по хуторам. И снова за работу.

Один из первых рассказов — «Нахаленок», сколько радости было у нас, когда он был напечатан! Он получил 200 рублей за него».

«А какая у него была уверенность в своих силах! Он говорил мне: увидишь, меня будут переводить на иностранные языки!»

«Нам очень трудно было жить, но он упорно работал и был убежден, что добьется своего...»

Показывала много фотографий... Вот М. А. — сидит в чашке с водой, ему год-полтора, с крестом на груди; вот он маленьким гимназистиком — приготовишка! Группа — отец, мать и он лет 12; вот М. А. продотрядник (комиссар!) в кожаной куртке и кепке, чудесный парень!

Светланка — копия отца: такой же вихор торчит над уморительно-крутеньким лобиком, только глаза не отцовские, серо-голубые. А маленький Шурик (по традиции назвали по деду Александром) похож на мать.

Даниловна очень любила со мной разговаривать; конечно, главной темой был М. А. «Мы с отцом из последнего тянулись, чтобы ему дать образование; сперва он учился в Москве, а потом в Богучаре. А тут взяли его мальчишкой и сделали инспектором по продовольствию, продотрядником, он и бросил учиться...

Был он всегда ласковый и послушный. Мы с отцом души в нем не чаяли; он для меня все на свете. Родни у меня нет никакой, один он. Пусть бы переезжал в Москву, разве я не понимаю, что ему еще много надо учиться, надо с умными людьми встречаться. Пусть бы на лето сюда приезжал, а зиму — в Москве. Повлияйте на него, Евгения Григорьевна, может, он вас послушается». И слезы на глазах у бабушки Даниловны...

Ухаживает она за сыном, старается все приготовить, что он любит, и называет его Минька (для матери он, Минька, ведь сказал же М. А. мне однажды, что «Нахаленок» — отчасти автобиографический рассказ).

Говорить с М. А. очень трудно. Замкнутый, он и о себе говорить не любит. Два вопроса интересовали меня: конец «Тихого Дона» и дальнейшие темы работ.

На мой вопрос об окончании «Тихого Дона» он сказал, что уже получил разрешение ГПУ пользоваться всеми секретными документами, касающимися Вешенского восстания.

«Мне остались только охвостья».

«Меня смущает то, что приходится комкать конец, иначе я не уложусь в третью книгу».

«Кончается: я обрываю польской войной, куда Григорий идет как красный командир. Боюсь, что будут говорить, что о Григории белом я говорю больше, чем о Григории красном. Но я иначе не могу — слишком разрастется третья книга».

Говорила я и о необходимости переезда в Москву, хотя бы на два-три зимних месяца.

«Зачем я поеду? — живо ответил он. — Ведь здесь кругом сколько хочешь материала для работы. Растут и крепнут колхозы. Я ведь всех их знаю. И они меня знают. А что, Евгения Григорьевна, много есть произведений из колхозной жизни?»

«Много, но все они никуда не годны с точки зрения художественной, начиная от знаменитых «Брусков» Панферова».

«Ну, вот, не считаете самомнением, если я скажу, что, если я напишу, я напишу лучше других».

Я спокойно ответила, что ничуть не сомневаюсь в этом. И спросила, всерьез ли он думает об этом.

«Да, повесть листов на десять».

«Сколько же времени вам нужно на это?»

«Месяца три», — с обычной своей улыбкой сказал он.

«Давайте пустим в хронике «Литературной газеты», что Шолохов работает над повестью из колхозной жизни».

«Зачем? — лениво спрашивает он. — Лучше сразу».

«Для чего же мне жить в городе, где меня все раздражает, когда здесь работать есть над чем».

И я должна была согласиться, что он прав. Если раньше, во время разных перегибов, мне казалось необходимым вырвать его из этой обстановки, которая действует на него подавляющим, удручающим и даже разлагающим образом, то теперь, когда кругом закипает новая жизнь и когда он к ней относится не только не отрицательно, но даже собирает материалы (мне Мария Петровна говорила, что он связан с одним колхозом, дал им денег на трактор, бывает там и прочее) для повести, постановление РАППа о переброске его на завод нелепо и сплошь формально. Если нам нужна яркая, художественная картина строительства новой деревни, то кому же ее и дать, как не Шолохову?

Заходит человек. «Михаил Александрович, дай табачку, сил нет, курить хочется». М. А. дает ему махорки.

«А рюмку водки выпьешь?» Ясно, отказа нет.

Пришедший — председатель Плешаковского сельсовета.

«Ну, как колхоз?» — спрашивает М. А.

«Хорош! — бодро и весело отвечает председатель. — 70 процентов прочных и крепких есть! Почти все, кто ушел, вернулись снова в колхоз».

«А как поживает Микишара?», — вдруг спросил М. А. («Семейный человек!» [1]). Тот засмеялся. «Приходил ко мне, просил дать свидетельство о политической благонадежности, хочет охотой заняться, ружье купил. Говорит: «У меня сын был красноармеец»...»

«Да ведь ты сына-то убил, — говорю ему. — Не дал ему свидетельства», — закончил председатель, допил торопливо рюмку, пыхнул папиросой и

[1] Микишара — герой рассказа М. А. Шолохова «Семейный человек».

ушел, помахивая кнутом.

В его отношениях к окружающим, семейным особенно, это характерно, чувствуется та же сдержанность в выражении своих чувств и настроений. Только один раз, и то случайно, видела я, как он приласкал и поцеловал своего двухлетнего сынишку, а со Светланкой всегда говорит как со взрослой. Очень любит поддразнивать ее, иногда доводя до слез.

История с Яркой (овцой). Чтобы не резать дома теленка, его обменяли на овцу. Вечером пришел дедушка Петр Яковлевич, и начались разговоры о том, что завтра надо зарезать Ярку. Дедушка взял длинный нож, чтобы отточить его для этой операции. Все разговоры велись в присутствии Светланы. Конечно, она заинтересовалась и стала расспрашивать: «Дедушка, ты будешь резать Ярку?..» Ей ответили, что Ярку завтра отгонят в стадо, и она успокоилась. Утром Ярка исчезла. Светлана озабоченно ее искала и, чувствуя что-то неладное, стала ко всем приставать. Версия о стаде мало ее удовлетворяла.

И вот отец начинает ее дразнить: «Светланка, а ведь Ярку-то зарезали».

«Нет, ее отогнали в стадо»,— кричит девочка.

«Это они тебя обманывают. Пойдем к деду, там и шкура висит!»

Светланка бесится, а М. А. спокойно наблюдает.

За обедом — та же история. Светлане мать подкладывает в тарелку баранью почку: «Ешь, Светик, ты ведь любишь почку». «Ага,— торжествует отец,— почка-то ведь от Ярки! Как же она в стадо ушла без почки?» И прочее. Я возмущаюсь: «Зачем вы мучите ребенка?» «А зачем ей говорить неправду? — возражает он.— Зарезали — и зарезали».

Сколько шуток добродушных, но иногда очень острых попадало бедному Ваське — Кудашеву. Его аппетит, сожженная спина и плечи (неумеренно накинулся на солнце), бормотание во сне — все подвергалось обстрелу. И его словечки были иногда так неожиданно метки, что и мы все, и сам Васька хохотали от души.

Игоря он преследовал за отросшие усы и бороду. И чего только не выдумывал он, сидя за обедом, по поводу усов. С дедушкой проделывались самые разнообразные шутки. То на охоте ему подсовывалось негодное ружье, то будили его, как только он закрывал глаза, и прочее. Словом, не было ни одного человека, в котором М. А. не подметил бы слабых сторон и не начал бы подшучивать. Даже меня он не оставлял в покое, хотя и осторожнее, чем других, но все же нет-нет, да и метнет стрелу.

С вечера начинаются сборы на охоту. Все заняты набивкой патронов, чисткой ружей, сбором снаряжения. Помогают все: дед, Иван (брат Марии Петровны); женщины готовят «харчи», одежду. Чуть ли не до двенадцати часов идет невероятная возня. Собаки, предчувствуя охоту, нервничают, обнюхивают вещи, толкутся под ногами. Особенно озабочен был М. А.

Ушли все спать на сеновал, наказав бабушке разбудить в четыре часа утра.

Утром из окошка я наблюдала «выезд на охоту»: на линейке — М. А., Горя, Кудашев и Николай, охотники в самых затрапезных костюмах. А у М. А. нелепая фуражка защитного цвета, от пользования ею как черпаком для воды она съежилась и торчала у него где-то на макушке.

Свежее, тихое утро. Подымалось солнце («На синем пологе неба доклевывал краснохвостый рассвет звездное просо»,— вспомнила я фразу из «Тихого Дона»).

Мычали коровы, собираясь в стадо. М. А. открывал ворота и весело закивал мне головой. А вечером усталые, пыльные, голодные... Сколько рассказов, приключений на охоте! И 24 куропатки! Ваську ругали. Он обстрелял! Горя и М. А. говорят, что он бегал по степи как угорелый, чем и объясняется его успех. И опять безобидные шутки и насмешки над счастливым своим успехом (12 куропаток!) Кудашевым.

Вечером сборы на рыбную ловлю. Вытаскиваются из амбара сети, приводятся в порядок, опять соответствующие костюмы, шубы и прочее. Ночью над рекой сильно свежо. Берутся фонарь и старые затрепанные карты. От скуки публика режется в дураки.

Поставили сети, и, когда поднялась луна, М. А. приехал за мной. По тихому зеркалу реки бесшумно скользила лодка. М. А., стоя на носу, вытаскивал сети и смотрел, не попалась ли рыба.

И снова я вспомнила «Тихий Дон», Аксинью и Григория, весь аромат этого удивительного произведения особенно ярко чувствовался здесь. Невольно, смотря на М. А., думалось, нет ли некоторых автобиографических черточек в Григории, в его сомнениях, исканиях и шатаниях. И придет ли он когда-нибудь совсем, совсем к нам? Много бы я дала за это, и никаких трудов не надо жалеть, чтобы крепче связать его с нами, дать твердую опору, заставить чувствовать его своим, а не травить, как это делают враги и, что еще хуже, так называемые «друзья и товарищи», «проклятые братья-писатели», как горько жаловался он однажды в письме. Я ничуть не сомневаюсь, что, кроме меня и Игоря, нет ни одного человека, так близко заинтересованного в дальнейшем развитии его писательской карьеры. И он однажды в письме так и сказал. Кстати, характерный штрих: когда мы уезжали, Мария Петровна, обнимая меня, думаю, что искренне, благодарила за то, что приехали, говорила всякие ласковые слова. М. А.— ни слова благодарности и никаких излияний, как Горя...

Когда мы стояли под палящими лучами солнца на балконе у уполномоченного ГПУ тов. Нырко, ожидая машину, М. А. сказал: «Завтра сажусь за работу. (Он знает, что меня мучит задержка последней части «Тихого Дона».) В конце августа буду в Москве, хлопотать о паспорте для заграничной поездки, может быть, привезу...»

«А повесть из колхозной жизни когда начнете писать?» — улыбаюсь я.

«Нет, не сейчас. Пусть полежит, «обмаслится». Приеду из-за границы, тогда посмотрим».

Подъехала машина, еще крепкое пожатие руки. И М. А. со своим серым конем и Кудашевым с пестрым полотенцем на обожженных плечах скрылись за облаком пыли...

Вот и Дон, и белый песок пляжа, и вся Вешенская, «невеселая, плешивая, без садов станица», как говорит в «Тихом Доне» Михаил Александрович. Но и я, и Горя уезжали с сожалением.

Такова удивительная, притягивающая сила у этого крепкого, такого еще молодого и не всегда понятного и разгаданного человека.

Доехали до Базков по-над Доном и помчались по степи. Спускаясь с горы в Каргинскую, Игорь узнал то место, где были изрублены «пленные краснюки», как говорил «подросток-казачонок, гнавший на попас быков». Горя обернулся ко мне и сказал: «Помнишь?» Так сказал, что я почувствовала, что и у него «Тихий Дон» ожил после пребывания в Вешенской.

Спускался вечер, когда мы прощались с донскими степями; все дальше и дальше уходили мы от Дона, суше и пыльнее становилась степь. Уже темной ночью подъехали мы к миллеровскому вокзалу. До поезда осталось полчаса, и мы еле-еле успели захватить билеты. Засыпая под мерное покачивание вагона, снова и снова вспоминалась Вешенская. И трудно было определить: то ли из «Тихого Дона» оживают картины, то ли и вправду видели мы все это собственными глазами?

Дорогой много говорили мы с Игорем, делились впечатлениями, думали о будущем М. А., ставшего нам теперь еще ближе и роднее.

А вернувшись в Москву, оба мы схватились снова за «Тихий Дон». Еще и еще перечитывали мы знакомые страницы, ставшие теперь такими близкими, родными, где каждая черточка, каждая деталь ожили и расцветились яркими, живыми красками...

ПАЛИТРА

Евгений Иванович Куманьков.

ПОЭМА О МОСКВЕ

Вот уже двенадцать лет он главный художник Малого театра. Им оформлены спектакли «Горе от ума», «Ревизор», «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, «Берег» Ю. Бондарева и многие другие, ставшие событиями в театральной жизни. Но, помимо сценографии, более четверти века Евгений Иванович Куманьков увлеченно работает над сериями станковых произведений, главная тема которых — Москва, бесконечно и трепетно любимая художником.

Анна **КОВАЛЕВА**

Случилось так, что мне довелось познакомиться с Евгением Ивановичем Куманьковым дважды. Впервые, когда много лет назад, открыв альбом «Москва... Как много в этом звуке...», я открыла для себя художника, который воспринимал и чувствовал мой город так же, как и я. Как и всякий, наверное, коренной москвич. Так же бродил по городу под снегом или дождем любимыми старыми улицами, останавливаясь и засматриваясь на те же дома, отыскивая их знакомые приметы — балкончики, воротца, резные каменные кружева. Восхищаясь добрым гением русских зодчих, наблюдал затейливую игру решеток на Арбате...

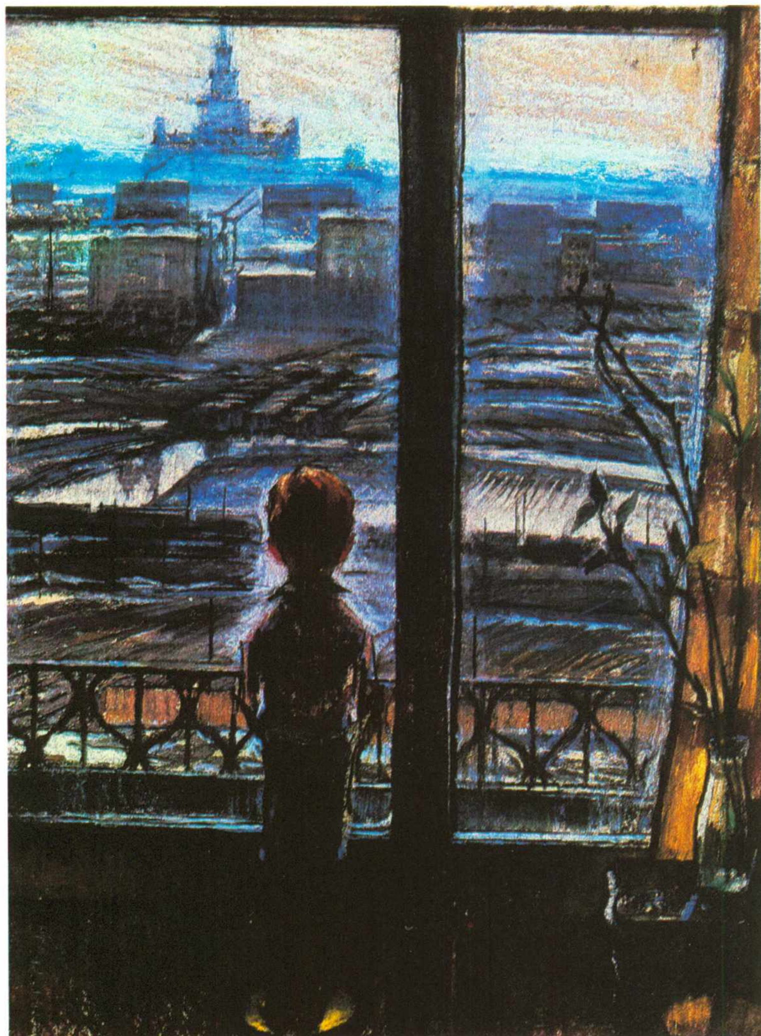
Второе наше знакомство состоялось недавно, когда волею судеб мне довелось участвовать в проведении персональной выставки Евгения Ивановича, с успехом прошедшей в столице и других городах страны.

Пути к истокам становления любого художника неизбежно ведут нас в его детство...

Смоленск. «Чудо из чудес, жемчужина среди многочисленных неповторимых сокровищ русской провинции» — так называет свой родной город Куманьков. Художественный музей, основанный замечательной женщиной, художницей-меценаткой М. Тенишевой... Она собрала великолепную коллекцию произведений К. Коровина, А. Архипова, Н. Рериха, Н. Крымова и других известных мастеров русского искусства. Часами мальчик простаивал перед их полотнами, «впитывая» на всю жизнь поэтические образы. Они научили его видеть и понимать гармонию в мире, предопределили судьбу будущего художника.

Окончив Всесоюзный государственный институт кинематографии, Е. Куманьков работает на киностудии «Мосфильм», потом уходит в театр. Но одновременно, с конца 50-х годов, начинает упорную работу над графической серией «Москва». Она стала его исповедью, его откровением, своеобразной автобиографией.

Картины Куманькова этого цикла — доверительный неспешный разговор о Москве, о ее судьбах; о судьбе самого автора, который не кричит о себе, не заигрывает со зрителем, не пытается привлечь внимание щегольством форм или холодной стилизацией под старину, а стремится выразить себя так, как «дышит, как видит, как чувствует и любит». Именно эта



ОКНО. 1963.

МЕНШИКОВА БАШНЯ.
1976.

ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ.
1976.

непосредственность, открытость, даже какая-то незащищенность и в то же время духовная твердость гражданской позиции, свойственные характеру самого художника, и определяют основные черты его творчества. А в сочетании с крепким профессиональным рисунком, традициями лирического пейзажа, восходящими к русскому классическому искусству, становятся залогом успеха его полотен.

Москва у Куманькова как бы делится на заповедные острова с характерным, отшлифованным веками, неповторимым сплетением старинных улочек, площадей, дворов. Среди них — Кремль, Замоскворечье, Китай-город, Хамовники, Арбат. Некоторые из работ в этой серии напоминают о тех людях, с чьими именами прочно связаны лики столицы.

Внимание художника привлекают малолюдные уголки города, располагающие к спокойной созерцательности размышлений. В них он находит особую красоту и обаяние, пытаясь запечатлеть ускользающие оттенки жизни. Уходя от суеты московских толп, от «шума городского», он уводит за собой зрителей в чуть грустный, порой пронизанный ностальгией, но светлый мир тихих улочек,

ЗЕЛЕНЫЙ ДОМ. 1971.

МАГАЗИН «КОНСЕРВЫ» НА УЛИЦЕ ГЕРЦЕНА. 1971.

НАРЫШКИНСКИЙ БУЛЬВАР. 1976.

дворов, скверов. Старые уголки Москвы. Они удивительно теплы в его рисунках, по-домашнему «обжиты» и одухотворены. Куманьков работает в таком камерном виде изобразительного искусства, как графика цветными карандашами, пастелью, темперой. Приглушенные тона, изысканная гамма точнее передают нюансы настроений автора, служат более полному раскрытию замысла произведений.

Будучи по природе художником романтического дарования, блестяще зная архитектурные стили, Куманьков тонко чувствует эпоху, перенося зрителя в разные периоды истории Москвы. Так, некоторые рисунки возвращают нас в старое Замоскворечье, навсегда связанное с именем Островского,— с коренастыми ажурными домами, с геранью на окне. Кажется, остановишься перед таким рисунком — и сейчас отодвинется занавеска, и выглянет из нее одна из героинь знаменитого драматурга. Другие зрители могут очутиться рядом с древними стенами петровского монастыря, полюбоваться мажорностью окраски с его неповторимым узорочьем пилястр, карнизов, наличников.

Изображая дома, автор стремится как бы к портретному сходству, наделяя свои «модели» индивидуальными чертами, почти человеческими качествами. Одни из них похожи на гордых светских красавиц в буклях лепнины и в воланах пилястр, другие—на стройных кавалеров. Аристократически строги и чопорны дома на Кропоткинской, добродушны и постариковски приветливы — на улице Радио.

Среди трехсот рисунков и пастелей, посвященных столице, каждый может найти «свою Москву», вспомнить детство, юность, побродить по милым и дорогим сердцу уголкам города, которых, быть может, уже и нет. Кто-то жестоко распорядился нашим прошлым, оставив лишь в воспоминаниях бесплотные призраки архитектурных ансамблей Зарядья, Садового кольца и Хамовников, Разгуляя и Молчановки и многих других...

Дома. Историки их называют материальной культурой, зодчие — архитектурными памятниками, для Куманькова они крепости души человеческой, форпосты памяти поколений. Поэтому работы этой серии отличаются не только несомненными художественными достоинствами. Многие из них, запечатлевшие образы ушедшей Москвы, представляют сейчас этнографическую ценность и публицистическую значимость.

«ОГОНЕК» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

ВЫСТУПАЯ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ВРУЧЕНИЮ ВЛАДИВОСТОКУ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВ ОТМЕЧАЛ, ЧТО НАСТАЛО ВРЕМЯ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ЭТО ОГРОМНЫЙ РЕГИОН НАШЕЙ СТРАНЫ. НО ВЕДЬ ВСЕ ВЕЛИКОЕ СЛАГАЕТСЯ ИЗ МАЛОГО. ВОТ ПОЧЕМУ ИНТЕРЕСНО ПОБЫВАТЬ В ОДНОМ ИЗ УГОЛКОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА — ОХОТСКОМ РАЙОНЕ, ЧТО НАХОДИТСЯ НА СЕВЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ. ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ПРОБЛЕМЫ, ВОЛНУЮЩИЕ ОХОТЧАН, ХАРАКТЕРНЫ И ДЛЯ ДРУГИХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ.

О СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ ОБНОВЛЯЮЩЕЙСЯ ЗЕМЛИ, О МУЖЕСТВЕННЫХ ЛЮДЯХ, ОБЖИВАЮЩИХ СУРОВЫЙ КРАЙ, И ИХ ЗАБОТАХ РАССКАЗЫВАЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ВИЛЬЯМ СМИРНОВ, КОТОРЫЙ ПОПЫТАЛСЯ ВЗГЛЯНУТЬ НА ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА НЕ ГЛАЗАМИ СТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ, А С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ОБУСТРАИВАЮЩЕГО СЕВЕРО-ВОСТОК РОДИНЫ.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Когда русские первопроходцы открыли эти места, их удивило обилие разного зверя и птицы, рыбы в реках, озерах и море. Поэтому, видимо, одну из самых больших здешних речек назвали Охотой, море Охотским и весь этот благословенный край Охотией. Отсюда пошло освоение всего нашего Дальнего Востока. «...А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные. А рыба большая, в Сибири такой нет, столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь...» Вот так описывали без малого три с половиной века назад служилые люди Ивана Москвитина богатства открытого ими Охотского побережья.

С той поры немало воды утекло в сотнях здешних рек и речушек, а к кладовой этой мы еще только-только притронулись. Далеко от торных путей-дорог лежит Приохотье, добраться сюда и по сей день можно лишь морем да по воздуху. Места неласковые. Бывает, и в июне еще так запуржит, что носа из дома не высунешь. И это тоже, конечно, не последняя причина тому, что край заселяется медленно. И все же обживается. Слово «охота» в русском языке означает не только поход за добычей. Есть и другое его толкование: непреодолимое влечение к чему-либо, страстное желание чего-то. Недаром народная мудрость утверждает, что «охота пуще неволи». Велико стремление человека к освоению новых пространств, и уступает понемногу природа Охотии настойчивости, трудолюбию человека. Живут и работают здесь охотники и оленеводы, геологи и старатели, строители и моряки... Пушнина, золото и серебро, тысячные стада оленей — всем этим славится здешняя земля. Но главное ее богатство — рыба. О ней и пойдет речь в первом очерке об удивительном уголке нашей страны — Охотском районе Хабаровского края.

Уголком эти места, впрочем, называть несправедливо. Раскинулись они на шестнадцати миллионах гектаров, и, если прибегать к привычным сравнениям, можно сказать, что на территории района свободно могли бы разместиться несколько европейских государств. Правда, подобные сравнения вовсе не означают некоего превосходства. И нас прежде всего беспокоит, как мы хозяйствуем, как живем-можем на этих просторах.

Мне Охотия давно уже близка. Лет двадцать тому назад работал здесь матросом на рыболовном сейнере. И вот снова я здесь. Хожу матросом на морском буксире, где капитаном мой старый знакомый Петр Егорович Тараканчиков. Когда-то вместе рыбачили. И хотя в ту пору я ходил под началом другого капитана — Брониса Стогиса, с Егорычем не раз встречались на берегу и особенно часто в бухте Нагаева, куда сбегаются рыбаки, прячась от жестоких осенних штормов.

...Идем ныне из Охотска в Магадан, вместе стоим ходовую вахту. Егорыч склонился над картой, уточняя курс, я — на руле. Смотрю на вроде бы знакомое побережье и не узнаю. Вон поселок виднеется на косе. Бывало, бежишь морем мимо него в ночи, и весело светит он россыпью огней. А ныне торчат горелыми пнями осевшие, скособоченные хибары с проваленными хребтами кровель, слепо глядят в море пустыми глазницами окон и черными проемами дверей. Тлен, запустение, безлюдье...

— Что это, Егорыч?

— А ничего, пустое место,— горько усмехается он.

— Поселок, помнится, здесь был, рыбозавод...

— Были, а теперь быльем поросли.

Юра Семенов — наш «маркони» — никогда не выключает на переходе рацию, и как назло в это самое время сквозь шорохи и треск эфира врывается к нам в рубку чей-то отчаянный вопль:

— Рыбы, кому рыбы?

О, как знаком этот зов! Казалось бы, что может быть радостней для рыбака? Улыбнулось счастье, взяли отменный улов и, как говорится, залили рыбой трюм под самый жвак. Однако взять рыбу мало, надо еще умудриться сдать ее обработчикам. И голос радиста, вопиющий в эфире, как в пустыне, звучит сигналом бедствия.

Невольно вспоминаю былую работу на сейнере «Тальное». Бесчисленные заметы, когда все — от капитана до матроса — работают на неводе, когда спишь не более трех часов в сутки и даже во сне чувствуешь, как болят натруженные руки. Когда на корме бесконечным жгутом падает на тебя с блока «кошелек», а грузила становятся все тяжелее, и ты вдруг вспоминаешь, что в неводе пятьсот пятьдесят метров... Но вот море наконец дарит нам рыбу, и все эти невзгоды разом забываются. Начинается развеселая каторга. Оглашенно орут чайки, визжит лебедка, расплавленным серебром льется в трюм и на палубу рыба. Мокрые насквозь, осыпанные чешуей, будто перламутровым конфетти, мы работаем легко и весело, а сейнер чуть не по самые иллюминаторы, загружаясь рыбой, сыто оседает в зеленую воду. Нет, черт возьми, настоящая работа — всегда большой и радостный праздник!

Потом начинается: бежим на ближайший рыбозавод, на пирсе — красный свет. Значит, все чаны уже забиты рыбой. Кажется, часах в четырех полного хода стоит в бухте лихтер? Торопимся туда, но и на лихтере уже нет свободных емкостей.

— Кому нужна рыба? Кому рыбы?— несется в эфир.

Наконец-то нам отвечает плавбаза и соглашается принять улов. До нее еще четыре часа хода. Пока дошли, пока отстояли в очереди пятым или шестым корпусом, рыба наша уже того, попритухла...

Но ведь все это я наблюдал еще двадцать лет назад! Неужели за четыре пятилетки, каждая из которых так красиво называлась, ничто здесь не сдвинулось с мертвой точки?

— Все или почти все осталось по-старому. Более того, появились новые проблемы,— объясняет Егорыч.

После вахты сидим в кают-компании. Народу набилось много, даже те, кому сейчас спать положено, не расходятся — не могут оторваться от телевизора. Из Хабаровска идет прямая передача с совещания актива краевой партийной организации. На трибуне — Михаил Сергеевич Горбачев.

— Край богат природными ресурсами. Тем обиднее, что многое из этого не поставлено должным образом на службу экономическому и социальному прогрессу,— говорит Михаил Сергеевич.

И словно в подтверждение этих слов из радиорубки все еще доносится:

— Кому нужна рыба? Кому рыбы?

Нет, что-то не чувствуется в Охотском море перемен. Как и двадцать лет назад, эфир наполнен тревожными радиограммами, свидетельствующими о вопиющем разрыве между рыбодобычей и приемкой у рыбаков уловов. Из великого их множества позволю себе процитировать лишь два «сигнала бедствия».

«Рыболовный сейнер «Охта». Колхоз имени Вострецова. Рыба есть, сдача — ноль, что пагубно сказывается на настрое команды и выполнении плана. Усович».

«Траулер «Свирепый». Вострецово. Чернецкому. Двое суток держим 150 тонн рыбы в неводе. Перспективы сдачи абсолютно нет. Объяснить экипажу, для чего мы находимся в районе промысла, невозможно. Предсудкома Миколайчук».

Но что все же следует за столь тревожными радиограммами? Председатель колхоза, в свою очередь, обращается (теперь уже с помощью телеграфа) к руководству Крайрыбакколхозсоюза и Всесоюзного рыбопромышленного объединения Дальневосточного бассейна («Дальрыба»). Вот несколько строк из одной такой депеши.

«Охотоморской экспедиции не хватает приемных мощностей. Правление колхоза, партком обращаются к вам с просьбой решить вопрос увеличения приема рыбы от добывающего флота. Только увеличение приемных мощностей решит задачу выполнения экипажами судов поставленных задач. Председатель колхоза Чернецкий».

Какой была реакция начальства? Сколь действенными были принятые меры? В минувшую осеннюю путину только рыбаками колхоза имени Вострецова из-за отсутствия сдачи были потеряны 178 судосуток! А ведь рыба не ждет...

Признаться, не видел в минувшую путину, чтобы кто-то выбрасывал улов в море. Но хорошо знаю, что через двое суток после замета ни один приемщик рыбу не примет. Значит, прав Егорыч, много еще проблем у охотских рыбаков.

Что и говорить, Охотия — край богатый. Полезные ископаемые, пушнина, олени, лес... Но все это в перспективе, и, судя по всему, еще неблизкой. А сегодня и на долгое завтра, как и двадцать лет назад, здесь главное — рыба. С ней связывают охотчане все свои нынешние заботы и надежды на будущее. Мертвые поселки вдоль побережья, неурядицы со сдачей уловов — все это следствие. Сами же причины далеко не однозначны. Попытаемся в них разобраться.

НЕ ТОЛЬКО ЖАТЬ, НО И СЕЯТЬ

Какой только рыбы не ловят рыбаки Охотского побережья! Минтай и камбала, иваси и навага, сайра... А все же львиная доля доходов, что получают местные колхозы, складывается из добычи сельди и лосося.

Спросите любую хозяйку, какая селедка ей больше нравится: атлантическая или тихоокеанская? Уверен, обе руки она поднимет за тихоокеанскую. А часто ли вы, дорогой читатель, отыщете ее на прилавках магазинов? Если и повезет, придется постоять в очереди.

Между тем и тихоокеанская сельдь далеко не вся одинакова. Ученые различают в ней несколько популяций, особенно выделяя охотское стадо. В самые неурожайные годы оно радовало рыбаков высокими уловами. Помнится, все те же два десятка лет назад брали ее в Охотском море все, кому не лень. Каких только экспедиций не было! Камчатская, сахалинская, приморская, магаданская... Не редкостью были суда и под японскими флагами. Особенно впечатляюще выглядел район лова ночью. Будто бы и не в открытом море ты, а в большом городе — столько огней вокруг. Многоэтажные громады плавучих баз, словно высотные дома, сверкали ярусами иллюминаторов. Траулеры и рефрижераторы, лихтеры, буксиры и сейнеры... Что и говорить, весело было в море.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА (ЖУРНАЛ «ЭКСПРЕСС»)

Кристина ШЁФФЕР

РОНАЛЬД РЕЙГАН. КИНО

Говорят, университет — это особый мир, укрытый от жизни мозговой трест, чьи обитатели не ведают жизни вне его лабораторий и библиотек. Однако случается — хотя и редко,— что университетский профессор покидает свою башню из слоновой кости и оказывается в центре внимания средств массовой информации. Именно это случилось с Майклом Роджином, профессором-политологом университета штата Калифорния в Беркли, где он преподает с 1963 года американскую политику и политическую историю. Несомненно, его идеи оказывали влияние на многих студентов; его многочисленные труды стимулировали коллег к размышлениям и критике, но вне академических кругов он был, в общем, малоизвестен. До тех пор, пока предметом его анализа не стал Рональд Рейган, президент США.

В конце 1985 года Роджин представил на съезде Американской ассоциации политических наук доклад, иллюстрированный слайдами. Доклад назывался «Рональд Рейган. Кино», в нем Роджин исследовал одержимость Рейгана Голливудом. Неудивительно, что скрытый вывод этого исследования — а именно, что для понимания сегодняшней американской политики полезно изучить фильмы времен Рейгана-актера,— понравился журналистам. «Нью-Йорк таймс» дала материал о работе Роджина; телекомпания «Си-Би-Эс» нашла его идеи интересными для массовой аудитории, послала в Беркли интервьюера и вышла в эфир с инсценировкой этого доклада в популярной передаче «60 минут»; затем отрывки из передачи появились в английских, ирландских и западногерманских телепрограммах; Роджина пригласили прочесть доклад в Лондоне и Париже, а интервью с ним были напечатаны в итальянском еженедельнике «Эспрессо» и во французском журнале «Актуэль».

По мнению Роджина, Рейган смешивает жизнь и вымысел. Президент склонен драматизировать свои публичные выступления ссылками на киногероев. Рейган часто подтверждает свою политику образами, заимствованными из кино. Летом 1985 года, после освобождения американских заложников в Ливане, он выразил свое недовольство медлительностью дипломатов и переговоров, заявив перед телекамерами: «Вчера я посмотрел «Рэмбо», и теперь я знаю, что делать, если это повторится».

Роджин показывает, сколь откровенно Рейган обращается к голливудским мифам, чтобы получить поддержку своей политики и своих программ. В картине «Убийство в воздухе» (1940) Рейган играл секретного агента, который охранял оборонительное супероружие воздушного базирования, призванное сделать Америку неуязвимой. «Стратегическая оборонная инициатива была прозвана «звездными войнами»,— сказал Рейган,— но это не ради войны, это ради мира»...

На беду, замечает Роджин, президент подчас упускает из виду, что его публичные экспромты заимствованы из кино. Когда в 1985 году Рейгана подвергли критике за намерение посетить кладбище в Битбурге, он заверил, что во время войны тоже носил армейскую форму. Он забыл только упомянуть, что сделал это для фото-

---

Веселье это вскоре обернулось бедой. Стадо охотской сельди пошло на убыль. Большие надежды возлагались на установление двухсотмильной экономической зоны. Однако они не оправдались. Море скудело на глазах. И было две причины. Первая — перелов. Хотя «гостей» из зарубежья в нашем внутреннем море не стало, свои брали рыбу без оглядки. Чего стоил один только лозунг шестидесятых годов: «Дадим стране охотский миллион!» Имелся в виду миллион центнеров рыбы. Дали. А в итоге получилось нечто подобное печально знаменитой «рязанской трехлетке», когда в погоне за рекордно-благополучной сводкой все, что мычало, блеяло и хрюкало в области, было пущено на мясо не только с колхозных ферм, но и с крестьянских дворов. Кто-то получил ордена, а рязанская деревня на многие годы осталась без скотины.

Но вернемся на Дальний Восток. Вот несколько достаточно красноречивых цифр. В 1970 году объем валовой продукции промышленности Охотского района — а она почти на все сто процентов складывается из добычи и обработки рыбы — исчислялся 54,8 миллиона рублей. Через пять лет этот показатель снизился до 45,2, а к 1980 году упал до 30,2 миллиона. До шестидесятого года в районе работали 32 рыбозавода. В 1965 их стало 15, а еще через десяток лет осталось только пять. Это можно объяснить реорганизацией, укрупнением, совершенствованием структуры. Но не последнюю роль сыграло и оскудение моря. И, верно, по этой же причине появились на побережье заброшенные людьми поселки.

Справедливости ради надо обозначить и вторую причину того, что продуктивность охотского стада сельди резко упала. Стихия. Нередко в этих краях льды преграждают путь сельди к привычным ее нерестилищам. И тогда рыба мечет икру не в зарослях водорослей, а прямо на грунт. Первый же шторм выбрасывает ее на берег. Это жуткое зрелище — на протяжении многих километров вдоль полосы прибоя тянется икорный вал. Тысячи тонн ее гибнет, высыхая на ветру и весеннем солнце, перетираясь в песке и прибрежной гальке.

Вот так мы и пришли к крайней мере — полному запрету промысла сельди в Охотском море. Казалось бы, выход был найден. Но тут же возникла другая проблема: чем занять людей — рыбаков, обработчиков? Ладно, приморцы и сахалинцы, скажем, переключатся на лов другой рыбы, в других частях Тихого океана. А местное население, что обитает на Охотском побережье?

Призвали на помощь ученых-ихтиологов. Особенно плодотворно над проблемой восстановления охотского стада сельди поработал сотрудник Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) кандидат биологических наук Б. В. Тюрнин. По его инициативе на побережье стали устраивать искусственные нерестилища из мелкоячеистых сетей.

Почти пять лет действовал запрет на лов сельди. Стадо медленно, но верно стало восстанавливаться. И вот с осенней путины 1979 года ограничение было снято. Однако успокаиваться еще рано. Мне хорошо помнится жировая сельдь, которую мы ловили осенью шестьдесят шестого. От головы до хвоста у нее было сантиметров тридцать, и спина была, как у цирковой лошади. Минувшей осенью мне довелось работать на одной из баз рыбообработки и, как говорится, своими глазами видеть, что за рыба идет нынче. Девчата из нашей бригады замучились, сортируя рыбу. Перебирать приходилось чуть ли не по одной и больше загружать бочки, предназначенные для мелкой. А это значит, что еще не все ладно в стаде охотской сельди. Не успевает, видно, молодь как следует подрасти, нагулять вес.

Что ж, значит, опять в перспективе запрет на промысел?

— Восстановление охотского стада сельди для нас проблема номер один,— считает первый секретарь райкома партии Иван Александрович Крейс.— Ведь дело не только в том, что мы недодаем рыбы стране. Район живет рыбой! Это прежде всего работа, занятость людей. И если им нечего будет делать, незачем будет тут жить. Как же сохранить кадры? Как обустраивать край, осваивать его богатства?

Эксперимент с созданием искусственных нерестилищ не стал уделом одних лишь ученых. К нему активно подключились рыболовецкие колхозы, охотский рыбокомбинат. В феврале прошлого года райком партии обратился за помощью в «Дальрыбу». Однако эта вышестоящая инстанция оказалась глуха к призыву и, как и положено рыбе, нема.

Тогда своим решением райком обязал местные хозяйства заняться оборудованием искусственных нерестилищ. Но хватит ли у них сил и средств? Весьма сомнительно. Самое большее — на продолжение эксперимента, тогда как пора уже переходить к промышленной эксплуатации новшества.

Знают ли обо всем этом на Рождественском бульваре в Москве, где располагается Министерство рыбного хозяйства СССР? Знают. Сразу после XXVII съезда КПСС первый заместитель министра Николай Павлович Кудрявцев принимал у себя группу делегатов. Среди них была и Галина Алексеевна Громова, председатель Охотского райисполкома. Конечно же, она воспользовалась этой встречей и высказала все, что заботит сегодня рыбаков побережья. Много тогда насулил Николай Павлович. Вот уж год минул с той поры, однако и по сей день обещания никак не реализуются в конкретные дела.

Нет, развернувшаяся в стране перестройка еще не захватила, видимо, ни «Дальрыбу», ни Минрыбхоз СССР. Видно, по старинке эти учреждения интересует лишь сиюминутный результат. Даешь сегодня план! Еще лучше — сверх плана. И досрочно. А что будет завтра, неважно...

Когда в шестьдесят шестом наш сейнер уходил на путину, председатель колхоза имени Вострецова Василий Андреевич Теплов выписал нам целый бочонок красной икры. И потом в море мы все поругивали нашего кока, что закормил нас деликатесом. «Картошечки бы»,— ворчали мы. Сейчас вострецовцы успешно выращивают на своих небогатых полях и картофель, и капусту. Только вот красной лососевой икры в хозяйстве давно и в помине нет.

В те же годы можно было полюбоваться, как лосось идет вверх по речкам на нерест. Ни быстрины, ни пороги, ни водопады не могли его остановить. Рыба шла сплошным, ту-

графии на обложку журнала «Скрин Мэгэзин». Размывание границ реальности и кино началось для Рейгана не сегодня: много лет назад он сказал с трибуны, что служил начальником строевого отдела на базе ВВС. Он не объяснил лишь, что это было в кино.

Кино, заключает Роджин, тесно переплетено с частной и политической жизнью Рейгана. «Кингз Роу» — любимая картина президента. Он не устает смотреть ее вновь и вновь даже теперь; музыкальная тема из этого фильма по его просьбе исполнялась на церемонии инаугурации. Хотя отчасти из-за этого фильма расстроился первый брак Рейгана (подавая на развод, Джейн Уаймен, его первая жена, сказала: «Я просто не могу вынести больше ни одного просмотра «Кингз Роу»).

Коль скоро границы между кино и жизнью, между вымыслом и реальностью настолько размыты, возникает вопрос: а расстался ли вообще президент Рейган с Голливудом? Или он до сих пор играет по какому-то сценарию? Роджин считает, что дело обстоит именно так. Он утверждает, что связь Рейгана с кино гораздо более глубока, чем простое заимствование тех или иных реплик или образов. По мнению профессора из Беркли, президент Соединенных Штатов живет в кинофильме. Ранние роли Рейгана сформировали его личность. Голливудская политика сороковых годов определила его нынешнюю политическую программу, его понимание фильма как жанра, а киноиндустрии как генератора вымыслов позволяет ему устанавливать взаимопонимание с публикой и прессой.

Кристина Шёффер. Рейган играл главные роли примерно в пятидесяти фильмах. Какие из них, по вашему мнению, наиболее существенны для него?

Майкл Роджин. Особенно важны два фильма: «Кнут Рокне» и «Кингз Роу». В первом из них Рейган играет легендарного футболиста Джорджа Джиппа, по прозвищу Джиппер. Умирая, он обращается к тренеру Кнуту Рокне: «Когда-нибудь, когда команде придется худо, передай им: пусть выиграют за меня». Через несколько лет команда проигрывает серьезную игру, и тренер передает им эти слова. «Это за тебя, Джипп»,— говорит игрок, забивший первый из многих победных мячей. Президент вспоминает Джиппера — свою любимую роль — снова и снова. «Сделайте это для Джиппера!» — обратился он к олимпийской команде в 1984 году. «Выиграем за Джиппера!» — так он убеждал толпу голосовать за республиканцев.

В фильме «Кингз Роу» молодой человек Дрейк Макхью, которого играл Рейган, ухаживает за дочерью местного хирурга (кстати, Нэнси Рейган — тоже дочь хирурга). Во время аварии на железной дороге Дрейк теряет сознание, и садист-доктор мстит: он ампутирует ему ноги. Когда Дрейк приходит в себя на больничной койке, он произносит слова, сделавшие Рейгана звездой (и ставшие впоследствии названием его автобиографии): «А где же все остальное?»

К. Ш. В большинстве своих фильмов Рейган болен и унижен; он «завоевывает девушку» тем, что он — жертва. Что это за тип голливудского героя?

М. Р. Рейган не является традиционным мужественным героем, он идентифицируется не с Джоном Уэйном, а с Рэмбо или с Клинтом Иствудом. Над этими идолами экрана страшно издеваются; они более чем унижены и оскорблены. Именно их изначальная пассивность перед лицом несправедливости оправдывает в дальнейшем страшную—но праведную — месть. Как политик, Рейган чувствует, насколько важно представить себя ущемленным, чтобы оправдать удар.

К. Ш. Верно ли, что последние голливудские фильмы Рейгана в каком-то смысле схожи с началом его политической карьеры?

М. Р. После того как Рейган ушел из киностудии «Уорнер Бразерс», он снялся в серии картин, в которых он борется с «красной опасностью». Его последняя картина — «Ведьмы Флота» (1957). В картине Рейган-военачальник доказывает, что он пожертвовал людьми не ради личной славы, а из военной необходимости. В конце фильма он женится на медсестре, которую играет Нэнси Рейган.

На съезде республиканской партии 1984 года была показана лента, где первая дама была снята среди детей и наркоманов. Непосредственно за документальными кадрами следовала сцена из «Ведьм Флота», где медсестра — Нэнси провозглашает свою веру в главнокомандующего — Рональда Рейгана, когда он отправляется в свой решающий поход. Я думаю, что люди президента сознательно разрушили границу между жизнью и образом, чтобы воспользоваться утешительным воздействием фильма. Нэнси сама пустила в ход магию экранного образа, обратившись к съезду после картины. Еще раз «за Джиппера», сказала она собравшимся республиканцам и, обернувшись, протянула руки к изображению Рейгана на гигантском видеоэкране.

К. Ш. Считаете ли вы, что политическая программа Рейгана сформировалась под влиянием антикоммунистической политики Голливуда? (...)

М. Р. Да. Антикоммунизм тут очень важен; работа Рейгана в правой Актерской Гильдии, президентом которой он был, занимает центральное место в его политическом развитии. Захлестнувшая Голливуд антикоммунистическая истерия — вот источник его одержимости «империей зла».

К. Ш. Упор на традиционные ценности составляет важный аспект притягательности Рейгана для консервативно настроенных людей. Однако вы утверждаете, что он был создан в Голливуде — месте, которое массовое сознание связывает с развратом и аморальностью. Как же Рейгану удалось покорить сердца консервативных американских избирателей?

М. Р. В тридцатых и сороковых годах голливудские фильмы были крайне благообразны и нравственно чисты. Естественно, все знали, что в частной жизни некоторых звезд царят разврат, секс и т. п. Но Рейган никогда не принадлежал к этому скандальному миру. В жизни он был тем, кого играл на экране. «Это же мой мальчик!» — воскликнула его мать, увидев его первый фильм в 1937 году. «Домашняя жизнь Рейгана, скорее всего, в точности такая же, как у вас, или у вас, или у вас»,— писала студия «Уорнер Бразерс» после его женитьбы на Джейн Уаймен в 1939 году. В Голливуде Рейган узнал, что он просто средний американец. В 1940 году он писал в киножурнале: «Мое другое имя — Мистер Норма». Когда его спросили о его успехе на выборах 1980 года, он ответил: «Я думаю, быть может, они видят, что я один из них». Суть в том, что у Рейгана никогда не было другой, сугубо частной ипостаси, скрытой от взгляда общественности.

К. Ш. Но некоторые стороны частной жизни Рейгана, и в первую очередь его семья, не очень-то отвечают «американской мечте». Так что ему каким-то образом удается превратить некоторые аспекты своей реальной жизни в мифы...

М. Р. Чета Рейганов демонстрирует традиционную семью, которая не имеет ничего общего с их реальной жизнью. Он первый американский президент, который был разведен; у него плохие отношения с одним сыном; другой женился на женщине, которую родители видели всего один раз; дочь президента написала довольно гнусную книгу о своих родителях. И все-таки для американцев есть что-то успокоительное в той семье, которую демонстрирует Рейган. Она показывает, что можно жить в вымышленном мире и перед лицом конфликта поколений.

К. Ш. Вы уже вкратце говорили об отношениях Рейгана с женщинами на экране: они либо спасали, либо унижали его. Он «завоевывал девушку» через зависимость от нее. Помогает ли Нэнси своему мужу выйти из этой роли?

М. Р. Ну, Нэнси традиционная

гим потоком встречь течению, и, казалось, по ней, как посуху, можно перебраться на другой берег. Сегодня подобные рассказы воспринимаются как рыбацкие побрехушки.

Да простит мне читатель, что я вновь возвращаюсь памятью на два десятилетия назад. Что делать, все познается в сравнении. В 1965 году колхоз, где я рыбачил в ту пору, выловил 34 тысячи центнеров лосося. Через пять лет удалось добыть лишь шесть тысяч. Еще через год — чуть больше двух. Сегодня улов всех рыболовецких артелей Охотского района приблизительно равен тому, что в шестьдесят пятом приходилось на долю одного колхоза имени Вострецова.

А рыба — лосось — замечательная! Не будем распространяться по поводу ее пищевых достоинств — они общеизвестны. Остановимся лишь на биологических особенностях вида. Мальки лосося выводятся из икры в реках и скатываются в море. Через три-четыре года они вырастают до размеров взрослой рыбы, нагуливают жир и возвращаются на нерест обязательно в родную реку. Удивительное свойство! Вот тут-то и поджидают лосося рыбацкие сети. Выловить его надо на самом входе в устье, так как по мере приближения к нерестилищу рыба одевается в брачный наряд, теряя при этом нагулянный жир, становясь жесткой и невкусной. После того, как вымечет икру, и вовсе погибает.

Но раз мы берем рыбу до нереста, значит, нарушаем ее естественное воспроизводство. Вот и становится с каждым годом все меньше лосося в наших реках. Что ж, так и запишем его в «Красную книгу»?

— Ни в коем случае,— возражает нынешний председатель колхоза имени Вострецова Петр Максимович Чернецкий.— Я еще мальчишкой видел на Сахалине у поселка Ясноморский рыборазводный завод. Знаю, что сейчас их там уже около двадцати. А вот у нас — ни одного.

— А все же отчего лосося мало стало? Все дело в перелове?

— Не только... Все от нашей бесхозяйственности. Хотя у нас в районе и нет промышленных лесозаготовок, на дрова лес рубим. Дорог нет, значит, валим по берегам рек. Летом по реке сплавлять можно, а зимой она превращается в прекрасную дорогу. В конце концов реки мелеют. Вон погляди на Урак. В старину на нем судоверфи стояли, а нынче курица вброд перейдет и перьев не замочит. Короче, сами у себя воруем.

Чернецкий любит подсчитывать: море — огромное пастбище. Нет нужды заготавливать корм на зиму, не нужны пастухи. Лосось сам себя откормит и вернется в точно определенный срок — прямо к столу.

Точный экономический расчет — главное на многотрудном посту председателя колхоза. Поэтому свою правоту Петр Максимович доказывает, как говорится, с цифрами в руках.

— Только семь процентов лососевой икры дают потомство в естественных условиях,— утверждает он.— А искусственная инкубация гарантирует 98 процентов выхода молоди!

Многолетним опытом искусственного разведения лосося обладают специалисты Японии, США, Канады. На Волге давно уже по сходной технологии воспроизводят осетра. Отчего же в Приохотье до сих пор не занимаются всерьез восстановлением запасов ценной рыбы?

— В чем загвоздка,— спрашиваю,— Петр Максимович?

— А все в том же нежелании думать о завтрашнем дне. Вот я тебе рубль, скажем, даю, а ты мне тут же кусок лососины на этот рубль. А рыборазводный завод не рубль стоит. Надо спроектировать его, построить. Сколько на это времени уйдет? Потом затратить средства и время на инкубацию икры. Подкормить молодь и — о ужас!—выпустить ее в море. И еще четыре года ждать, когда она там подрастет. Видишь, сколько надо ждать? Я готов ждать, а наш бюрократ не хочет, ему сегодня подавай навар. Я-то знаю — вернется лосось. А бюрократа, верно, еще и сомнение мучит: а вдруг не вернется, а если и вернется, не дай бог, попадет не в его, другого ведомства сети? Может, я и преувеличиваю кое-что. Но вот уже десять лет вместе с районным руководством пробиваем мы этот вопрос на всех уровнях. Обращались и в Крайрыбакколхозсоюз, и в «Дальрыбу», и в министерство. Вроде бы и нет явных противников, а дело — ни с места.

Нет, не преувеличивает Петр Максимович. Еще несколько лет назад было громогласно объявлено, что Министерство рыбного хозяйства приступает к созданию комплексной целевой программы «Лосось», имеющей своей целью увеличение запасов ценной рыбы на Дальнем Востоке. Каковы практические результаты работы? Неизвестно. Видно, идея погибла на корню. Между тем охотским рыбакам необходимы рекомендации не вообще по дальневосточному лососю, а именно по той его популяции, которая приходит на нерест в водоемы района.

— У нас в районе семь нерестовых рек — Улья, Американ, Охота, Кухтуй, Урак, Ульбея, Иня. Да еще десятка полтора мелких,— разъясняет Петр Максимович.— Если сравнить нашего лосося, скажем, с сахалинским, разница большая. На Сахалине лосось готов к нересту в самом устье. У нас он достигает половозрелости не сразу, а постепенно, двигаясь вверх по реке. И порой уходит на многие десятки километров. Так где же нам ставить завод, в какой конкретной точке местности? Мы, колхозники, готовы принять непосредственное участие в решении проблемы. И средствами, и рабочей силой. Но нам нужны проект, четкие рекомендации специалистов и, разумеется, фонды на необходимые материалы.

Вот ведь как получается! Рыбак уже осознал, что пора ему стать не только жнецом, но и сеятелем. А руководители никак не дойдут до этой простой истины. И, думается, Петр Максимович Чернецкий в своем монологе о бюрократе не все сказал о нем. Бюрократа притормаживает и еще одно немаловажное, с его точки зрения, соображение. Может, в его кресле через несколько лет будет восседать кто-то уже другой. И в случае удачи с воспроизводством рыбы лавры достанутся не ему. «Нет, лучше уж синица в руке, чем журавль в небе».

Продолжение следует.

«женщина-опора», тот тип жены, когда «моя жизнь началась с Ронни». Она объект публичного обозрения. Она сдержанна, она совершенна до мелочей, она хорошо и дорого сделана. Она существует в абсолютной оппозиции женскому движению. В то время, как оно прокламирует независимость женщин от своих мужей, она настаивает, что ее жизнь в Ронни...

К. Ш. Рейган первый американский президент, пришедший из мира праздности и развлечений. Американцы обожают знаменитостей и развлечения. Не потому ли они выбрали Рональда Рейгана, что он был кинозвездой?

М. Р. Я думаю, что американцы отдали свои голоса Рейгану благодаря тем качествам, которые он приобрел в кино, а не за то, что он из Голливуда. Фильмы сделали Рейгана знакомой и обнадеживающей фигурой. После Вьетнама и «уотергейта» в стране появились шаткость и неуверенность. Рейган же дает уверенность.

К. Ш. Не подтверждает ли ваше исследование ту одержимость, с которой большинство американцев относятся к своим политическим лидерам?

М. Р. Личность Рейгана буквально заворожила и меня после того, как я прочел его автобиографию, так что я разделяю ту болезнь, которую я изучаю. Но, коль скоро на месте других форм политического сознания оказывается одержимость лидерами, политолог имеет две возможности. Вы или говорите людям: «Так думать об этом неправильно. Давайте поговорим о действительно важных вещах...»

К. Ш. ...И им тут же становится скучно...

М. Р. Именно. Или вы говорите: «Отнесемся к этому серьезно. Рассмотрим его личность и то, что ее сформировало. Попробуем найти источник ее силы и понять, как она осуществляет свое воздействие».

К. Ш. Считаете ли вы, что личность президента — ключевая пружина в американской политике?

М. Р. Став президентом, Рейган восстановил истеблишмент, подвергавшийся нападкам в шестидесятые годы,— и восстановил его еще более правым. Все же без Рейгана развитие могло пойти иначе: было бы гораздо труднее произвести изменения последних лет. Я имею в виду «звездные войны» и наращивание военного потенциала, гигантский рост бедности, наступление на права женщин и национальных меньшинств. В этом смысле то, что президент именно Рейган, очень важно. Не думаю, что кто-либо другой с его правой политикой мог бы позволить себе столь многое и остаться безнаказанным.

Он реанимировал в американской политике такие «традиционные ценности», как интервенциализм, милитаризм,— и они останутся и будут воздействовать на систему в целом и после того, как Рейган уйдет.

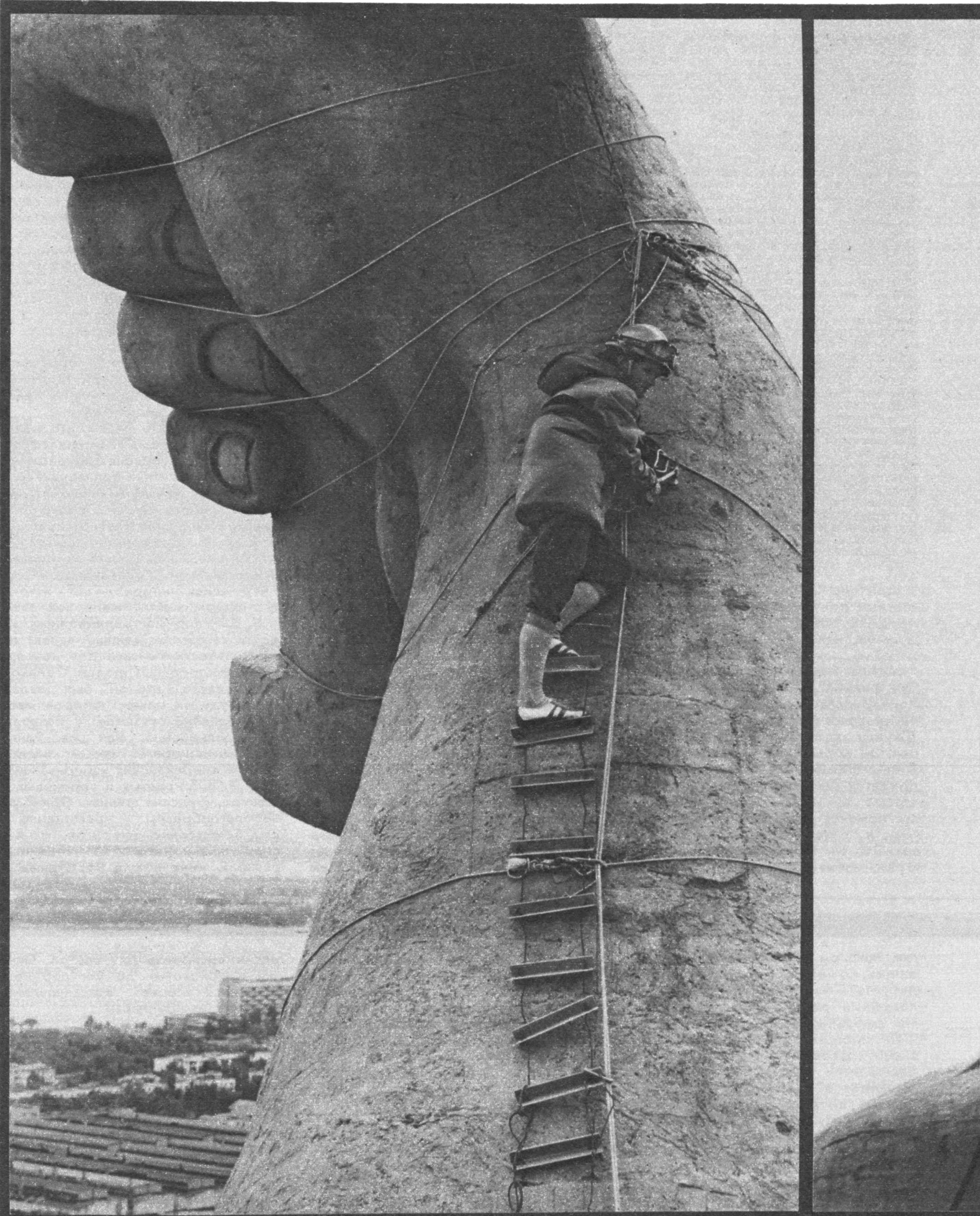
К. Ш. Но ведь Рональд, несомненно, также и порождение своего времени?

М. Р. Безусловно. При сегодняшнем шатком положении дел люди связывают свою судьбу с отдельными личностями, которые могут их успокоить. Кроме того, мы живем в рамках политической культуры, когда все труднее отличить вымысел от истории, миф от реальности.

К. Ш. Не станет ли президентство Рейгана началом новой «политики звезд»?

М. Р. Не думаю. Как я уже говорил, популярным делает Рейгана не его статус актера, а то, чему он научился в своих фильмах и в Голливуде. Ему удается подменить реальность вымыслом; для него в них нет противоречия.

Перевел Владимир ТУРОВСКИЙ.
(Статья печатается с сокращениями.)



ВОСХОЖДЕНИЕ

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

Александр **МИХАЙЛОВСКИЙ**, Виталий **АРУТЮНОВ (фото)**

На самой высокой точке Волгограда, на Мамаевом кургане, стоит знаменитейший монумент. Миллионам экскурсантов пятидесятидвухметровая фигура кажется могучей, способной выстоять в любые непогоды.

А между тем статуя выполнена из железобетона, и в последние годы на поверхности его появились едва заметные трещины, после дождя стали мокнуть углы помещений внутри фигуры. «Традиционные способы реставрации займут не меньше двух лет, в течение которых монумент будет закрыт от глаз посетителей строительными лесами,—размышляли в дирекции памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы.— Что же делать?»

И вот у подножия памятника появился плакат: «Реставрацию методами промышленного альпинизма ведут управление «Химстрой» Волгоградгидростроя и Волгоградская федерация альпинизма». Команде из тридцати спортсменов-разрядников, которую возглавил доцент Волгоградского политехнического института альпинист-инструктор первой категории Н. Зотов, предстояло очистить поверхность монумента, замазать трещины и нанести водоотталкивающий состав, разработанный Ленинградским институтом химии силикатов.

— Покрыли левую руку бесцветной смесью, а она вдруг побелела,— рассказывает Николай Михайлович.— Стали разбираться: почему? И нашли причину: волжская вода для раствора жестковата, нужна дистиллированная. Так что пришлось покрывать руку составом заново.

Реставраторы использовали разнообразные инструменты: от молотка и зубила до новейшего тепловизора. Как-то фотоаппарат, плохо закрепленный в футляре, выскользнул из рук одного незадачливого работника и упал с пятидесятиметровой высоты. Самое удивительное — объектив остался целым. Альпинисты не надеялись, что в случае падения им повезет так же, поэтому страховались с запасом, конструировали приспособления и устройства для обработки сложных нависающих и западающих гладких участков.

— Одним из самых трудных видов работ для меня была пескоструйная очистка в нишах,— вспоминает перворазрядница Светлана Ходаковская.— Песок забивался под респиратор, под одежду. А кругом бетон, жара, и пот застилает глаза. К тому же на высоте средний ветер при порывах может достигать силы урагана...

Когда работы на монументе были закончены и приняты с оценкой «хорошо», альпинисты-реставраторы снова стали рабочими, инженерами, преподавателями.

РЕЧИ ПРЯМЫЕ НЫНЧЕ В ЧЕСТИ

Владимир КОРНИЛОВ

Когда-то Владимир Корнилов сказал: «И жизнь проживу, как прозаик, не корчась и не торопясь». И впрямь так получается: две тоненькие книжечки стихов «Пристань» (1964) и «Возраст» (1967), скудные публикации, немногочисленные, правда, всегда весомые отзывы в печати. И при этом без Корнилова нельзя представить современную поэзию. Ибо поэт всегда слышал время, душу людскую: «Жизнь — это все-таки то, что всегда. Смерть — это то, что однажды», «Что молодость, что старость — одна вела судьба, и, наконец, осталось донашивать себя»... Стихи его умеет заставить говорить чувство, ему доверяешь. «Доверие основано на внутреннем ощущении того, что все написанное... правда. Что поэт не умеет ни обманывать, ни обманываться»,— было сказано о стихах Корнилова ровно двадцать лет назад.

И вот Владимир Корнилов снова с читателем, и то же ощущение, что в его строках — правда. Нельзя не сослаться на мнение критика Льва Аннинского о большой подборке стихов Корнилова в «Знамени» (№ 11, 1986): «Сильнейшее впечатление от поэтических публикаций 1986 года — цикл «Надежда» Владимира Корнилова... Тяжелыми, усталыми словами — о надежде, сохраненной даже в полной, кажется, безнадежности. По этой горечи, по этой поступи стиха узнаешь прежнего Корнилова, но и нового, неожиданного. А лучше сказать: неожиданно старого, прежнего. Упрямо верного себе... Так камень, поднятый со дна, дышит холодом глубины, и окраска — его иная, чем у ласкаемой солнцем гальки... О, как нужен такой голос нашей поэзии!»

Остается добавить, что перед читателями «Огонька» В. Корнилов предстает впервые.

ПОЛЫНЬ

Сколько ни читал, увы,
Не осилил и главы
Откровения святого
Иоанна Богослова.

Не по мне был этот пыл —
Смесь возмездия и гнева:
«Третий ангел вострубил...
И звезда упала с неба...

Имя сей звезде полынь...»
(Что иначе — чернобыльник).
. . . .
А в Чернобыле теплынь,
Воздвигается могильник.

По шоссе везут бетон,
Щебень, трубы для азота.
Тут работа на п о т о м
И на двести лет забота.

...Богослов был верой тверд,
И его не переспоришь...
Он предрек, что треть всех вод
Смертная загубит горечь.

Взял откуда Богослов
Для пророчеств основанья?
...Так что не до рапортов,
Тушей и соревнованья,

Не до громкого всего,
Не до перевыполненья...
И какое ж торжество,
Ежели захороненье?

АЭРОДРОМЫ

Тянулось не год, не года —
Поболее десятилетия,
И ярко светили тогда
Огни-миражи Шереметьева.

А мы не глядели и бед
С обидами не подытожили
И вынесли вес этих лет,
И выжили, дожили, ожили.

И помнили только одно:
Что нет ни второго, ни третьего,
Что только такое дано,
И нет за Москвой Шереметьева,

А лишь незабудки в росе
И рельсы в предутреннем инее,
И синие лес, и шоссе,
И местные авиалинии.

ПРЯМОТА

Словно промыли
Время дожди:
Речи прямые
Нынче в чести.

Всё без намеку
И не в подтекст,
А, слава богу,
Так вот, как есть.
Пустопорожье
Горбило нас...
Все-таки, все же
Вырвали шанс.

Если работа,
Если судьба —
Не от кого-то,
А от себя,

Сил и таланту
Хватит поспеть.
...А на попятный —
Гибель и смерть.

УЛЫБКА

«Неулыбы вы, неулыбы!» —
Упрекают с улыбкой нас.
Отмахнуться еще могли бы,
Да никак не смолкает глас.

Значит, впрямь был изъян допущен
Где-то во глубине веков,
И, шаля, напускался Пушкин
На поэтов и ямщиков.

Что же это мы в самом деле
От безмерных своих причин
Прежде хоть заунывно пели,
А теперь, эмрачнев, молчим.

Ну-ка голову выше быта,
Выше ненависти-тоски,
Все претензии и обиды
Встретим весело, по-мужски!

Не для славы исправим нравы,
А за нравами — времена!
Будем радостны, если правы,
Это неправота мрачна!

В лихолетии, в круговерти
За улыбку давай держись —
Пусть она не сулит бессмертья,
Но зато облегчает жизнь;

Упрощает твою задачу —
Потому и веселым будь.
Улыбайся вовсю!
                    Иначе
Никому не укажешь путь.

ПАМЯТИ А. БЕКА

Помню, как хоронили Бека.
Был ноябрь,
          но первые числа,
Был мороз,
          но не было снега,
Было много второго смысла.

И лежал Александр Альфредыч,
Все еще не избыв печали,
И оратор был каждый
                    сведущ,
Но, однако, они молчали

И про верстки,
          и про рассыпки,
Что надежнее, чем отрава,
Что погиб человек
                    от с ш и б к и,
Хоть онколог наплел:
                    от р а к а.

...Ровно через седьмую века —
Десять лет и четыре года —
Наконец печатают Бека
И в театры толкают с ходу.

Вновь звезда ему засияла,
Предрекает горы успеха —
И спектакли,
          и сериалы...
Но не будет живого Бека.

И не ведает Бек сожженный
О таком своем часе звездном
И, в тоску свою погруженный,
Счет ведет
          рассыпкам и версткам.

...Я судьбу его нынче вспомнил,
Я искал в ней скрытого толка,
Но единственно,
          что я понял:
Жить на свете надобно долго.

ПОВТОРЕНИЕ

Самое тебе открою, самое,
Ну такое, что на жизнь одно,
Но нескáзанное-несказáнное
Угадала ты давным-давно.

Выложу, что затаил на совести,
Что сберег от всяких интервью,
Ото всех стихов и каждой повести,
И тебя опять не удивлю.

Без везенья просто делать нечего,
А прозрения не светят мне.
Как не знаю там насчет отечества,
Но пророка нет в своей семье.

Нету ни пророка, ни пророчества,
Но я снова, как по букварю,
Всё тобой изученное дочиста,
По складам и с чувством повторю.

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия молодая,
Тебя еще нет почти,
Но славу тебе воздали,
Не медля, твои вожди;

И те, лет кому семнадцать,
Кому восемнадцать зим,
Уверены: все — эрзацы,
И надо дерзать самим;

И надо смахнуть с насеста
Заевшихся стариков,
Преемственность, и наследство,
И прочую смерть стихов.

Тут сразу без сиволдая
Закружится голова.
Поэзия молодая,
Наверное, ты права.

Но нынче поменьше к лире
Приставлено сторожей,
И ей одиноко в мире,
Свободнее и страшней.

И душу ободрить сиру
Пред волею и бедой
Навряд ли сейчас под силу
Поэзии молодой.

СИГАРЕТА

Надежная вещь сигарета!
Сдави-ка покрепче в зубах,
Зажги — и не выдашь секрета,
Что дело и вправду табак.

Попыхивает светло-синий
Дымок ее — символ добра,
И кажется: смирный и сильный,
Спокойно дымишь, как гора.

Какие огромные горы!
И море у самой горы!..
Какие кругом разговоры!
А ты втихомолку кури,

Молчи, что изъедены нервы.
О том никому невдомек,
Поскольку достойно и мерно
Восходит веселый дымок.

Хватает позора и горя,
А все-таки не обличай:
Покуривай, как крематорий,
И всё это в дым обращай.

Пускай докатился до ручки
И весь лихолетьем пропах,
Но это не видно снаружи —
Торчит сигарета в зубах.

Я сам за нее укрываюсь
И что-то таю и темню,
Справляю последнюю радость,
Одну за другою дымлю.

ГИТАРА

Б. О.

Музыки не было, а была
Вместо нее — гитара,
Песнею за душу нас брала,
Зá сердце нас хватала.

И шансонье был немолодым,
Хоть молодым — дорога,
Но изо всех только он один
Лириком был от бога.

Пели одни под шейк и брейк-данс
И под оркестр другие,
А вот с гитары на нас лилась
Чистая ностальгия.

Был этот голос, словно судьба,
Словно бы откровенье,
Нас он жалел и жалел себя,
А заодно и время.

Пел свое времени вопреки,
И от его гитары
Все мы, усталые старики,
Все же еще не стары.

МОДА: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛО ЗАПОМИНАЮЩЕЕСЯ ЗРЕЛИЩЕ! ЯРКОЕ, НАРЯДНОЕ, РАДОСТНОЕ. ОНО СОСТОЯЛОСЬ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ И БЫЛО ПОКАЗАНО ЦЕНТРАЛЬНЫМ ТЕЛЕВИДЕНИЕМ ВЕЧЕРОМ ТРЕТЬЕГО МАРТА, В САМЫЙ ЧТО НИ НА ЕСТЬ ОБЫЧНЫЙ ТРУДОВОЙ ВТОРНИК, НО, НЕСМОТРЯ НА БУДНИЙ ДЕНЬ, ВЫГЛЯДЕЛО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ, РЕДКИМ ПО КРАСОТЕ И ВЫДУМКЕ ПРАЗДНИКОМ, ЕСЛИ ХОТИТЕ, КАРНАВАЛОМ, ФЕСТИВАЛЕМ, ЗАТЕЯННЫМ РАДИ НАШИХ ДОРОГИХ СООТЕЧЕСТВЕННИЦ. ОДНАКО, ЧЕСТНО СКАЖЕМ, МУЖЧИНАМ ПРИСУТСТВОВАТЬ НА ЭТОМ ТОРЖЕСТВЕ БЫЛО НЕ МЕНЕЕ ПРИЯТНО, ПОТОМУ ЧТО ИМ ТОЖЕ, КАК ГОВОРЯТ В ОДЕССЕ, «СДЕЛАЛИ КРАСИВО»!

Царила на вечере радушная, элегантного возраста женщина. Когда в конце представления она сама поднялась на подиум, то рядом с юными изящными манекенщицами вовсе не затерялась, а выглядела на их блистательном фоне вполне «на уровне». Глядя на ее подтянутую фигуру, со вкусом подобранный туалет, на радостную улыбку и полные благородной простоты и изящества манеры, никто ни за что не дал бы ей 78 лет.

Праздничный вечер в Колонном зале был посвящен выходу первого номера журнала «Бурда моден» на русском языке. А распорядительницей праздника по праву была Эннэ Бурда, 38 лет назад основавшая это издание, которое сейчас выходит на 14 языках в ста странах мира. Теперь к их числу счастливо прибавились и мы. Обращаясь к присутствующим на вечере, Эннэ Бурда сказала:

— Это кульминация моей жизни, издательской деятельности. Это моя самая главная премьера.

И все растроганно зааплодировали ее искренним словам. Шутка ли — так высоко оценить свой прорыв на наш двухсотвосьмидесятимиллионный рынок. Вот уж действительно есть отчего умилиться, проникнуться уважением и признательностью к этой неутомимой женщине.

Журнал «Бурда моден» в рекламе и представлении не нуждается. Уже давно он привлек внимание наших женщин. Не такие уж многочисленные его экземпляры, попадавшие в нашу страну, переходили из рук в руки отечественных модниц, которые шили, кроили, вязали, пользуясь точными выкройками журнала. Отныне популярное издание будет приходить к ним напрямую, без посредников.

Тяжелые грузовики со ста тысячами экземпляров первого номера журнала на русском языке отбыли из небольшого западногерманского городка Оффенбурга с таким расчетом, чтобы, миновав несколько государственных границ, прибыть в нашу столицу к началу марта. Лучший подарок нашим милым и дорогим соотечественницам к Международному женскому дню придумать было трудно.

С будущего года русский вариант журнала «Бурда моден» станет ежемесячным, достигнув двухмиллионного тиража. Его будут печатать на полиграфическом комбинате, который специально для этой цели строится в Лианозове, северной окраине Москвы. Это хорошо, фрау Эннэ, что вы не стали ограничиваться несколькими процентами «от достигнутого», не стали топтаться на месте, а сразу решились на двадцатикратный скачок. Спасибо вам за пример.

...В тот же вечер звоню Лидии Витальевне Орловой, главному редактору наших изданий «Журнал мод», «Модели сезона», «Мода стран социализма», и просто так, в шутку, спрашиваю, чем, мол, намерены ответить новоявленному конкуренту. А она без всякого юмора и подчеркнуто серьезно:

— Проблема возникла довольно сложная. Есть о чем поговорить.

Если есть, значит, будем говорить. Но сначала — справка.

Решение об издании «Журнала мод» было принято в военном 1944 году, а первый номер его вышел в июне победного сорок пятого тиражом всего 10 тысяч экземпляров. Сейчас при прежней периодичности (четыре номера в год) журнал выпускается шестисоттысячным тиражом, причем почти половина его экспортируется в пятьдесят стран мира. В 1957 году в продаже появился новый журнал, «Модели сезона», который при двух номерах в год выпускается ныне также шестисоттысячным тиражом. В 1959 году к этим двум популярным журналам добавился альбом «Мода стран социализма» (тираж 250 тысяч). Все журналы имеют выкройки, все публикуют модели для разных возрастов, все распространяются только в розницу через киоски «Союзпечати». Рассчитанные на население, они тем не менее пользуются большим спросом и у профессионалов швейного и трикотажного дела, поскольку ни те, ни другие своего специального издания не имеют.

По поводу приведенных данных мы порассуждаем чуть позже, а сейчас вернемся к интервью с Лидией Витальевной Орловой. Началось оно с разговора о перспективе.

— В будущем,— сказала главный редактор,— мы предполагаем иметь один журнал моды, который превысит нынешний по объему и будет сориентирован на семью. В нем будет вдвое больше выкроек, чем теперь, и тетрадки приложений, где будут даваться схемы и описания шитья, вязания и другие виды рукоделия, должны увеличиться также вдвое.

— Лидия Витальевна, что значит «сориентирован на семью»?

— Это значит, что мы постараемся помещать материалы, одинаково интересные и полезные всей семье. Обычная семья как первичная ячейка общества включает разные поколения: стариков, людей среднего возраста, молодежь, детей. Пусть не всегда все они живут под одной крышей, но деды и бабушки, их дети, внуки и правнуки — это определенная родственная общность, семья в несколько расширенном понимании слова. Так вот мы хотим, чтобы вся она получала одну информацию о моде, чтобы в этом деле не было противоречий между поколениями, непонимания одних другими. Чтобы старшие, увидев в журнале несколько экстравагантные, на их взгляд, молодежный костюм, прическу, украшения, знали: «такое» можно и нужно носить молодым, «такое» сейчас модно. Нам кажется, что именно в целях воспитания вкуса и взаимопонимания разных поколений в области мод разумнее иметь журнал, общий для разных возрастных групп, чем несколько, ориентированных только на какие-то отдельные.

— Но такой подход, видимо, заставит вас искать и какие-то новые построения журнала...

— Мы их уже в принципе нашли. Центральным материалом, открывающим каждый номер, будет рассказ о какой-то конкретной семье. Муж, жена, дети. Мы покажем их на работе, в школе, дома. Во время отдыха, на прогулке, при посещении, допустим, музея, театра, зоопарка. В лесу, на катке, на рыбалке. Предложенные ситуации, как видим, потребуют разного костюма: рабочего, делового, праздничного, спортивного. Всю одежду для каждого члена семьи мы закажем и сошьем в Доме моделей. Исходя из индивидуальных особенностей и возраста каждого героя нашего очерка, специалисты помогут ему найти его образ, предложат соответствующий стиль одежды, прическу, а женщинам — и макияж.

Съемки подобных фотоочерков будут вестись с учетом окружающей предметной среды. Если, допустим, дело происходит дома, то будет показана обстановка квартиры: мебель, светильники, люстры, посуда, столовые принадлежности — все по последнему слову дизайна. Если съемки пройдут на реке, то, кроме купальных костюмов и других принадлежностей для плавания, будет показано различное, подходящее к случаю туристское снаряжение, рыболовные снасти, походная мебель, рюкзаки, костровое оборудование.

В нашем эксперименте уже согласились принять участие несколько семей: рабочие, служащие, педагоги, домашние хозяйки, пенсионеры —

короче, представители разных слоев населения. Особо хотим показать молодую семью с маленькими детьми, не забудем и пожилых.

В каждом номере журнала мы предложим высокие образцы модной одежды. Большой раздел будет отдан молодежной моде, а в центре журнала будет помещаться специальная тетрадка для детей. Ее легко вынуть и сшивать в книжечку «Азбука моды». Половину представленных на этих страницах моделей дадим в цвете, половину — без. Дети смогут сами раскрашивать их, учась таким образом подбирать гармоничные сочетания цветов.

У нас остро стоит проблема, если можно так выразиться, культуры «ношения» одежды. Довольно часто, имея красивые и дорогие, как говорится, «фирменные» вещи, люди их не умеют носить, отчего эти вещи кажутся «напяленными» с чужого плеча. Досадно, что человек, с огромным трудом «доставший» престижную обновку, не умеет вписать ее в свой гардероб. Сплошь и рядом надевают вещи разного стиля, или, допустим, вещь одного, прическа — совсем другого. Мы попытаемся помочь людям избавиться от подобной безграмотности. Поэтому вводится раздел, где видные деятели культуры и искусства поделятся своими взглядами на одежду и моду, расскажут о личном опыте в данной области. В одном из ближайших номеров мы опубликуем большое интервью с народной артисткой СССР, Героем Социалистического Труда Еленой Николаевной Гоголевой. Думаю, ее рассуждения об умении одеваться будут интересны читательницам.

Особые разделы журнала будут посвящены истории моделирования, информации о выставках и демонстрациях за рубежом коллекций советских модельеров. Станут регулярными фотоочерки об известных наших художниках, где мы расскажем не только о них самих, но и покажем лучшие их работы в области моделирования одежды. Особое внимание мы уделим малоизвестным, забытым видам рукоделия, таким, скажем, как великолепная ажурная крестецкая вышивка, которой раньше славилась новгородская земля, или, допустим, нижегородский гипюр, о котором ныне тоже почти никто не знает.

Мы хотим не просто возродить бесчисленные наши, часто незаслуженно забытые промыслы, которыми всегда славились народы нашей страны и которые в былые времена находили применение в традиционном национальном костюме. Мы хотим пропагандировать и вводить их в современную моду. Нам кажется, что это необходимо сделать не только для сохранения бесценного национального достояния, но и из чисто экономических соображений.

Вот так, рассуждая с Лидией Витальевной о перспективах возглавляемых ею журналов, мы незаметно воспарили в розоватые радужные выси, и я на радостях не заметил, когда началось наше стремительное возвращение на грешную землю со всеми ее прозаическими реалиями.

— Возьмем конкретную, я бы сказала, трагическую ситуацию. Сейчас в нашей торговле скопились большие нереализуемые запасы вологодских кружев. Редкое по красоте и сложнейшей ручной работе, оно стоит довольно дорого. Но спрос на него сдерживает не только цена. Наши модницы не знают, как использовать в современном костюме и быту все эти ажурные воротнички, прошвы, вставки, покрывала, которые в изобилии представлены в галантерейных отделах наших универмагов. Редкий случай в нашей торговле: предложение отличного товара превысило спрос. В результате Министерство местной промышленности РСФСР собирается «сократить» более двух тысяч кружевниц и передать вологодское объединение «Снежинка» в подчинение городским властям. В переводе на доступный пониманию язык такое решение может означать лишь одно: уникальное, восходящее к шестнадцатому-семнадцатому векам вологодское кружевоплетение будет нами безвозвратно утеряно, потому что, как показывает опыт, возрождать, возвращать из забвения любой промысел чрезвычайно трудно. Тем более такой сложный, где навыки, мастерство передаются постепенно, в течение многих лет от матери — дочкам, от бабушки — внучкам. Стоит на какое-то время прервать эту нить преемственности, все рухнет. В наше время привыкли шить, вязать быстро, просто, дешево, а сложная, кропотливая работа не в чести.

Но вот парадокс. Когда в прошлом году художники Всероссийского центра моды повезли в Париж свою коллекцию одежды и среди прочего продемонстрировали много эффектных вещей, в которых использовались вологодские кружева, это имело невероятный успех у избалованной французской публики.

— Почему же так происходит: Париж в восторге от наших кружев, у нас же они затоварены, не в ходу?

— Объясняется все очень просто: нет нужной информации. Художники-модельеры, придумав новое женское платье с использованием кружев, редко получают возможность обнародовать свою модель в журнале моды с соответствующей выкройкой, крупным рисунком кружева. А без этого трудно сшить платье не то что в домашних условиях, но даже заказать в ателье. Увидеть новинку в демонстрационном зале на манекенщице могут далеко не все, да и этого, кстати, мало. Нужны выкройки. Отсюда и начинается цепочка обратной связи: нельзя опубликовать модель — значит, нет выкроек, нет выкроек — вещь нельзя сшить, нельзя сшить — теряется спрос, нет спроса — должно упасть и предложение, короче, производство кружев. Теряя связь с модой, изделия народных промыслов становятся непонятным анахронизмом, а сами промыслы хиреют, исчезают навсегда. А казалось бы, сколько великолепных идей хранит народный костюм нашей многонациональной страны! Это бездонный кладезь!

Чтобы вдохнуть жизнь в народные промыслы, сблизить их с художниками, работающими в сфере моды, мы совместно со Всероссийским музеем декоративно-прикладного народного искусства готовим выставку «Традиции народного костюма в современном моделировании», на которой будут представлены работы известнейших наших художников, занятых в этой области творчества. Надеюсь, выставка позволит специалистам поновому взглянуть и на наши художественные промыслы, почерпнуть в них новые идеи для моделирования новой одежды.

— На Западе давно известен феномен русской моды. Практически ни у одного из знаменитейших европейских модельеров нет коллекции, где бы так или иначе не возникали русские мотивы. Как это ни странно, зачастую наше традиционное приходит к нам с Запада, становясь на родине «криком» моды именно потому, что явилось «оттуда».

— Да, это, к сожалению, так. Мы щедры до бесхозяйственности, до утери элементарной способности считать.

Вот свежий пример. В последнее время вошел в моду молдавский меховой головной убор — кушман, который трансформируется то в колпак, то в шапку с заколкой — вариантов можно придумать массу, была бы фантазия. Так вот, мы показали его вместе с коллекцией других изделий на одном из последних пушных аукционов, а недавно я обнаружила кушман в журнале «Вог».

— Выходит, стянули?

— Скажем мягче: позаимствовали, хотя смысл не меняется. Собственно говоря, мы даже не вправе предъявлять кому-либо претензии: наши модели мы не патентуем, а значит, они юридически не защищены.

— Поясните, пожалуйста, как этот вопрос решается в других странах.

— Допустим, у художника-модельера родилась новая идея, на основе которой, как он чувствует, можно создать новую коллекцию моделей, разработать какое-то новое направление. На Западе такая идея является тайной за семью печатями, и хранят ее не менее старательно, чем военную или технологическую, потому что новая идея в моде может принести большой доход. Никто, кроме автора, не имеет права ею воспользоваться. Она остается секретом до тех пор, пока на ее основе не будет сшита коллекция одежды и каждую модель соответствующим образом запатентуют. Только после этого художник в первый раз показывает новинку представителям средств массовой информации, организует рекламу. Обычно к этому моменту он успевает так отработать свою идею в представленных на всеобщее осмотрение моделях, что придумать на ее основе что-нибудь новое уже невозможно. Можно только брать готовую разработку, купив, естественно, соответствующую лицензию.

В работах наших модельеров тоже бывает немало новых идей. Но у нас не принято их патентовать, защищать от безвозмездного заимствования. Мы демонстрируем свои новинки на различных международных выставках, конкурсах, показах. Бери, кто хочет, присваивай, разрабатывай, углубляй — пожалуйста. А потом патентуй, продавай лицензии. Не исключено, что мы окажемся среди их покупателей.

Но есть еще одна немаловажная проблема, порождаемая отсутствием информации. Все хотят одеться модно. Но «модно» — понятие растяжимое. Есть мода Кардена, есть еще мода Сен-Лорана, Диора, Бурды, Зайцева, множества других художников, работающих в этой области. Направлений много, но у нас мало кто о них знает. Тиражи наших журналов мод чрезвычайно малы. Что там зарубежные направления, мы не можем толком обнародовать даже рекомендации Эстетической комиссии Минлегпрома СССР.

— А ваши журналы? Разве они не могли бы давать об этом информацию?

— Они для этого не годятся. Сейчас мода меняется слишком быстро. Если учесть, что до сдачи материалов в производство нужно отобрать наиболее удачные модели, отснять их, описать и прибавить это время к девяти месяцам типографского цикла, то легко представить, что самая распрекрасная новинка успеет к выходу журнала безнадежно устареть.

Дело доходит до анекдотов. Прошлым летом на очередной оптовой ярмарке, где торгующие организации заключают договора о поставках товара с представителями легкой промышленности, предложили закупить модные шубы. Торговля отказалась от них именно потому, что они были слишком модными. И основывала свой отказ на вполне резонном рассуждении: широкий покупатель еще не знает, что этот товар моден, значит, шубы не «пойдут». Мех — вещь дорогая, держать нереализованный товар на складах — обуза для товарооборота. Полетят все показатели, а вместе с ними и заработки работников торговли. Мы же, журнал, можем сообщить, что эти шубы современны и модны, только через год, когда они, может статься, из моды уже выйдут. Пятнадцать сотрудников трех наших изданий ютятся в двух комнатах на Кузнецком мосту в Москве, а печатаем мы свои журналы в типографиях Ленинграда, Ярославля и Калинина.

— Как в этом отношении обстоят дела у «Бурда моден»?

— А-а-а... не могу даже сравнивать,— махнула рукой моя собеседница.

Такой вот получился у нас разговор.

Прежде чем, уважаемый читатель, мы вместе перейдем, как условились ранее, к размышлениям на заданную тему, хотелось бы вооружиться еще одной справкой.

В нашей стране работает 36 домов моделей по швейным изделиям и около двадцати — по трикотажу и обуви. Как художники могут рассказать о своих поисках и (главное) находках, где могут показать их широким, как говорится, слоям населения?

Кроме Москвы, журналы мод выпускаются в Ленинграде, Таллине, Риге, Вильнюсе, Киеве, Алма-Ате. Они имеют разные названия, но одинаковую периодичность — четыре раза в год суммарным разовым тиражом 650 тысяч экземпляров.

Надо ли после этого удивляться, что в редакцию «Журнала мод» идет поток писем, в которых читательницы спрашивают, почему его закрыли, несколько лет, мол, не видим его в продаже. А его и не закрывали, просто он живет теперь по законам любого дефицитного товара.

Однако давайте считать дальше. С 1988 года русский вариант «Бурда моден» станет выходить, как уже говорилось, двухмиллионным тиражом. Если наши по-прежнему будут печататься четыре раза в год, а «Бурда» станет ежемесячной, то ее преимущество будет подавляющим.

Журналы Эннэ Бурды выходят в свет через три недели после сдачи макета в типографию. Секрет: тонкая бумага и скоростные ротационные машины. Именно такое оборудование и такую бумагу должен получать строящийся в Лианозове полиграфический комбинат. Так что, если наши собственные издания будут верны по-прежнему принципу «улита едет, когда-то будет», соперники из ФРГ и в плане свежей информации без особого напряжения обойдут их на несколько корпусов.

Не знаю, как у кого, но у меня такая ситуация вызывает определенный душевный дискомфорт. Прочтите, что напечатано в первом номере русского варианта «Бурда моден» (сохраняю грамматику и стилистику автора):

«Оставим же итальянцам их «Алта мода», а французам их «Хот Кутюр», мировой успех в области моды приходит с Германии».

Вот так, и не меньше.

Даже если с пониманием отнестись к несколько рекламному тону, остается ощущение, что нас хотят потчевать среднеевропейским ширпотребом. Оно усиливается, когда листаешь сам журнал. Прекрасно задуманные, отлично сшитые, профессионально показанные и сфотографированные модели кажутся все-таки неуловимо чужими.

Нынешняя мода интернациональна — это факт. Но бесспорно и другое: каждый народ интерпретирует ее по-своему, сообразуясь со своими традициями и условиями жизни. Кто же теперь будет вносить элементы «нашего» в этот, если позволите так выразиться, международный стиль? Неужели фрау Эннэ Бурда?

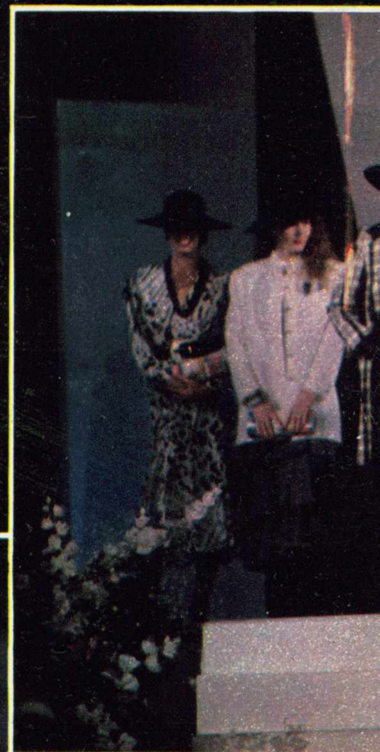
Лет пять назад в интервью журналу «Гутен таг» Эннэ Бурда довольно подробно и откровенно рассказала о своей жизни. За тридцать восемь лет бывшая дилетантка в издательском деле сумела создать крупнейшую в мире фирму по производству журналов моды, выходящих тиражом 28 миллионов экземпляров. Сейчас на

См. стр. 17.

Журнал «Бурда моден» в рекламе не нуждается. Уже давно он привлек внимание читателей. Не такие уж многочисленные его экземпляры, попадавшие в нашу страну, переходили из рук в руки отечественных модниц, которые шили, кроили, вязали, пользуясь точными выкройками журнала. Отныне популярное издание будет приходить к нам напрямую, без посредников.

Праздничный вечер в Колонном зале был посвящен выходу первого номера журнала «Бурда моден» на русском языке. А распорядительницей праздника по праву была Энне Бурда. Обращаясь к присутствующим на вечере, она сказала:

— Это кульминация всей жизни, издательской деятельности. Это моя самая главная премьера.



УРАЛЬСКИЙ БОГАТЫРЬ

МАШИНА, СОЗДАННАЯ НА ЗНАМЕНИТОМ ЧЕЛЯБИНСКОМ ТРАКТОРНОМ, В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ СЛОВА ШТУЧНАЯ. ДАЖЕ КОГДА ЧТЗ ПОЛНОСТЬЮ ОСВОИТ ЕЕ ВЫПУСК, ИЗ ЗАВОДСКИХ ВОРОТ БУДУТ ВЫХОДИТЬ СЧИТАННЫЕ ЕДИНИЦЫ ТРАКТОРОВ, РАВНЫХ КОТОРЫМ ПО МОЩИ — СВЫШЕ 800 Л. С.! — НЕТ НИ В ОДНОЙ СТРАНЕ МИРА.

Геннадий МАКСИМОВИЧ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

Складывалось впечатление, что Анатолия Михайловича Потешкина знают на производственном объединении «Челябинский тракторный завод имени В. И. Ленина» все, как и сам он знаком почти со всеми в этом многотысячном коллективе. Хотя если задуматься, то удивляться здесь особенно нечего: ведь он пришел на ЧТЗ давно, сразу же после окончания Челябинского политехнического института, еще в 1968 году. Сначала работал технологом в цехе, через год стал испытателем, а в 1980-м — заместителем главного конструктора по испытаниям.

— То есть как раз с того самого времени, когда начал зарождаться на бумаге наш уральский богатырь,— улыбнулся Анатолий Михайлович.— Я имею в виду Т-800, новый 820-сильный трактор. Вскоре по инициативе конструкторского отдела завода был разработан и эскизный проект бульдозера, способного трудиться на Крайнем Севере и на Дальнем Востоке.

Что и говорить, в суровых условиях предстоит ему проводить вскрышные работы и вести добычу полезных ископаемых открытым способом. Конечно, можно пользоваться и зарубежной техникой. Но она и стоит дорого, и по мощности не всегда удовлетворяет наши потребности.

Вот так и появился сначала на ватмане, а через три года и в металле наш богатырь. Подобных гигантов на мировом рынке пока нет. Правда, американская фирма «Катерпиллер» начала выпуск трактора Д-10, но он несколько меньше — мощностью в 710 лошадиных сил...

К идее создания нового сверхмощного трактора все в объединении относились с восторгом. Первый вышел из ворот завода в мае 1983 года — к пятидесятилетию ЧТЗ, второй — в октябре 1984 года, три остальных — к XXVII съезду КПСС.

Нас, конечно же, интересовал сам трактор, хотелось поскорее увидеть его. Об этом и попросили мы Потешкина.

— В работе их здесь увидеть не удастся,— ответил он.— Один в Каслях на строительстве, второй на стенде, третий готовят к отправке на Уральскую машиноиспытательную станцию, четвертый в Магнитогорске, пятый под городом Пласт на горных разработках. Может, съездим в Пласт?

...Ярко-желтый гигант, работающий в карьере, был виден за несколько сот метров. Кто-то даже пошутил, что его и из космоса можно разглядеть невооруженным глазом. Без особых усилий бульдозер гнал перед собой огромный вал земли.

Рядом с богатырем сновал вроде бы и небольшой трактор, но, к нашему удивлению, выяснилось, что это ДЭТ-250, крупнейший из производимых серийно на ЧТЗ. Но сейчас он не шел ни в какое сравнение с новой машиной.

— Еще бы, производительность новичка в три раза выше,— сказал Потешкин, когда мы поделились своими впечатлениями.— Подойдемте поближе, сами почувствуете мощь красавца.

И Анатолий Михайлович быстро зашагал по развороченным суглинкам. Чувствовалось, что для него это дело привычное. Тут, рядом с Т-800, его постоянное место.

А богатырь все работал и работал, гоняя перед собой огромные валы грунта.

— Да что там суглинки,— с плохо скрываемой гордостью продолжал Потешкин.— Опробовали мы его и на скальном грунте. Так вот, своим зубом он проникал в скалу более чем на метр и рвал ее.

Но вот Т-800 опустил почти на двухметровую глубину рыхлитель, и от его стального зуба в обе стороны побежали валы земли, как будто бы плуг шел по мягкой пашне. Когда бульдозер остановился, мы забрались в кабину. В ней тепло, хороший обзор, да и тесниться не приходится. И это несмотря на то, что установлен дополнительный пульт с приборами и датчиками — ведь идут испытания.

Мы разговаривали со многими водителями-испытателями, встречались даже с человеком, которого все на заводе зовут «Макагоном-83», Юрием Андреевичем Сартаковым, названным так в память о Марке Макагоне, в 1933 году выведшем за ворота ЧТЗ первый челябинский трактор. Ю. А. Сартаков участвовал в сборке Т-800, вывел его из ворот объединения и первым начал испытания.

Так вот, все в один голос уверяли, что Т-800 очень послушная и умная машина. Все в нем продумано до мелочей, и он наверняка станет верным помощником в любых сложных условиях и при любой погоде.

Мы ехали на «уазике» обратно в Челябинск. Разговор шел о новом бульдозере, нас интересовала его дальнейшая судьба.

— Последний приказ министра обязывает нас изготовить еще три трактора в нынешнем году,— говорил Анатолий Михайлович.— Но это будут уже опытные, а не модельные экземпляры, сделанные с учетом того, что показали испытания.

Говорил все это А. М. Потешкин без особого оптимизма. Оно и понятно: от 1980 года, когда был задуман уральский богатырь, до 1992-го, когда, хочется надеяться, начнется его серийный выпуск, слишком уж большая дистанция. Многие из тех, кто вкладывал свою душу и труд в создание первых образцов, уйдут на пенсию, так и не дождавшись его серийного выпуска. Да и не получится ли так, что за это время сама машина устареет?

МОДА: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Начало на стр. 15.

их выпуск работает полтысячи сотрудников. Кроме полиграфического комбината, фирма имеет шесть фотостудий, где ведется съемка предлагаемых образцов одежды и других товаров. У нее есть специальная редакция по тканям, следящая за тем, чтобы через пару месяцев после выхода очередного номера журнала в свет повсюду можно было купить ткани, из которых сшиты предлагаемые «Бурдой» модели. Эта фирма издает отдельными выпусками журналы детской одежды, одежды для полных людей, журналы вечерних туалетов, а также журналы одежды для спорта и досуга. Четыре раза в год тут выходят каталоги выкроек, которые рассылаются всем желающим по почте. Есть у фирмы специальные издания по различным видам рукоделия, а также поваренные книги. Прорвавшись на рынок ста десяти стран, «Бурда моден» старается не гнать свои модели во все концы по одному шаблону, а, приноравливаясь к конкретным условиям, вносит в них поправки с учетом местных традиций. Регулярно фирма устраивает в разных странах фестивали моды, конкурсы моделей, сшитых по выкройкам «Бурды». Постоянно в широких масштабах ведется здесь антропометрическая статистика: сколько людей худых, сколько полных, как меняются рост людей, размеры одежды и так далее. Короче, в «Бурде» не дремлют, работают.

Думаю, рассказанного достаточно, чтобы четко представить, кто стал нашим партнером по сотрудничеству, какой у него опыт, концепции, а главное — цели. В последнее время к нам зачастили западные специалисты в области моды: Карден, Сен-Лоран, Бурда. И сразу пошли разговоры: теперь мы будем одеваться у всемирно прославленных корифеев.

Думаю, не стоит питать особых иллюзий: они едут к нам не одевать нас, а зарабатывать на этом. Смущаться этого не следует, но и забывать об этом негоже.

Международные обмены, контакты — дело прекрасное. Но порой в восторге от свалившегося якобы на наши головы счастья мы теряем чувство меры. Можем ли вспомнить, чтобы Центральное телевидение когда-нибудь показывало из Колонного зала Дома союзов такой же яркий праздник моды с участием наших художников, какой оно устроило для Бурды? Не было такого. Неужели в полусотне наших домов моделей нет ничего интересного?

Мы разучились улавливать суть явлений. Если Эннэ Бурда сочла для себя выгодным выпускать у нас свой журнал, то почему мы сами всерьез не займемся этим делом? Мы не ценим свои достижения и все ждем подсказки со стороны, расплачиваясь каждый раз за такую подсказку по самому высокому тарифу.

Лет двадцать пять мы восторгаемся фактом, что русские сапожки завоевали мир. Действительно, четверть века придумка наших предков шагает по планете, но мы сами за этот срок так и не сумели добиться, чтобы у отечественных сапожек был достойный вид. Наши пылятся на полках, а за обувкой, притопавшей к нам из Италии, Голландии, ФРГ, Франции, Финляндии, длиннющие очереди. Так что чьи сапоги кого завоевали—вопрос дискуссионный. Вот бы только узнать, по чьей вине.

Или вспомним дубленки, этот облагороженный вариант немудреных полушубков, кожухов и прочих одежд из овчины, которые испокон века были в ходу у многих народов нашей прохладной страны. А ведь мода на дубленки опять пришла к нам «оттуда». «Там» она уже и миновала, а у нас при нашем-то климате могла бы навечно остаться самой ходовой одеждой — так пойди попробуй купи: дефицит.

Странно. Особенно когда знаешь, что СССР — вторая (после Австралии) страна по размерам овечьей отары. А справить овечью шубу — проблема: нет сырья. Вспомним былую гордость ярославских крестьян — романовскую овцу. Выведенная здесь еще лет двести назад, она дает лучшие в мире овчины. Мездра у нее тонкая и легкая. Шерсть содержит много пуха и при носке в шубах и тулупах не сваливается. Добротно сработанный полушубок средних размеров весил всего три фунта — чуть больше килограмма. Романовские овцы очень плодовиты. Ранее широко распространенные в Российском Нечерноземье и Белоруссии, ныне они утратили былые позиции. А ведь могли бы быть надежным поставщиком сырья для наимоднейшей практичной одежды...

Скажите: эка куда занесло, начал, мол, с праздника нарядов, а вырулил к заготовке овчин с тонкой мездрой и теплым подшерстком... Вовсе и не занесло. Если рассматривать одежду как красивую тряпку, которой можно прикрыть тело, тогда, конечно, не стоит задумываться, откуда что берется и через чьи руки она проходит по пути к личному гардеробу. Но если рассматривать проблему одежды как длинную цепь взаимосвязанных и взаимозависимых звеньев, тогда многие наши загадки станут ясными как день. Станет понятно, почему при нашем огромном овечьем стаде у нас нет полушубков, зато завал добротных драповых пальто и шерстяных материалов, не пользующихся особым спросом. Станет понятным, отчего при устойчивом спросе на льняные ткани мы палим скирды льняной соломки, которую выращиваем, но не успеваем перерабатывать, и на месте пепелищ вновь сеем лен, бьемся за урожай.

В этой цепочке от сырья до готовой продукции место художников-модельеров и средств массовой информации из области моды находится где-то посредине. Их звено не менее важно, чем все остальные, потому что разрыв цепи в любом месте нарушает связь с уцелевшими ее частями. Бездумно мы исхитрились разобрать всю цепь по звенышку, позапрятать каждое по разным углам, а теперь надеемся, что кто-то со стороны разберется в наших проблемах и наладит работу всей системы. Наивное заблуждение. Если сами не возьмемся, никто нам не поможет. Те, со стороны, постараются только нажиться на нашей бездеятельности и неразберихе.

Расхожую фразу «Реклама — двигатель торговли» мы часто произносим походя, не вкладывая в нее большого смысла. Телерепортаж из Колонного зала показал, как это выглядит не на словах, а на деле. Не грех бы нам из праздника Эннэ Бурды извлечь практический урок и в этом плане. Надо и самим проводить подобные красочные праздники моды, фестивали, конкурсы, привлекая к участию в них собственных модельеров. Тогда каждая республика смогла бы похвалиться своими достижениями в этой области—всем была бы польза.

Что ж, спасибо вам, фрау Эннэ Бурда, и за этот урок.

МУЛЬТПАННО

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Рисунки Александра СЛОНИМА

И действительно. Ну не странно ли, один только лишь убегает, другой все время догоняет. Какая уж тут любовь? А вот ведь уже шестнадцать серий не могут расстаться. Еще одна серия — и готовы «Семнадцать мгновений любви»...

Да и не менее ли странна наша зрительская любовь к этому дуэту, который как ни «сядет» — все годится, все обречен на успех.

Об этих двух — о Зайце и Волке — и спорят два гостя МУЛЬТПАННО. Спорят о знаменитом сериале тоже на протяжении двух серий, двух обменов посланиями. Сперва может показаться, что Михаил Гуревич выступает в функции Волка (стало быть, нападает), а Владимир Голованов — защищает (стало быть, он играет за Зайца). Но присмотревшись повнимательнее, мы увидим две равно убедительные позиции, относящиеся одна к другой пусть с иронией или даже упреками, но — прежде всего! — с желанием не потерять собеседника, не лишиться странной любви антагониста.

Ах, если бы накалом и изяществом, «азартом и озорством» наших спорщиков всегда обладал и сам предмет спора!..

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

Михаил ГУРЕВИЧ,
критик

ПОЧЕМУ Я ЕГО НЕ ЛЮБЛЮ

Да, я не люблю бессмертную серию, фаворита всеобщего вкуса и кассовых сборов. Публично признаваться в этом как-то стыдно и даже боязно. Действительно, как же так: все любят, а он нет; всем нравится, а он, понимаете ли, нос воротит!..

Всем, да не всем... Впрочем, объяснимся по существу дела.

Почему не люблю? Вроде все так мило, забавно, остроумно... Кому как. По мне, юмор все больше плоский, а иногда и попросту грубый. И злоключения несчастного нашего злодея, Волка, давно уже не забавны. Даже вечного, неувядающего комизма «рыжего», профессионального неудачника манежа, тут почти не осталось. Глянешь порой трезвым вдруг глазом — оторопь берет: и холодным-то оружием его, бедного, колют, и всяческой техникой травят, а уж сколько дверей он лбом открыл — не счесть... Да и Заяц совсем не мил, потому что **неживой.** Да его и нет вовсе на самом-то деле — так, функциональная деталь, чтоб машинка вертелась. И убейте — не могу взять в толк, что же они все-таки не поделили?! На чем интрига столько лет вертится? Нет, не хочу выглядеть дотошным критиком-занудой, разбирая по скучному здравому смыслу комический, условный сюжет. Но смысл хоть какой-то должен же быть в его основании? Изначально, кажется, был, судя по смутным воспоминаниям. Но сейчас-то... есть ли осмысленность хоть в микросюжетах, в драматургии трюков? Вот последний выпуск (или уже снова — «пред»?): пародируем эстраду — всех звезд подряд. Пародии, по мне, дурные, слова плоские и грубые, но главное — зачем они здесь? И кому адресованы? Бросьте, не будем дурить друг друга: маленький зритель их не «просечет», не соотнесет иронически с оригиналом, а скорее уж примет за чистую монету, как и сами оригиналы, увы.. Вся беда, впрочем, не просто в смысловых потерях, а в том, что за время 15-серийной погони куда-то исчез ее нравственный, душевный вектор. Все позабыто, оставлено, в жертву принесено. Чему? Ну как же: занимательности, движению, динамике. Только как не заметить, что вся динамика вычисляема наперед и, следовательно, скучна.

Сознаемся самим себе: этот сериал недолго бы продержался, если бы шли у нас другие сериалы — скажем, диснеевские. Зачастую там все то же: и динамика, и стиля, и каскады трюков — только лучше. И в каждом трюке — какая изобретательность, какой и впрямь острый ум и умная острота! И персонажи — ах, какие живые! Микки Маус останется (уже остался!) вечным образом в ряду фольклорных. А что наш Заяц? Чем, какой чертой, воспоминанием о каком пережитом чувстве останется он в памяти поколений, с ним выросших? Не знаю ответа.

Профессионалы говорят: тут тоже мастерство большое. Верю. Тем печальней. Потому что не вижу за ним истинной профессиональной культуры, особенно в последних выпусках, все более торопливых. Великий труд вложенный уважаю. Отдельные удачи, отличные выдумки — тоже. И, конечно, понимаю, что этот, из первых, опыт отечественного мультсериала — большое дело. И успех его интересен, хотя бы для будущих исследователей. Многим в радость — на здоровье. Ну а кто-то же имеет право не любить?!

За безвкусицу и грубость. За бедность и стиля, и смысла. За однообразие. За то, наконец, в чем создатели вроде и неповинны: точно попав в лузу общих вкусов и ожиданий, фильм этот занял в нашем зрительском опыте слишком много места — чужого! Он собой замещает **иную** (и разную!) мультипликацию, большинству мало знакомую и непривычную. Приучив к себе, от **иного** заранее отучает. От стилей сложных, от богатства изобразительного — а в этом ведь великая привилегия мультипликации: движущейся графики, живописи. От других жанров мультикино: а в нем существует не только комедия-буфф, есть свои драмы, новеллы, поэмы. От совсем иного детского зрелища — с иным образом детства в основе и иным способом собеседования с ребенком. В конце концов не это ли главное?

Одно другого не исключает, говорите? Хотел бы верить...

Владимир ГОЛОВАНОВ,
кинодраматург

ЧТО ОН ВЗЯЛ НА СЕБЯ

Странный, однако, фильм. Особенно хорошо это знают те, у кого есть домашние беззвуковые кинопроекторы. Ставишь какой-нибудь (любой!) выпуск, а на проигрыватель пластинку и включаешь мотор. Звучит Бах, и на экране получается по крайней мере драма: звучат «Битлз», и видишь вдруг, каким романтическим становится Волк, каким особо коварным — Заяц; под «тяжелый рок» приключения происходят "урбанистичней", помрачней, фатальней...

Музыка, конечно, способна поиному окрасить любой фильм, но «Ну, погоди!» как-то по-особому пластично поддается вторжению. Он как бы «терпит», но и впитывает, и переваривает, и присваивает себе. Его как бы «ничто не берет». К этому «ничто» я еще вернусь.

Ценители раритетов мультипликации хмыкают: «Надо же, этот «Ну, погоди!»...»

Кто бы и что бы ни говорил, у меня есть два соображения, основных для оценки, по-моему.

Первое: как важно, что Волк никогда не прекращал своих попыток. Его столбом по шее, а он, не оглядываясь, вперед. Его наоборот — в трубу, а он оттуда выскочит, только башкой повертит, взъерошится кривокосо на миг, и дальше...

Человек смеется, глядя на это, смеется в общем-то над собой. А смеясь, общеизвестно, можно себя лечить от болезней — без всяких экстрасенсов и без таблеток. В этом смысле «Ну, погоди!» всегда поддерживал в зрителе «поле надежды». Ничего, мол, прорвемся...

Но разберемся. Вы говорите: «А я не смеюсь, мне не смешно, это глупо просто, а не смешно, что ж тут смеяться?» Вот я и говорю, что вы болеете. Сколько раз клоун будет давать пинок другому клоуну, столько раз и должно быть человеку смешно, потому что смех — это разрядка, а не культурологическая акция. Смех — это как облегчение после вырванного зуба. А то ведь можно довести себя и до того, что, встав с кресла стоматолога, удовлетвориться пониманием «решения проблемы» и немедленно продолжить прерванную трудовую и интеллектуальную деятельность. Не подмигнуть ожидающим в приемной. Или не выругаться (мысленно, мысленно!), облегчая душу. Или не заплакать.

А второе — совсем другое. Я думаю, сами создатели сериала могут изумиться моему предположению, но часто художники, как дети человечества, просто интуитивно, не формулируя, складывают то, что у них получается. А со стороны видней. Так вот: кто этот Заяц? Кто он? Гений? Прохо-димец? Мужчина или женщина? Любитель Фолкнера? Болельщик «Спартака?» Или нет? Он великое никто!

Неуловимое, безымянное, прикидывающееся чем угодно и не являющееся ничем, несмотря на хвостик, лапки и уши. Мы ни-чего не знаем о нем. И это серьезно. Кто он? Он еще одно, очередное, проявление хаоса — того темного хаоса древних, который многооко глядит на нас из космического холода глазами-звездами, который окружает нас, который пытается рассеять тепло и уникальность феномена жизни равномерно машущей метлой энтропии.

Пустое ничто, соблазняющее значимостью, заманивающее, хихикающее, надеющееся заставить нас осознать тщетность всех попыток. Вот кто этот зайчик.

И вот почему бесстрашная, а, может быть, подчас и безумно-мятежная деятельность Волка так притягательна для нас, на каком бы уровне эстетического осознания фильма мы ни стояли.

«Ну, погоди!», может быть, не набрал до полной меры по всем возможным параметрам, но сердцем он взял.

Вот почему его — этот фильм — и не берет «ничто», как я сказал вначале, потому что он дерется как раз с этим «ничто» — по-клоунски, ерничая.

Не отступая, только ошалело встряхиваясь и снова бросаясь вперед. Не оценить то, что он взял на себя,— смотреть мимо фильма.

И вообще мне кажется иногда, что разговоры о «культурном феномене» фильма и его месте в «контексте культуры» закрепляются на уровне обмена интеллектуальными достижениями кинокритики, без горя, грубости, нежности. Азарта и озорства. А тогда зачем?

ВТОРАЯ СЕРИЯ

М. ГУРЕВИЧ

ОТВЕТ ОППОНЕНТУ

Да не в том ведь только дело, на каком «уровне эстетического осознания фильма» мы стоим, а в том, какого он сам эстетического уровня. Может быть, «хмыкают» не «ценители раритетов мультипликации», а ценящие в ней **искусство** в противовес тому, что называется как-то иначе.

Зато фильм «сердцем взял», говорите? Вот уж нет! Чего-чего, а «сердечного», а душевного усилия совсем тут не вижу, его и авторы не совершают, и от зрителя не требуют. Мол, смотрится? И ладно. Ничего, мол, и так «прорвемся». Что же до хаоса и энтропии, то не кажется ли уважаемому оппоненту, что их умножает именно вопиющая пустота, заместившая работу мысли и чувства, обернувшаяся бескультурьем и дурновкусием...

...Впрочем, это действительно странный фильм. Если большой знаток и тонкий профессионал по его поводу вдруг сочиняет лирико-философское эссе, не значит ли это, что и миллионы поклонников тоже нечто свое в этой ленте выглядывают? Понять бы только, что...

В. ГОЛОВАНОВ

КОММЕНТАРИЙ К ПРОПОЗИЦИЯМ КРИТИКА

Жалко мне стало Волка. Так и вижу, как он — «вне истинной профессиональной культуры», где-то в чемто похуже диснеевского мышонка, с утерянным «душевным вектором» и вдобавок обвиненный пожизненно во всем этом — пытается разобраться с феноменом проклятого Зайца, носясь по экранам год за годом, до полной истертости пленочных копий, рекламных буклетов, вафельных оберток, миллионов маек и даже критических статей...

Сериал заканчивается. Мы еще поставим ему памятник: где-нибудь на небольшом астероиде будет стоять Волк, летя вперед, приоткрыв удивленно пасть, всматриваясь во тьму и хаос, бормоча время от времени единственную свою фразу.

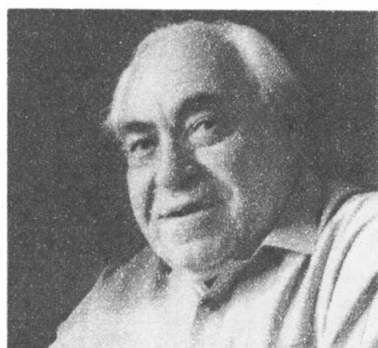
Послесловие МУЛЬТПАННО

Заканчивается и наш сериал.

А не поздно, скажут нам, мы спохватились? Ведь Вячеслав Михайлович Котеночкин в очередной раз принял окончательное решение покончить с этой «бесконечной историей». Он твердо уверен, что теперь его не разжалобят никакие сотни просьб «погодить» прощаться с героями, привычными нам, как Юрий Сенкевич и Юрий Николаев.

Так-то оно так, да только «свято место пусто не бывает», на экраны недавно вышел мультфильм «По собственному желанию» режиссера В. Арсентьева, который заставил нас насторожиться. Ведь и в своем стремлении буксовать на одном месте, выдавая «вяленые» трюки за сегодняшний уровень мультклоунады, и в своем бессознательном, как нас убедили, пафосе обличения «пустого ничто» — во всем этом «новичок» настолько близок к «Ну, погоди!», что, не ровен час, «выбьется в сериалы».

А там ведь еще и кошечка! Ну, как она приглянется зрителям? И опять посыплются просьбы «продолжить по собственному желанию»...



МУЛЬТПАННО ПОЗДРАВЛЯЕТ

АДРЕС НА КОНВЕРТЕ

Чем сейчас озабочены деятели кино? О чем так страстно спорят профессиональные критики и читатели? Ну, конечно, о «проблеме зрителя». О просто-таки роковом порою несовпадении между мнениями специалистов-критиков и художников, с одной стороны, и так называемым «массовым» зрителем — с другой.

А между тем в советском кино работает режиссер, который, кажется, в творчестве своем даже и не подозревает, что может существовать альтернатива: или искусство, или массовый успех.

И хотя творчество этого режиссера хорошо известно, а фильмы его все знают и любят,— с этой стороны критики их не исследовали. А жаль! Может быть, такое исследование помогло бы понять, как примирить капризное искусство и еще более капризного зрителя?

1 мая 1987 года исполняется 70 лет со дня рождения народного артиста РСФСР, лауреата Государственных премий СССР, вице-президента Международной ассоциации мультипликационного кино, председателя Всесоюзной комиссии мультипликации Союза кинематографистов СССР, режиссера, художника-мультипликатора и прочая, и прочая, и прочая Федора Савельевича Хитрука.

Столько титулов, а не написано самое главное: ведь он создатель фильмов «История одного преступления» и «Топтыжка», «Каникулы Бонифация» и «Винни-Пух», «Фильм, фильм, фильм» и «Остров»...

Год нынешний для мастера трижды юбилейный: исполняется 70 лет — это раз. Ровно 50 лет назад (полвека!) молодой художник-мультипликатор начал работать на «Союзмультфильме» — два. И, наконец, 25 лет назад вышел первый фильм режиссера Хитрука «История одного преступления».

Зрители приняли фильм, как говорится, «на ура». Пожалуй, впервые у нас на мультипликацию обратили внимание как на полноправное искусство для взрослых. Мнение зрителей единодушно поддержали и профессионалы — члены жюри разных международных фестивалей. В том числе и в Калифорнии, которая долгое время была столицей мировой мультипликации, где царствовал Уолт Дисней и где первому фильму Хитрука присудили главный приз — «Золотые ворота» (Сан-Франциско).

Льву Бонифацию, как только он появился на экране, были безоговорочно отданы детские сердца, его именем называли детские киноклубы, и жюри фестиваля в Мамае в 1966 году присудило ему «Золотого пеликана» — тоже главный приз. В 1974-м картина «Остров» была удостоена «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля! (Первый советский фильм после 1958 года, когда такую же награду получила классическая картина «Летят журавли».)

Заметьте: фильмы то для детей, то для взрослых, то сказка, то пародия, то притча, то карикатура. Постоянно лишь одно — обязательный успех у зрителей любого возраста.

В 1969 году во время Московского международного кинофестиваля проходила в Москве ассамблея Международной гильдии сценаристов. Съехались к нам кинодраматурги из разных стран, съевшие не один пуд соли за кинематографическим столом. Удивить эту публику было, кажется, невозможно... И все же, когда им показали двадцатиминутную мультипликацию «Фильм, фильм, фильм», реакция была ошеломительной. Представьте себе людей, которые буквально покатывались от хохота, вытирали слезы, сползали со стульев. Все это не преувеличение, не метафора, а буквальное описание того, что мы видели. И только лишь кончился фильм, раздались аплодисменты и выкрики на многих, не всегда нам понятных языках, которые значили одно и то же: «Еще раз!» Фильм тут же повторили.

А если поговорите со многими известными сейчас режиссерами мультипликационного кино — с Эдуардом Назаровым или с Андреем Хржановским, с Геннадием Сокольским или с Анатолием Петровым, с украинским режиссером Давидом Черкасским или казахом Аменом Хайдаровым, с эстонцем Рейном Рааматом или грузином Мерабом Саралидзе,— уверены, они назовут Хитрука среди главных своих учителей.

«...Не могу сказать, что знаю свое творческое расписание на три года вперед. Сначала возникает какое-то беспокойство и желание сделать фильм. Потом выясняется, что этот фильм должен быть предназначен для детей, а этот — для взрослых. Иными словами, адрес на конверте пишется после, сперва пишется само письмо...» Это ответ мастера на вопрос, как возникает замысел.

И письмо доходит всегда и принимается с любовью.

С днем рождения Вас, Федор Савельевич, с днем рождения от имени всех читателей «Огонька»!

ЧТО ЗА ФАСАДОМ?

«ОГОНЕК» ДВАЖДЫ ОБРАЩАЛСЯ К «НОВОЙ» ЖИЗНИ СТАРОГО АРБАТА (№ 37 ЗА 1985 г. И № 4 за 1986 г.). МАТЕРИАЛЫ ЭТИ БЫЛИ ПОСВЯЩЕНЫ ТОМУ, КАК БОЛЕЕ РАЦИОНАЛЬНО ОРГАНИЗОВАТЬ РАБОТУ ПО СОЗДАНИЮ ПЕРВОЙ ПЕШЕХОДНОЙ УЛИЦЫ В СТОЛИЦЕ, ГОВОРИЛОСЬ И О ТОМ, ЧТО НЕТ У АРБАТА ЕДИНОГО ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ЗАКАЗЧИКА, СПОСОБНОГО ОБЪЕДИНИТЬ РАЗНЫЕ ВЕДОМСТВА ПО РЕСТАВРАЦИИ СТАРЫХ ЗДАНИЙ, ОРГАНИЗАЦИИ МЕЛКОРОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ, ПО ОФОРМЛЕНИЮ ИНТЕРЬЕРОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВЛИ, БЛАГОУСТРОЙСТВУ УЛИЦ И Т. Д. СЕГОДНЯ МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ЭТУ ТЕМУ, НАЧИНАЯ СТАТЬЮ С ПИСЬМА ОДНОЙ ИЗ НАШИХ ЧИТАТЕЛЬНИЦ.

«С момента торжественного открытия нашей улицы прошло немало времени. Тысячи москвичей и гостей столицы приезжают к нам, коренным арбатским жителям, полюбоваться раскрашенными фасадами старинных, действительно внешне прекрасных зданий. Но никому не приходит в голову заглянуть внутрь домов, узнать, что творится за парадной стороной. Старые, развалившиеся, часто без элементарных удобств многонаселенные коммуналки, требующие не просто капитального ремонта, а полной реконструкции,— вот удел коренных москвичей, издавна поселившихся на этой центральной улице столицы. Нашим соседям из шестой квартиры повезло. Потолок обвалился как раз в тот момент, когда к ним приехала жилищная комиссия Киевского райисполкома. В результате пострадавшим дали новое жилье, а нам, вероятно, надо тоже ждать, пока и у нас все рухнет. Я бы подождала, да сил уже маловато: десятилетней девочкой я пережила ленинградскую блокаду, перенесла инсульт и массу других болезней, мой рабочий стаж — 37 лет. Живем вдвоем со взрослым сыном, перегородив комнату фанерной стенкой. Года четыре назад провели у нас в квартире газ, оставив черные трубы и прокопченные стены некрашеными, потолки везде прогнили, осыпаются...

Л. Н. ТЕЛЕШОВА, Арбат, д. 40, кв. 5».

Владимир ПОТРЕСОВ,
фото Сергея ШЕРСТЕННИКОВА

Тускло тлели знаменитые фонари, светились редкие витрины, и хотя время было в общем-то не позднее, далеко не всюду горели теплые московские окна.

После торжественного открытия пешеходная улица постепенно снова обрела вид строительной площадки, где что-то перестраивается, ремонтируется, подкрашивается, причем опасные зоны окружены не обычным в таких случаях забором, а игривыми раскрашенными щитами с буквой «А» посередине, что, видимо, должно обозначать «Арбат». Холодом веет от немых темных зданий.

Бывшее кафе «Ленинградское», а ныне «Бисквит», как и многие другие подобные учреждения, уже закрыто; служащие за ярко освещенными окнами убирают зал, а рядом в доме № 40 кафе «Старое фото». Оно еще работает, перед ним небольшая очередь, две юные компании выясняют отношения. Подъезд дома надежно заблокирован кодовым замком, двери усилены тяжелыми свежестругаными досками — чувствуется, что подъезд подготовлен к длительной осаде.

— А как же!— объясняли мне позже жильцы.— Рядом ведь кафе. В очередях стоят по часу и больше. В подъезды заходят греться, курят. Недавно чуть было не возник пожар. Кроме того — стыдно об этом говорить,— на Арбате нет ни одного общественного туалета, так что сами понимаете...

Прошло время радостных победных реляций, когда чуть ли не всюду писали об открытии в Москве первой пешеходной улицы. Но уже тогда, полтора года назад, в этих сообщениях звучали тревожные ноты: кто будет хозяином Арбата, кто организует многочисленные культурные и торговые учреждения, предполагаемые на Арбате, так, чтобы радовала душу несуетливая и интересная новая жизнь старой московской улицы?

Называлась и организация, способная, по мнению специалистов, взять на себя функции хозяина заповедной улицы — Главное управление капитального строительства при Мосгорисполкоме, ГлавУКС. С той поры, напомню, прошло полтора года, ГлавУКС от функций заказчика Арбата не отказывается, но и задачи хозяина на себя не берет. А в это время первая московская пешеходная улица, которая, по логике вещей, должна бы стать примером подобной организации городского пространства, живет своей странной, неуправляемой жизнью.

Дошло дело до того, что весной прошлого года «втихую» снесли чуть ли не единственный уцелевший на Арбате ампирный особняк (дом № 42), который, как утверждают, принадлежал внучке Суворова и где, по некоторым предположениям, бывал Лермонтов.

Возмутившуюся было общественность успокоили тем, что на месте снесенного дома будет построена точная его копия с сохранением мельчайших деталей. В московских газетах опубликован был даже проект реставрации, правда, с довольно странной аркой явно неклассического стиля. Все дело в том, что реставрацию дома проводят грузинские архитекторы и строители — скоро здесь возникнет грузинский ресторан. Но произошло необъяснимое: вскоре одноэтажный арбатский «особнячок» значительно перерос проект — сейчас стена его не достроенного еще фасада завершается на высоте третьего этажа соседнего дома. Разрастается дом в буквальном смысле и вширь, и вглубь. Контроль за строительством явно никто не осуществляет.

В Москве всегда с большим уважением относились к грузинскому искусству вообще, и к зодчеству в частности, но ведь необходимо же сохранить историческую достоверность старой московской, да напомним еще раз — заповедной улицы!

Ни одно из обещанных проектировщиками культурных учреждений за эти полтора года на Арбате не создано. Похоже, что не будет их в ближайшее время. Сыплется штукатурка с наспех отремонтированных фасадов, их деликатно обносят заборчиками с буквочкой «А»...

Долго ли будет существовать Арбат без хозяина? В Москве предполагается создание новых заповедных зон. Пешеходными станут Сретенка, Столешников переулок, Лаврушинский и целый ряд других «проездов» (от слова «ехать»). И неминуемо здесь мы столкнемся с теми же проблемами, что и на Арбате.

Возможно, при развитии и увеличении числа пешеходных зон целесообразно при Моссовете

Ираида МИХЕЕВА

ЛЮДИ ЩЕДРОГО СЕРДЦА

Сегодня в Литве уже более тридцати мемориалов — воинам-освободителям, участникам партизанского движения, жертвам фашизма. Народные мастера участвовали в создании и других памятников в республике — необычна по замыслу и удивительна по исполнению «Дорога Чюрлениса», соединяющая Варену, где родился гениальный композитор и художник, и город его детства Друскининкай.

В создании многих памятников большая заслуга принадлежит Обществу народного искусства, которому более двадцати лет. Эта творческая организация объединяет более двух с половиной тысяч человек.

— Наша основная задача записана в уставе Общества,— говорит председатель Ионас Казевич Килшаускас — «пестовать искусство литовского народа, его многолетние традиции, пропагандировать... в широких массах трудящихся». Каждый год работы наших художников дают прибыль более чем в миллион рублей. Эти деньги идут на организацию выставок, семинаров... Отчисляем деньги и на строительство детских учреждений и больниц.

Недавно на окраине Вильнюса завершено строительство первых кооперативных мастерских для самодеятельных художников. Вот одна из них. Светлая, просторная комната. С антресолей свисают юсты — красочные тканые ленты. В печке, сложенной самим хозяином, весело потрескивают щепки. И всюду, куда ни кинешь взгляд, работы мастера, который признан в республике лучшим из лучших,— Иполитаса Ужкурниса: многофигурный горельеф «Аникщяйский бор», скульптурные портреты поэта П. Ширвиса, скульптора С. Ряубы, друзей Иполитаса, трогательная «Весна» — мальчик с цветами в руках. А вот эскизов здесь не увидишь: художник работает, так сказать, «без черновиков», по вдохновению.

За свои шестьдесят лет Иполитас Ужкурнис успел многое: сын крестьянина, он с детства узнал сельскую работу — пахал землю, пас скот. В годы войны защищал Родину — на фронт ушел восемнадцатилетним. Потом Иполитас стал строителем в Вильнюсе. Да и семейных забот хватало: двое детей (теперь уже взрослые). Но, видно, все время жила в нем тяга к творчеству. Хотел мастер основательно осознать, что видел и пережил, рассказать о своих думах всем людям. И первые же работы Ужкурниса — уже почти сорокалетнего — привлекли внимание искренностью, зрелостью и внутренней силой... Он не только скульптор, но и поэт, прозаик. Подлинной поэзией отмечено все, к чему прикасается мастер.

— Однажды меня попросили написать автобиографию,— рассказывает Иполитас.— Я отмотал несколько метров от рулона бумаги. Написал все о себе, о жизни. И вот сейчас в вильнюсском издательстве вышла книга...

Общество народного искусства возрождает почти забытые ремесла.

создать специализированное управление, которое ведало бы эксплуатацией пешеходных улиц, системно и грамотно размещало бы там предприятия обслуживания и торговли, музеи и выставочные залы, кинотеатры и студии, способствовало устранению непрофильных учреждений, предоставлению им других площадей, организовывало праздничные или тематические театрализованные действия, подбирало оформление, рекламу, да просто поддерживало улицу в надлежащем порядке.

Оговорюсь сразу: не о создании новых бюрократических образований, непомерном увеличении управленческого аппарата идет речь. Ведь существует же сейчас при Моссовете Управление высотными домами и гостиницами. А решать задачи, часть из которых я перечислил, уверен, не проще, чем расселять приезжих в гостиницы и следить за состоянием высотных зданий. Кроме того, Управление пешеходных зон при невысокой численности могло бы иметь при себе совет, избираемый из представителей московской общественности, деятелей культуры и искусства.

Бывает так: живет человек в перенаселенной коммуналке, понимает, что девять семей в квартире — не сахар, что обшарпанные стены кухни давно ждут покраски, что провода уже опасно греются, трубы раз в квартал прорывает, и все надеется на капитальный ремонт с выселением или просто на новую отдельную квартиру.

Однако тут вдруг появляются строители, мостят все брусчаткой, красят в яркие цвета фасады и объявляют улицу пешеходной, заповедной на радость людям.

— А как же мы?— недоумевают старожилы Арбата, для которых пешеходная улица не заповедник, а дом родной: ведь, почитай, сорок лет квартиру обещают, коренные ведь, арбатские...

— А это,— поясняют им,— не наше дело. Мы создаем пешеходную зону для всей столицы! А ваши заботы пусть решаются районным начальством.

Пешеходная улица, где бы она ни была,— не сама по себе, она находится в каком-нибудь районе, и живут на ней люди. При создании пешеходной улицы их интересы, мягко говоря, учитываются в последнюю очередь. А условия старожилов Арбата, и так нелегкие, после организации пешеходной зоны резко ухудшились.

— Живем на Арбате в доме 40 почти полвека,— рассказывает Людмила Николаевна Телешова, та, что прислала письмо в редакцию,— однако после создания здесь заповедной зоны жить стало просто невозможно. Пока сын не забил дверь досками, в подъезде все время было полно народу, курили, кричали, иногда возникали драки. Раньше напротив был хоть пост милиции, но сейчас его ликвидировали.

После того как сломали дом 42 и начали строить грузинский ресторан с огромным подвалом, наш дом дал трещины,— Людмила Николаевна показывает на потолок,— со страхом ждем оттепелей. Но это еще не самое ужасное: всю зиму мы не можем заснуть, так как ночью по брусчатке скребут тракторы — чистят снег.

— А как же раньше, когда ходили по Арбату машины?— спрашиваю я у хозяйки дома.

— Представьте, было меньше шуму. Машины прошли — и все, а теперь ощущение такое, что трактор всю ночь чистит в одном месте. Сложнее стало купить продукты. Очень трудно без транспорта, особенно нам, пожилым людям. Нет на улице кинотеатров. Негде купить даже ваш журнал — надо идти на проспект Калинина. По вечерам на улице горланят молодые ребята, которые приезжают сюда со всей Москвы, а заняться им нечем...

Как бы в подтверждение на улице резко взвыла пожарная сирена. Как потом выяснилось, горел сорок четвертый дом.

— К кому мы только не обращались! — с болью говорит Телешова.— Ведь Арбат, говорим,— это «потемкинская деревня» с расписными фасадами и гнилым нутром...

Однако то, что мне довелось увидеть в коммуналках сорокового дома, оказалось еще «цветочками». На той же стороне улицы стоит двухэтажный, желто-белый, веселенький на вид дом под номером 36. В первой квартире живет Тамара Федоровна Вовченко — работник Росконцерта. Подвалом в прямом смысле квартиру не назовешь, но пол явно ниже уровня горизонта. От потолка в закопченной, ремонтированной лет двадцать назад кухне отлетают увесистые глыбы старинной штукатурки, косяки дверей выпадают, горячей воды нет.

— Холодная тоже не всегда,— говорит Тамара Федоровна.— Стыдно бывает, когда люди, посещающие Арбат, глазеют, как я идут «по воду» с ведром.

Трудно представить, что в самом центре столицы дома лишены самых элементарных удобств.

В углу что-то заскреблось.

— Крысы,— спокойно сказала Тамара Федоровна, поймав мой взгляд,— их в последнее время много стало. Только кошка спасает... Раньше напротив нашего стоял другой дом. Его снесли и сделали детскую площадку: деревца посадили, песочницы поставили. А когда стали пешеходную улицу делать, понавезли стройматериалы и свалили на детскую площадку. Так они до сих пор и лежат там, гниют — никому дела нет. А когда фестиваль был, мусор не вывезли, нет! Огородили площадку заборчиком деревянным, покрасили... Сейчас здесь распивочная точка. Иногда ко мне в дверь звонят — стакан просят.

— Да, нам все это известно,— говорит районный архитектор Геннадий Петрович Морозов,— большинство домов Арбата нуждается в капитальном ремонте. И мы его выполняем — сейчас полностью реконструируется дом, в котором был знаменитый на всю Москву зоомагазин. Беда в том, что наши возможности очень ограниченны: выделяемых средств хватает на ремонт двух домов в год. Для того чтобы привести в порядок жилой фонд Арбата, с такими ресурсами потребуется почти четверть века.

Вот тут и возникает хрестоматийный вопрос о первичности: обновить ли сперва жилой фонд, подготовить первые этажи для того, чтобы принять запланированные заведения, а уж потом красить фасады, укладывать цветную плитку, или наоборот, тем более что после капитального ремонта неизбежно потребуется обновлять фасады, менять поврежденную брусчатку?

— Покраску фасадов проводили на районные средства,— печально поясняет Морозов.

— А может быть, часть средств из дохода предприятий торговли, что работают на Арбате, перечислять на ремонт старых зданий?— спрашиваю я.

Районный архитектор молчит — это не в его компетенции.

Есть такое определение — полоса отчуждения. Есть и менее привлекательный термин — задворки. В сущности, это одно и то же, по крайней мере здесь, на Арбате: посередине лакированные декорации, а по бокам неубранный строительный мусор, неизрасходованные стройматериалы, перекопанные улицы. Этому району «везет»: такие же задворки остались здесь же после строительства проспекта Калинина. Зажатый с двух сторон, существует между проспектом Калинина и Арбатом проулок, который в ГлавАПУ величественно именуют «дублер». Как-то проезжая по этому «дублеру», я убедился, что вероятность застрять или поломать машину на нем несравненно выше, чем на осеннем лесном проселке.

Если на Арбате красили все подряд, то в переулках, примыкающих к улице, гораздо более ценные в историко-архитектурном плане дома разваливаются прямо на глазах. На улице Вахтангова рядом с театром-студией имени Щукина многие годы гниют ящики с виднеющимся сквозь щели оборудованием.

Бесконечные конторы занимают на всей территории между Арбатом и новым проспектом старинные, с полуобвалившейся лепниной особнячки. А ведь их-то как раз можно было приспособить под различные музеи, молодежные студии, клубы, небольшие кинозалы. Здесь же, в переулках, несложно разместить магазины и предприятия бытового обслуживания для жителей района, чтобы пешеходная зона не стала для них символом отчаяния.

Ученые считают, что отрицательный результат эксперимента — это тоже результат, важно отнестись к нему со всей серьезностью. Неудачи с созданием пешеходной зоны на Арбате связаны, во-первых, с тем, повторим еще раз, что не было и до сих пор нет у улицы, которая должна представлять собой единый организм, рачительного хозяина. А во-вторых, проектировщики «забыли», что Арбат прежде всего — улица жилых домов, в каждом из которых живут москвичи, то есть люди, со своими проблемами и заботами.

Сейчас важно не только как можно скорее исправить эти ошибки, но и не повторить их в будущем.

Обычай украшать жилища с помощью карпинай — вырезок из бумаги — в начале века почти угас. Сделанные из бумаги занавески, салфетки, абажуры вытеснялись фабричными. Но сейчас вновь появился интерес к таким украшениям быта.

— Жил-был старик. У него был большущий нос и нечесаная борода,— такую незатейливую сказку давным-давно рассказывал маленькой Ниеле, когда она разбила коленку, ее отец. И девочка, забыв про боль, завороженно следила за умелыми, добрыми руками отца Йонаса Бивейниса, владевшего секретами вырезания игрушек-забавок.

Теперь в семье Ниеле Юренене вырезают почти все: и свекровь, и невестка, и дочка... А сама Ниеле уже двадцать лет член Общества народного искусства, автор книги о вырезках (совместно с Ю. Даниляускене). И окна ее современной мастерской украшены нарядными занавесками из бумаги, похожими на те, что делали в Литве сто лет назад.

Народные мастера часто работают семьями. Мы побывали у Виды и Вигантаса Повелянскасов. В одной комнате — царство хозяйки, которая выплетает из лозы, как она говорит, «все для дома».

Вида по образованию педагог. А когда родились сыновья, ей, конечно, захотелось побольше времени уделять им и работать дома. И она стала учиться у народного мастера Рудеускене, много интересного узнала Вида и на творческих семинарах. Помогает ей и Вигантас — без мужских рук трудно заготовлять лозу. А ведь еще надо снять кору и расщепить ветки. А уж инструментам, сделанным Вигантасом, позавидует любой мастер...

— Плести из лозы — большое удовольствие,— объясняет Вида.— Особенно когда получается то, что задумала. Недавно оплела я зеркало — очень красиво получилось. Сейчас обдумываю модели плетеной мебели. Вот если бы удалось совместить национальные традиции и современные идеи!

Про Вигантаса Повелянскаса говорят: у него руки «золотые». С юношеских лет он мастерит. Однажды знакомый художник посоветовал заняться ювелирным делом. Вигантас сам сделал сложный инструмент — ведь чем больше разных приспособлений у художника по металлу, тем больше возможностей для творчества. Много учился по книгам, экспериментировал. Сыновья перенимают его методы работы и, можно надеяться, станут настоящими мастерами.

«Королем янтаря» называют в республике Костаса Толейкиса из Каунаса, мастера с двадцатилетним стажем. Он шефствует над детским домом в Юрбаркском районе. Щедро делится с детьми знаниями. Жена Толейкиса — она прекрасно вяжет — учит маленьких пациентов туберкулезного санатория «Рамунас».

— Костас Толейкис — человек щедрого сердца,— рассказывает Тереса Блужене, бессменный заместитель председателя Каунасского отделения общества.— Все 182 экспоната своей первой персональной выставки он подарил музею янтаря в Паланге. А несколько лет назад передал музею еще восемьдесят работ, в том числе и с голубым янтарем.

Толейкис не одинок в стремлении передать свой богатый опыт молодым. Каждый год проходят выставки работ детей и внуков народных художников. В них участвуют сотни ребят, в том числе и сыновья Марии Орантене из Каунаса. Сама она гончар, причем гончар необычный: на маленьком круге делает крошечные кружечки, горшочки, расписывает их и обжигает. Муж у нее народный мастер по плетению. А сыновья помогают родителям. И надо думать, продолжат их традиции.

На 4-й стр. обложки: кузнец из Вильнюса Владас Витас и каунасская вязальщица Ниеле Банявичене.

РАССКАЗ

Андрей БИТОВ

ВКУС

Рисунок Петра ПИНКИСЕВИЧА

«Зона отдыха трудящихся Одинцовского района» — красовалось на платформе. «Косою полосой шафрановою — от занавески до дивана...» — Монахов усмехался. Чтобы отделаться от этой странной неудовлетворенности местностью, он расширил свое шапочное знакомство с поэзией. Стихи, в чем он вслух не смел признаться, все-таки не нравились ему. Что ж поделать, если не Михайловское... так уж надо и душу вытрясти из бедненького пейзажа...

Одна лишь церковь на пригорке горела с тою же силою, что и в стихах: «как печатный пряник». Из-под нее, вниз по склону вплоть до речки, опадало кладбище, на котором и был похоронен поэт. На могилу, предмет обязательного паломничества каждого прибывшего интеллигента, Монахов решил не ходить. То ли не хотел уподобиться, то ли не причислял себя в этом смысле к интеллигенции, то ли всех остальных к ней не причислял, то ли считал более оригинальным «жить напротив», то ли кладбищ не любил... Побуждение это не было достаточно ясным. Возможно, опасался «рифмы».

Симптомы, синдромчики... «Рифма» была его собственным понятием, которое следует пояснить.

Где-то я это встречал, читал, слышал... Что-то мне это напоминает, не могу вспомнить, что... Какое знакомое лицо!.. Мы с вами где-то уже встречались... Ах, я это вам уже говорил... Знаю, знаю, уже слышал... Все эти обыденные случайности, расхожие речевые обороты, ничего до сих пор не значившие, вдруг стали намекать Монахову на наличие в себе более затаенных смыслов, чем способен заподозрить нормальный человек. Что-то обязательно повторялось на дню из того, что до того могло годами не происходить, будто копилось в этих годах, чтобы вывалиться вместе... Скажем, поймал себя за странным делом: набрел на запылившийся завал в ящике стола — фотографий, квитанций, записок...— и вдруг начал стричь и клеить, искать совершенную композицию, пока к концу дня не был у него готов замысловатый коллаж, о жанре которого он и понятия не имел. Ни одна бумажка не пропала!.. Монахов застиг себя любующимся делом рук своих, смутился, спрятал поглубже, чтобы никто не увидел (жена). Вечером она (жена) вдруг просит его выстричь ей трафарет из иностранного журнала — и с насмешливым удивлением проводит Монахов остаток вечера, орудуя теми же ножницами и клеем. («Как у тебя ловко получается!»— Монахов взглядывает с опаской: да нет, не может же она видеть сквозь стены и ящики!.. «Я в детстве ловко выстригал...») В том-то и соль, что до сего дня Монахов, и это он знал точно, ничего подобного не выстригал лет тридцать. Впервые отчетливо проступил для Монахова этот закон, когда он стал водить машину. Пробив себе привычные, стандартные маршруты, от которых его редко отклоняла жизнь, он знал уже с точностью, что если его вдруг забросит в угол города, в котором он никогда не бывал, по какому-либо поводу, тоже достаточно небывалому (скажем, отвезти в ремонт пишущую машинку подруги жены), то это значит, что вечером того же дня он окажется в том же месте во второй раз в жизни. Вот он видел вчера дважды посреди улицы павшую лошадь — это сейчас, в Москве... когда и живую-то встретишь, вздрогнешь, а тут — одну видел утром в районе трех вокзалов, а другую вечером в районе Сокола (а что он там делал-то у Сокола? Не может вспомнить...), будто эту лошадь возили за ним по всему городу, чтобы он на нее натыкался. Нет, он совершенно нормален. Ничего ему никогда не кажется. Но только всего такого стало так много, что он уже не помнит ни одного примера (и упомянутых в том числе), а помнит, что проявляется каждый день некий закон и *действует*. И этот намек уже больше чем намек; он *напоминание*. Чего напоминание-то?! Того, что жизнь есть независимо от того, есть ли ты. И если ты, чтобы не ловить себя на отсутствии, перестаешь реагировать на жизнь вообще, она находит способ тебе напомнить, что она есть, хотя бы вот такой *рифмой*. Хорошо, если не прямым ударом. Вот когда перестаешь замечать и такие вещи — пропал... жди удара... Суеверным Монахов не стал, не пытался объяснить вещи недоступные примитивно-логическими построениями, но настораживался от подобных намеков бытия и остаток дня проживал несколько более осторожно и чутко. Поизносившаяся ткань собственной жизни просвечивала для него в такие моменты своим лукавым смыслом, навсегда утаенным от логического долженствования. Монахову хватало настораживаться, но не пытаться ухватиться за мелькнувший тайный смысл, чтобы окончательно не повредить ту ветхую ткань, сквозь которую он зиял. И, конечно же, довольно часто Монахов замирал на полуслове, на полужесте, вдруг застигнув прозрачное это мгновение за пробуксовкой: оно уже было, не припомнить когда, но точно в такой вот точке времени и пространства, на том же полуслове, он уже *бывал*! Он это точно помнил, он узнавал этот текущий миг, как уже бывший... Время делало полный оборот, попадая в ту же точку со случайно налипшим на его обод Монаховым. Означало ли это, что в нем самом оно кончилось, время?.. Или довольствоваться всеобщими (и его собственными) рассуждениями о безвременье?

В понятии «рифмы» времени, сформулированном для себя Монаховым, заключалось и то, что это было единственным способом, каким умуд-

рялся теперь Монахов отметить жизнь как идущую, как живущую, как существующую помимо. Он не имел больше воспоминаний. Конечно, и он мог сказать: «А вот я помню...» — повторить что-то затверженное, как чужое, и скучно становилось ему от этой кражи чужих воспоминаний, потому что он их именно крал, и даже не у себя, когда-то что-то пережившего, а уже у следующего себя, это что-то пережитое когда-то помнившего. Нет, ему не исполнилось еще тридцать три... Нет, не тридцать четыре. Позвольте, какой сейчас год? Еще не будущий?.. Тогда тысяча девятьсот семьдесят такой-то... минус тысяча девятьсот тридцать такой-то — как раз тридцать три. Но еще не исполнилось...

И опять: он абсолютно здоров. Никакого склероза. В уме перемножает трехзначные числа. Может, если надо, восстановить любой отрезок прожитой жизни с юридической точностью. Помнит все, без обрывов. Если надо — вспомнит. Но ему не надо. И он ничего не помнит. У него нет воспоминаний. Одни напоминания...

Поэтому-то он и не хотел идти на кладбище навещать могилу, чтобы не вызвать у судьбы повод тотчас напасть на него снова, уже более по делу. Нагрянула Светочка (та, похожая...), и он непременно должен был ей эту могилу показать; что он ее сам не видел, она не поверила и обиделась, что он-то видел, а для нее не хочет и лишнего усилия сделать... Так его поход со Светочкой все равно стал «вторым» посещением кладбища, хотя бы и в чужом сознании. Искусственное непосещение не было зачтено ему судьбою.

Они брели между могилами и не находили поэта. «Ты же был на ней! Как же ты не запомнил...» Монахов уже не возражал. «Давай спросим...» Спросить Монахову было неловко. Это как бы следовало знать. Сейчас, разыскивая, он поневоле пристально вглядывался в каждую. Причем даже не без любопытства: давненько, слава богу, на кладбище не бывал, давненько не хоронил... Кладбище было отчасти привилегированное, некоторые могилы привлекали внимание. Но и не приблизившись еще на достаточное расстояние, чтобы различить имя умершего, Монахов уже знал, что очередная «заметная» могила не может принадлежать поэту. Так и оказывалось. И они шли дальше. Монахов не размышлял над тем, что могила, которую они искали, должна отличаться и почему, собственно... он был уверен, что она другая, чем все, уверен заранее, не задумываясь и не утруждая воображение. Остальные могилы были богаче и беднее, но они были одинаковы по отношению к безуспешно разыскиваемой. Чем должна была отличаться та могила — вопрос этот, будь он неладен, поставил бы Монахова в недоумение; тем более что он не отличался преувеличенным отношением к поэту. Но безусловно, не анализируя и не вдаваясь, само ожидание другой могилы означало отличие поэта от остальных смертных. Вот уж смертных!.. Трогало и забавляло Монахова усилие продлить жизнь в памятнике. Вот монумент, к которому в надежде убыстрил он было шаги... Ближе стала видна безнадежность пропорции — опять не то. Зато мрамор и барельеф! клумба! скамеечка и тумбочка под замком... решетка... Много. Монахов разглядел барельеф — лица этой женщины тоже было много, оно ничего не выражало, кроме солидности и богатства, которые выражал и сам камень... На решетке еще и висел замок, тяжелый и прочный. Пышная могила, лицо пышной женщины — пышность и была выражена. Больше ничего не мог узнать Монахов, однако знал уже много. Эта мысль о сходстве покойника и памятника удивила Монахова. Правильно... замок... что же еще, какие еще мысли, кроме грабежа, разбудит эта могила?.. Монахов миновал ее, будто давно был знаком с усопшей, так отчетливо был возведен над ее гробом ее характер. Как живая — мысленно повторил он про себя вздох удовлетворенных родственников, прощально вглядываясь в барельеф: белый мрамор, много щеки, красная стела, статная, как возможный торс усопшей... Нет, до чего похожа! — восхитился Монахов. И далее эта мысль о сходстве не покидала его. Вот еще одна могла «непоэта», хотя на ней даже вычеканена строка, напыщенная, из лысых слов, без подписи, видимо, принадлежавшая... Монахов увлекся: образы покойных воскресали перед ним из памятников, несколько чересчур типические, все на характерных ролях,— они разыгрались на провинциальных подмостках его воображения как живые. Он их знакомил между собою...

— Ты что смеешься?— спросила Светочка.

— Представляешь,— сказал он.— Многие из них совсем бы не были рады своим надгробиям... Никогда бы не подумал, что любовь так разоблачительна.

— Я, конечно, не совсем понимаю тебя,— сказала Светочка.— Но что же тут смешного?

И впрямь. Монахов смутился. Попытался пояснить. Мол, ближние из любви, пытаясь сделать покойному приятное, выставляют ненароком нечто самое характерное, может, тайное, невольно создавая образ: то ли человек слишком любил почет, то ли вкладывал душу в достаток, то ли питал тайную слабость к собственным литературным опытам... А они это его сокровенное — напоказ...

— Мы уже тут были,— сказала Светочка. Они описали круг.

— Ты права,— сказал он, вдруг разглядев Светочку и потрясшись ее бессмертием. Каждая клеточка ее была молода. Она уже сорвала с могилы цветок, устроив его за ухом. По особой иронии она была в белых тапочках... Он погладил ее по щеке, как гладят яблоко или персик, не веря пальцам своим, что они такие. Она совсем не так его поняла и смутилась радостно. Бессмертная.

Она была так же кстати на кладбище, как кстати на нем цветы, кусты, птички.

Монахов никак не мог себя таким же образом уподобить, чувствуя себя на полпути от Светочки до могилы. С подземными жителями у него, пожалуй, нашлось бы побольше общих тем для разговора... И тут, уже сочтя сокровенную могилу заговоренной и сожалея, что не спросил-таки дороги сразу, и устав, пытаясь выбраться из очередного аппендикса, тупо смотрел на серый камень, вздорный профиль, факсимиле... «Так вот же она!»— радостно воскликнула за плечом Светочка.

Вот оно, одиночество!..— воскликнул мысленно Монахов. Когда человек не хочет больше видеть людей, так ведь он ничего против них не имеет — он себя не хочет видеть с ними рядом... Почему-то на этой могиле, наконец найдя, ему стало не того, в земле,— себя жалко. И так сильно! На секунду показалось Монахову, что мир опрокинут, хотя он и не задирал голову; что будто он лежит на спине, и вечно все это над ним — отведенная ему лужица мира... Ну, если так!— восхитился Монахов. Тогда бы еще можно... Чтобы «надо мной склонялся и шумел»... тогда можно. И не надо больше. Когда и столько — все. После смерти человеку достается мир дерева — не так мало. Он наконец укоренен. Мир приходит к нему, чтобы он на него посмотрел. Дерево не может увидеть столько, сколько человек, но сколько человек видел дерево, столько и оно его видело... Странное это соображение не позволяло Монахову переступить, ему казалось, что он никогда не сойдет с места. Очень бы хотелось... он слишком хорошо знал, что сойдет наконец,— опытная тоска заходила с тыла. «Прочитай мне какое-нибудь его стихотворение»,— шепотом попросила Светочка. О боже! — взвыл про себя Монахов, совершенно про нее забывший. И уже переступил.

«После»,— сказал он, совершенно без гнева. Могила эта поражала бедностью. Какая вроде бы и пристала опальному поэту... Но нет, не такая! Она была вполне на уровне здешних зажиточных могил, еще и с избыточным вкусом и интеллигентности. Но какая все-таки бедность, в чем? У Монахова не было отчетливого образа для того ожидания, которое исподволь разгоралось в нем, пока он искал. Теперь, увидев, этот образ был утерян навсегда: могила была такой, какой была. Воображение было разорено. Бедностью воображения она и поражала: ограды нет, загончик из жердей — вкус... камень светло-серый, как пыль, неполированный... рядок тех самых березок — простота величия... продуманная сень — намек на лиру... Что можно еще придумать и чего избежать? Все. Если не посягать, то все. А если посягнуть, то и бедность покажется нищетою. Потому что памятник гению не может быть и памятником гения... Это хорошо. И этот подобен. Правда, дистанция между ним и памятником как бы обратная и не такая разоблачительная... И все-таки. Не этот ли профиль на сером камне заставлял его еще живого застывать на последних фотографиях столь благородно и чеканно? Не этот ли жердяной заборчик, демонстрирующий строгость вкуса, порожден его гением, слабым в ближних? И не из-под него ли пролились по склону могилки старых большевиков и остановились как вкопанные белыми равными камешками на зеленой траве, и после смерти сливаясь в гвардию,— замерли над обрывом?.. И лишь речка текла внизу так же, как и до него, и независимо от него, разве еще оскудев и измельчав.

КАЖДЫЙ ЗАСЛУЖИЛ СВОЕ НАДГРОБИЕ

Справедливость подобного заключения венчала толкотню секунд в смуте и суете прижизненного времени. Справедливость и есть единственная мера времени с единицей в одну человеческую жизнь.

К могиле приближались. Два голоса, по протоптанному Монаховым пути, не сбиваясь... Один — недовольный и интеллигентный баритон, другой — попроще, семенящий алкогольный говорок. Недовольный накачивал в себе интонацию строгости и недовольства, словно сам не очень-то доверяя своей грозности, но не допуская такого недоверия с чьей-либо стороны. Простоватый недобросовестно имитировал сообразительность и будущую исполнительность, по-видимому, состоя в наиболее простых отношениях с будущим, то есть все наперед зная. «А я говорю, другая культура тут не взойдет...»— сказал, оправдываясь, он, и слово «культура», не принадлежавшее его гортани, отделилось и застряло в ухе Монахова. «Культура...»— со странным гортанным клекотом повторил баритон. И они вошли, отрезав Монахову и Светочке путь к отступлению. Седоволосый и тот, другой, в ватнике... Будто он не ожидал, что кто-нибудь есть на могиле... будто здесь никогда никого нет... Монахов смутился, успев, однако, быстроватым взглядом ухватить надменность профиля седоволосого, и теперь сличал его с профилем на камне. Сын, думал он. Определенно сын... «Сын», как бы недовольный присутствием посторонних, смотрел в сторону, прервав себя на полуслове: пошатал жердочку ограды, отер ладонь... Монахов подтолкнул Светочку к выходу, пришедшие посторонились, пропуская. В проеме калитки Монахов, не ожидая этого от себя, сказал «до свиданья», и «сын» кивнул кратко, как экзаменатор, и тут же стремительно впорхнул за ограду. «А вы сажали?»— тут же загудел за спиной Монахова его недовольный голос. «Как не сажать...»— отвечал могильщик.

Монахов был почему-то тронут. Сын непременно любил отца. И эта хозяйственная деловитость была почему-то как раз, впору гению. Монахов быстро шел по тропинкам, будто давно зная дорогу, будто раскланиваясь с уже знакомыми могилами короткими кивками на ходу. Вот собственница... а вот автор строки... Нет, кладбище — это не то место, на котором покончены счеты с жизнью, думал Монахов. Вон как покойнички вцепились в нее и не выпускают... Им изменило только движение, остальное все еще при них: положение, вкусы, тщеславие... и вот даже... любовь ближних и признательность соотечественников...

Я кончился, а ты жива,
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу...—

читал он Светочке по дороге к дому то, что помнил.

Не каждую сосну отдельно,
А... та-та-та... все дерева...

«Забыл»,— сказал он. Было особенно безветренно и тихо.

* * *

Так оказалось, что могила эта произвела-таки на него впечатление. Мысли его приняли необычный ход, он что-то такое стал отмечать вокруг, как бывало: листик там, какое-нибудь мелкое животное, поддевал ногой камешек... И слушательница рядом была. Во всяком случае, именно ей он мог поведать мысль о том, что сильные впечатления вовсе не происходят, как на сцене: «как вкопанный», «как громом пораженный» и в таком роде... Они проявляются не сразу — сразу как раз характерна реакция торможения перед непривычностью, значительностью или силой предстоящего нам переживания. Сильным впечатление оказывается потом: проступает, проявляется (в фотосмысле)... Таковы были его рассуждения, компенсировавшие разом как недостаток чувств, так и избыток переживаний. «Так и в любви...— сказал Монахов.— Не сразу. Сначала кажется так себе, а потом оказывается черт-те что». Светочка напряглась.

Монахов быстро выгреб «награду свою». За чуткость и впечатлительность. Возмездие стояло на пороге и выглядело, как встреченный им поутру однокашник Путилин, что тут делать?..

— Ты знаешь, кого я сегодня еще встретил!..— радостно возвестил он и, не дожидаясь проявления страстной заинтересованности со стороны Монахова: — Да-да, Ядрошникова!..

Ядрошникова Монахов и не силился вспомнить. Школьный приятель был такой старый... Он потряс потрепанным мешочком «Березка», в котором булькнуло; Монахов представил его Светочке, и они прошли в дом: Светочка, за ней приятель, за ними гостеприимный Монахов, с тоской глядевший им в спины.

Дальше все пошло как по писаному. Светочка

отнимала у Монахова сковородку: «Где у тебя соль? А лука у тебя нет?» Приятель, теребя свою седоватую эспаньолку, басил, поглядывая на Светочку и определяя степень ее с Монаховым отношений, пока еще не отводя его в сторонку, чтобы спросить, давно ли «он с ней» и «как она»; у Монахова наконец что-то всплыло про него в памяти, а именно, что приятель еще в школе слыл первым «по этой части»,— сейчас он, с брюхом и сединою, уже как бы не должен был нравиться, потому что не нравился Монахову; Светочка была оживлена. Наконец она позвала «мальчиков» к столу. Приятель произнес длинный тост, вставляя английские словечки (он, оказывается, был по этой части); Монахов от смущения заторопился выпить, поперхнулся; Светочка же ничего, не находила приятеля ужасным... Н-да, уединился...— с тоскою подумал Монахов, выпил еще, и отпустило. Он очень удивился, обнаружив себя через некоторое время рассказывающим один запомнившийся ему школьный эпизод: как украли в кабинете английского магнитофон — тогда еще редкость,— а воров так и не нашли... «Ты разве не знаешь, кто украл?» — удивился приятель. «А ты знаешь?» «Конечно»,— сказал приятель, но секрета не раскрыл. «Ит воз э марвелос стори,— добавил он таинственно.— Ты Асю помнишь? Ну да, как ты можешь не помнить...» «При чем тут Ася!» — Монахов зачем-то рассердился. «Он был в нее влюблен»,— пояснил приятель Светочке. «Она была моя жена»,— хотел сказать Монахов, но не мог выговорить «была». «Влюблен?!..»— приподняв бровки, протянула Светочка. «Ты знаешь, что она умерла?» «Не-ет»,— посомневавшись, ответил Монахов; он пытался как раз припомнить нечто чрезвычайно неприятное, связанное каким-то образом именно с этим приятелем... Будто как-то раз ужасно приревновал Асю к нему... Неужто за дело? Так, по-видимому, постарался тогда тут же это забыть, что и забыл. «Какой ужас!»— воскликнула Светочка. «Рак»,— подтвердил приятель. «Сначала т а м все вырезали, потом удалили одну грудь...» Монахов давно не пил. «Мерзкая все-таки эта водка»,— пробормотал он и вышел, задев стул.

Никогда в жизни он не блевал. С чего бы это?.. Он вышел на крылечко подышать. Дул поверху ветер, а внизу было тихо. Вершины сосен качались, ветер шуршал хвоей. «Жалуюсь и плача...»— вспомнил Монахов и больно ударил кулаком по перилам. «Тьфу, черт!»— сказал он, тряся кистью, и вернулся в дом.

Ни Светочка, ни приятель, однако, никуда не исчезли; Монахов глупо удивился их присутствию и не обрадовался. Приятель сидел уже рядом со Светочкой, гадал по руке. «Да!— восхитился Монахов.— Вспомнил! Тогда, двадцать лет назад, он точно так гадал по руке е й...» Светочка английского не знала, она изучала немецкий. Какой же язык изучала о н а?..— Монахов не мог вспомнить. Конечно, она и того не знала, какой изучала, но все-таки какой?.. Поняла ли она тогда его шуточки?! Монахов зло посмотрел на Путилина и пошел ставить чайник.

«Дай я сделаю,— Светочка отняла у него,— ты не умеешь». «Что тут уметь?— возмутился Монахов.— Кофе-то растворимый». Светочка долго крутила ложкой в сухой чашке. Монахову это казалось ужасной пошлостью. «Кто тебя этому научил?»— спросил он неприязненно. «Будет с пеночкой»,— пропела Светочка. «Тебе нехорошо?— заботливо спросила она, подавая ему чашку.— Смотри, какая пеночка... Ты так побледнел». «Ты меня спрашиваешь, или я побледнел?» «Почему ты со мной так разговариваешь?»— насторожилась Светочка. «Опоздаешь на электричку»,— сказал Монахов.

Светочка наконец обиделась и стала стремительно собираться, дрожа губами. Приятель, молча и понимающе наблюдавший, тоже встал, не забыл свой мешочек «Березка». «Мне тоже пора»,— сказал он.

Светочка выпорхнула, не прощаясь. «Так мы тебя ждем завтра»,— сказал приятель. «Как это мы?..»— опешил Монахов. «Уже мы!..»— поразился он. «Ты что, забыл, с Ядрошниковым мы же договаривались...» «А, да...»— сказал Монахов. Приятель уже спешил. Монахов услышал его грузный бег. Догонит...

Он прикрыл глаза и поплыл, комната два раза повернулась вокруг оси... «А! Что?..» — вскочил он, как ошпаренный. Кто-то стучал в окно. Он впустил заплаканную Светочку. «Ну, ну, извини...»— Монахов не выдерживал женских слез.

Светочка сбивала постель, как пеночку. Легли, и Монахов погладил ее по прохладной от слез щеке... Что на него нашло?— удивился он. Обидел девочку... Путилин тоже... Монстр, конечно, но ведь вполне добродушный. Светочка поцеловала его руку. «Ты что?»— Монахов ласково руку отнял, опустил ей на грудь. Грудь была крошечная, детская. Он отдернул руку, будто его ударило током. Ужас иглою пронзил Монахова, словно рука его провалилась. «Ты что?— нежно спросила Светочка.— Устал? Спи, милый».

Зато утром он был рад, что Светочка оказалась рядом.

Он проводил ее на станцию и позвонил домой. «Неужели? Когда? Она была без сознания?..— бессмысленно повторял он.— Еду. Конечно, прямо сейчас и еду».

* * *

Как некровному родственнику пришлось Монахову принять это на свои плечи. На это он как раз не досадовал и принял (про эти дела нельзя сказать — легко и охотно, можно сказать — готовно). Досадовал он скорее на то, что не оказался готов к этой смерти. Не в том смысле, что был потрясен; нет, бабушку было, конечно, жаль, но бабушка была обречена, это было уже неизбежно, вопрос лишь когда (вчера); бабушка была не его. Досадовал же Монахов на себя, что эти дни, когда все наконец было свободно и спокойно, провел он впустую, ничего не поработал, никак не преобразился... и вчерашний день в особенности заставлял его постанывать от стыда, тем более перед лицом с... да, именно ее. Будто он был виноват в том, что на его голову — Светочка, Путилин... Он их искал, звал? Они его достали... В конце концов точки над «i» расставлены, и он свободный человек,— так что и так он виноват не был. Не виноват же он, что бабушка умерла!..

Машина, простояв три дня, не заводилась. Именно сегодня, когда она была так нужна. Монахов попробовал все, что сам знал, последовал всем советам, которые ему дали редкие дачные прохожие, в том числе полизал электролит. «Ну как, кислый?»— спросил советчик. «Не знаю»,— с тоскою отвечал Монахов: лизнув, он ощутил во рту лишь спекшийся вкус кофе и сигарет вчерашнего дня. Сердце противно билось. Второстепенность и ответственность его роли как-то сразу подошли ему, ему стало удобно употреблять себя — бескорыстно, и по чужому делу. Не он умер, и не у него умерли, и некому, кроме него... Смерть делала все несомненным, как она сама. Нужен был Монахов, и вот он; нужна машина, и она все-таки завелась; нужен был, по-видимому, гроб... и Монахов ехал.

По дороге он понял, что не может вспомнить покойной, хотя виделись они достаточно часто и не так давно. Помнил только, что ей стало плохо, когда она впервые увидела мужа внучки, то есть Монахова. Она лежала навзничь поперек кровати, с белым фарфоровым лицом, приоткрыв рот, сверкая полоской золотых зубов. Она лежала нелюбезная, злая, и Монахов не мог понять, чем он ее так напугал, кого это она ожидала на его месте увидеть, какого такого принца? «Графиня...» — вспомнил Монахов «Пиковую даму» и усмехнулся: занятно то, что бабка и впрямь была графиней... Но за первым впечатлением шел провал из подчеркнуто вежливых приветствий и чаепитий («Вам покрепче?») — Монахов обнаружил, что забыл покойную еще при жизни. Он про нее не помнил, он про нее з н а л. Знал, что у нее расстреляли мужа (деда жены, графа), и второго мужа (кажется, князя) тоже расстреляли с интервалом в девять лет; что всю жизнь проработала она медсестрой (почти шестьдесят лет), ее знали титулованнейшие наши медики, которым она до самой смерти, уже не работая, могла позвонить и попросить за кого-нибудь (и они исполняли). Скромнейшее существо... Вспомнил вдруг ее шляпку, рисовой соломки, из Парижа (почему из всего выжила именно эта шляпка?..)— трудно даже вообразить, что э т о можно надеть, так она ее всякий раз надевала перед зеркалом, и когда отходила от него, то это была уже и впрямь шляпка, надетая единственным образом, как в т е времена. Бабка п р о с т у п и л а наконец в сознании Монахова, а именно смех ее он услышал, смеялась она очень молодо и заразительно. Монахов еще подумал, что память на голос у нас гораздо точнее, чем на лицо. Перебрав в памяти знакомых мертвых, он вспомнил голос каждого и каждый раз поеживался, до чего отчетливо этот голос звучал...

Бабка, и так маленькая, совсем исчезла в гробу, который привез Монахов. Пепельный лепесток... Он, однако, забыл про ленту и тапочки. Покрывало было у нее припасено собственное. Была еще железненькая дореволюционная еще коробочка из-под зубного порошка с землею из родного имения (Псковской губернии), единственное, что осталось у старушки, кроме шляпки. Монахов, потрясенный, машинально ее открыл и закрыл, потрясенный еще больше: земля была с т а р а я тоже, как пепел. Эту коробочку она хранила, чтобы быть похороненной в с в о е й земле. Монахов быстро съездил за лентой и тапочками и вернулся.

Ночь она должна была простоять в церкви... Монахов поехал в ту единственную, которую вспомнил, потому что отпевал уже в ней однажды своего знакомого. Но тогда организация лежала не на нем, и теперь он не знал, как это делается, с кем надлежит переговорить, как это оплачивается, и т. п. А время уже склонялось к вечеру, надо было успеть обернуться с похоронным автобусом. К тому же требовалась справка о «заморóзке», иначе якобы в церковь не положат. У Монахова голова шла кругом.

Церковь стояла в уцелевшем московском переулке, пустом и тихом. Старые же, уцелели вокруг деревья. И будто сохранившиеся со времен Саврасова грачи делали круги в смеркающемся небе. Службы никакой не было, он зря дергал дверь. Он обошел вокруг — никого. Приник к щелке ворот. Старуха в черном подбирала во дворике щепочку, несла к самовару... Радостный, Монахов заколотил в ворота. Старуха, не торопясь и не мешкая, бесстрашно отворила ему. Монахов сбивчиво и торопливо, вдаваясь в подробности, боясь отказа, объяснил, в чем дело, и старуха слушала или скорее терпеливо ждала, когда он выговорится. Монахов и здесь ждал того же, с чем сталкивался сегодня на протяжении всего дня, с чем сталкивается наш человек, когда ему что-нибудь безотлагательно необходимо (он полтора часа ждал продавщицу в похоронном магазине: «ушла на базу»),— с уверенной в себе обходительностью отказа... Старуха, выслушав, сказала: да, привозите, да, она тут все время будет, да и отопрет ему... И никакой бумаги не потребовалось, никакой справки о заморозке, нá слово... Монахов был изумлен. «Как звали?»— спросила старуха. «Что?»— не понял Монахов. «Покойницу как звали?» «А!» — обрадованно понял Монахов и отбарабанил, как в отделе кадров, как на плацу, фамилию-имя-отчество. «Раба божия Мария,— повторила старуха,— хорошо, я запомню». Изумление Монахова переросло в восторг. Он вышел из старухиного дворика в другое время, в другое пространство. Казалось, церковь таинственной силой удерживала вокруг себя и эти деревья, и грачей, и переулок... И не так, как ему показалось, когда подходил сюда, что церковь цела оттого, что уцелел еще уголок, в котором она расположена, не так понимал теперь Монахов: теперь ему было ясно, что все это вокруг уцелело благодаря церкви, находясь в ее поле. Именно поле (в том научно-популярном, теперешнем смысле) ощутил вокруг церкви Монахов... Но вот, восторженный, легкий, перешагнул он какую-то невидимую черту — раздался автомобильный гудок, скрежет тормозов, шофер погрозил ему кулаком, милиционер из будки посольства новенькой страны глянул на него без осуждения... и Монахов вспомнил, что он и сам на машине, а забыл, а пошел пешком — вернулся и покорно в нее сел.

Он все сделал, что надо. Он сделал совершенно все. Бабка проводила в церкви свою последнюю земную ночь. К сожалению, сказал он жене, мне обязательно там надо быть... я быстро, туда и обратно. И он поехал к Ядрошникову.

И он неотчетливо помнил, как оказался перед окнами Светочкиного общежития.

Свечка дрожала в его руке. Горячий воск капал на руку, Монахов чувствовал это горячее на руке с долей радости: признак жизни. Всю дорогу он старательно жевал жвачку, лишь перед самой церковью перестал, все-таки неудобно жевать в церкви... и ему казалось, что от него разит на метр вокруг; он старался встать особняком, ни к чему и ни к кому не коснуться. Воспоминания вчерашнего вечера слиплись, он старался их по неосторожности не разлепить. Ощущение греха, стыда, нечистой совести было таким разлитым и сильным, что не нуждалось в уточнении; страшно было бы, если бы что-то конкретное всплыло на поверхность памяти. Ангельскими надтреснутыми голосами запели старушки: и та, что продавала свечи, и та, что выписывала ему квитанцию (была все-таки и здесь квитанция...), и та, святая, вчерашняя... Что и успокоило чуть Монахова, так это неприятный и понятный поп, с такой скукой и ленью отбарабанивший «ныне отпущаеши», сглатывая не то что слова, но умудряясь одними гласными произнести даже и абзац в одно слово, что на секунду Монахову показалось: не в том же ли состоянии и поп?.. Тут-то он и переступил для прочности, словно сходя с того места, которое должно было под ним разверзнуться.

Прощались поспешно, поп нетерпеливо переминался у гроба... Монахов все-таки пересилил себя и тоже приложился ко лбу покойной следом за женой. Ощутив губами этот всегда

РУКИ И ИНТУИЦИЯ СКУЛЬПТОРА

Его зовут Сергей Казанцев. Волосы острижены по-юношески коротко, на лице узкие штрихи усов и бороды. Говорит медленно и, кажется, немного рисуется. А потом вдруг замрет на мгновение и посмотрит на вас так, будто стирает с лица лишнее и вбирает самое главное.

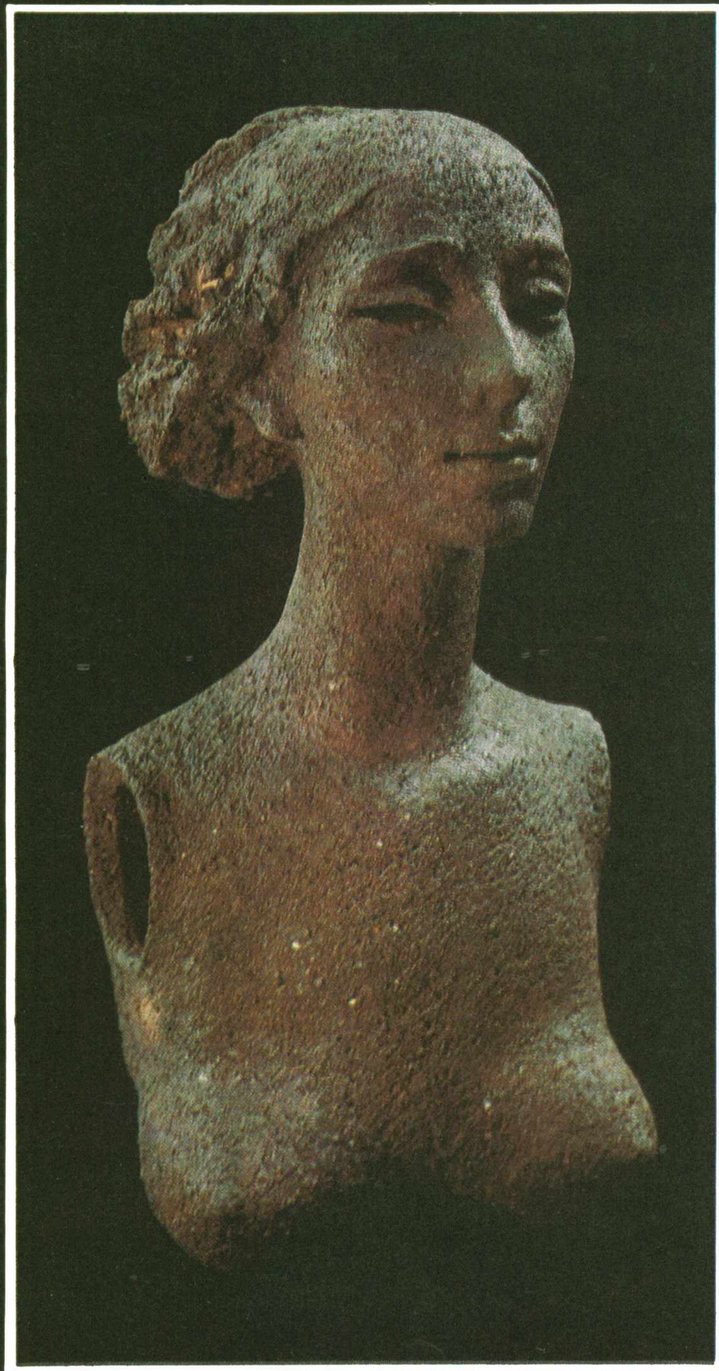
Если разглядывать сразу несколько работ художника, замечаешь тонкую обработку материала, внимательно отобранную форму, выразительность образов. Каждый скульптор находит свой способ выразить духовное начало в мертвом мраморе или шамоте. И Сергей нашел. Для осмотра его скульптур не нужны большие дистанции и какая-то особая среда, потому что они по-человечески близки нам и возвышенны. Женские фигуры особенно поэтичны: рядом с ними каждому человеку хочется расправить плечи и стать хоть на миг лучше.

В Суриковском институте «самый главный» учитель Михаил Федорович Бабурин учил тому, что скульптура — это достижение общечеловеческое, в пластике человеческого тела необходимо видеть и показывать свое время. И для Казанцева именно через пластику тела человека легче выразить свои мысли и чувства...

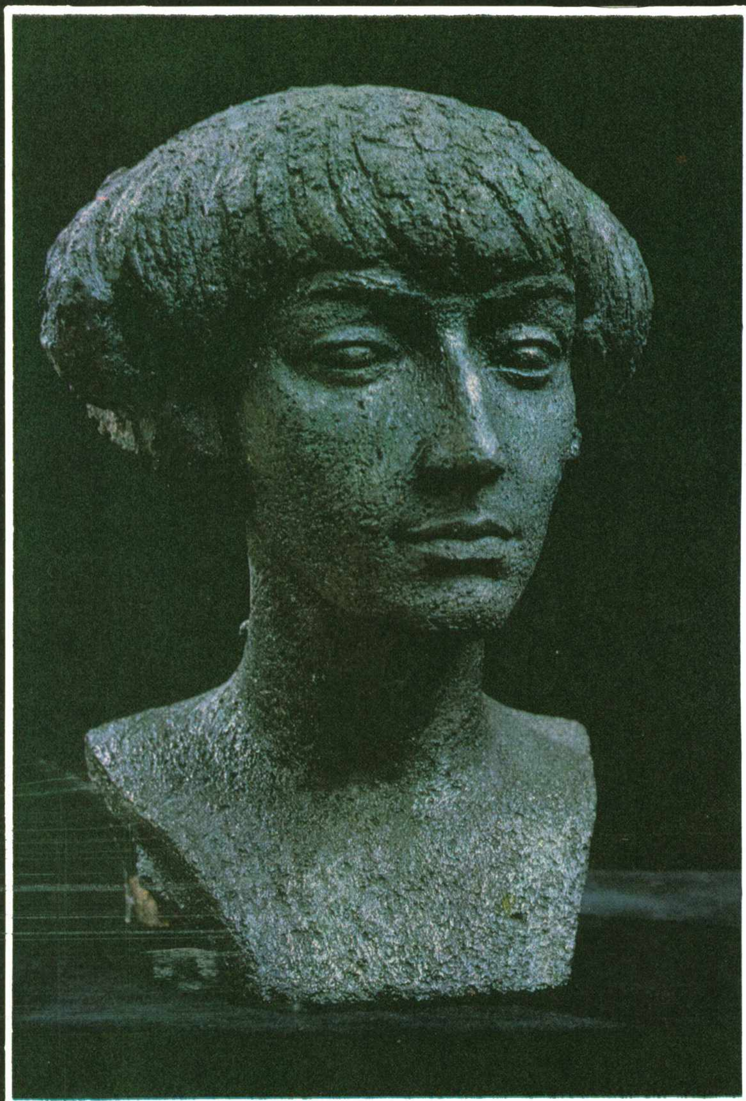
Сейчас Сергей работает преимущественно в мраморе. Вообще для русских художников характерней было бы работать с деревом, но его трудно достать. Обстоятельства заставляют каждого скульптора останавливаться на том материале, который лег-

С. С. КАЗАНЦЕВ. Род. 1946.

БЮСТ. 1986.



ЮРМАЛА. 1986.



ПОРТРЕТ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ. 1986.

ТОРС. 1984.

че раздобыть. И Сергей начал искать свой «ключ» к уральскому мрамору — непроницаемому, тяжелому, с синеватым оттенком из-за вкраплений угля и графита. «Ты руководишь этими вкраплениями, как дирижер оркестром: приходится акцентировать внимание на следах от твоего инструмента, чтобы вкрапления скрыть. В более чистом мраморе этого делать не приходится».

Детство скульптора прошло в городе Александрове Владимирской области, в большой семье без отца, где он был шестым ребенком. Дом находился около узловой станции железной дороги. «У кого были полеты в космос, а у меня мечтой была железная дорога. Старшие братья работали на ней, и я жил по ее гудкам». В шестнадцатое лето Сергея принимают в бригаду путевых рабочих. Это было грандиозным событием в его жизни. «Помню, самым уважаемым у нас в бригаде был большой, сильный человек, умеющий с одного раза забивать костыль. Я боготворил его».

Однажды услышал, что где-то в Хотькове есть художественное училище. Приехал в чем был, без гроша в кармане. Сошел с поезда, оглядывается — училища нигде не видно. А спросить боится, потому что, казалось ему, в незнакомом городе запросто могут побить. «Около часа стоял на платформе, хотел уже домой ехать. Вижу, мальчишка младше меня обруч гоняет, он мне и показал. Выходит, я ему всем обязан»,— смеется.

Скульптор считает, что современная железобетонная архитектура нуждается в создании экологической среды, соразмерной с человеком. А начинать нужно с помещений, где проводят свой досуг, например, рабочие. «Проблема формирования среды для рабочих порядков выше, чем создание просто станковой скульптуры, где автор показывает только себя»,— считает он. Сейчас художник работает над скульптурой для интерьера оздоровительного комплекса ЗИЛа.

Прошедший год для Сергея оказался насыщенным и плодотворным: участие в четырех крупнейших выставках, прошедших в Москве; Государственная Третьяковская галерея закупила скульптуру «Покоренный космос». Завершена работа над двухметровой мраморной композицией «Торжество мира».

...Руки беспрерывно разминают глину, а глаза прикованы к незаконченной работе. Он говорит: «Инструментом скульптора являются руки. И еще — интуиция!» Слегка подправил форму ступни: «Немного не то. Тема определяет пластику. Я вчера этюд набросал за двадцать минут — все получилось. А теперь...» Сергей отошел назад и надолго задумался...

Ирина ЧЕРКОВСКАЯ

непривычный, особенный холод, он отошел, переживая странный вкус, заполнивший после поцелуя рот. Этот отчетливый вкус что-то очень напоминал, достаточно редкое, но и недавнее. Что же?— совершенно уникальный вкус. «Аккумулятор!»— вдруг осенило Монахова, и он неоправданно обрадовался догадке. (Опять с утра он безнадежно заводил машину, да так и не завел... опять он лизал электролит.) И тогда другой, предыдущий вкус всплыл во рту... и опять не сразу... пока, почти взвыв и зажмурившись... не понял он, что это был вкус Светочки... там... так что, когда восстановился, перекрыв все эти тонкие оттенки, общий вкус водки в этом перегаре, то показался он Монахову святым и безгрешным... Но вся эта радуга: водка — кофе — табак — Светочка — аккумулятор — покойница — поразила помутневшее и ороговевшее сознание Монахова, будто вкус оставался последним еще доступным ему живым чувством. Не слышу, не вижу, не понимаю, не чувствую... один вкус!

А гроб уже выносили к автобусу. Коробочку с землицей Монахов еле успел подсунуть...

И тут он увидел Путилина. «Вот и я»,— сказал тот, улыбаясь мягкой продрогшей улыбкой. И, выдержав непонимающий, неузнающий взгляд Монахова, добавил: «Я тебе обещал помочь». Монахов этого не помнил. Путилин был зябкий, синий, отсыревший, словно стоял тут давно. «Что же ты внутрь не вошел?..» — отчужденно спросил Монахов. «Не хотел мешать...»— почтительно сказал Путилин. «Слушай!..— сказал Монахов и сглотнул.— Это правда?» «Что, что ты...»— испуганно, даже чуть отступив, спросил Путилин. «Это правда, что Ася умерла?»

Кто-то что-то где-то перепутал... Дождь хлестал, туман не рассеивался, и еще сквозь него тухлым желтком проступало солнце. Неба не было. Бога не было. Черта не было. Земли не было. Желтая сопливая глина разъезжалась под ногами. Упираясь, под углом, как бурлаки в лямке, они толкали вперед тяжкую, сваренную из труб, диаметром приближающихся к фановым, тележку с гробом. Колесики у тележки не крутились и оставляли по глине плоский салазочный след. «Сука!» — процедил Монахов, имея в виду того синего, еле стоявшего на ногах у ворот черта, который выдал ему эту вагонетку в обмен на покойницкое удостоверение. Покойницкое удостоверение напоминало формой, цветом и размером бывший в пору Монахова ученический билет. «Зачем удостоверение?»— осведомился прозленный Монахов. «А чтобы вы тележку назад прикатили»,— доброжелательно объяснил черт. «Суки!» — повторял Монахов. Гроб катался по трубам и сползал. Монахов видел сбоку запачканные до колена ноги друга и преисполнялся к нему благодарным чувством: «Трогательный мужик Путилин!» «Что же у него все-таки с ней было?..» Кладбищу не было конца. В кулаке Монахова была зажата бумажка размером с трамвайный билет, на ней было написано «Участок 72», а они проползали сейчас 34-й. «На половине передохнем»,— решил Монахов. Стали. Монахов оглянулся: теперь и назад кладбище простиралось до горизонта. Оно было видно все насквозь, потому что деревца были посажены лишь в первых рядах могил и еще ничего не способны были заслонить. Да и вряд ли тут что-либо могло прижиться — тут и трава не росла. Они перекурили; теперь и здесь это никому не казалось кощунственным. Монахов перевернул билетик, там было написано «Лаврик». «Бригадир, как ты думаешь?»— сказал он Путилину. «Пожалуй»,— согласился Путилин. «Вот и кладбище Хованское,— отметил он.— Ховать, значит. И бригадир — Лаврик...» «И душу, уготованную в рай, перепутав, отправили в ад да еще и вместе с провожающими...— добавил Монахов.— Кто святой, кто грешник, кто живой, кто мертвый — какая им разница?» Так, пошутив, они тронулись дальше. Ботинки были насквозь. Ноги скользили сначала в ботинке, а потом уже ботинки — по глине... Однокашники вспомнили школу: трение качения и трение скольжения... Путилин казался Монахову очень близким человеком, братом. «Слушай... я давно хотел тебя спросить...» «Да?» «Да нет, это я так, пустое...» Путилин, помолчав, согласился: «Пустое».

Они дошли наконец до предела. Впереди, фронтом, зияли пустые могилы. И — рылись. Готовые, полуготовые, только что начатые. Могильщики по двое торчали из могил, кто по шею, кто по пояс, кто по колено — на всех стадиях цикла. Впереди простирался бескрайний пустырь — будущее этого кладбища. В одну сторону он до горизонта был усыпан ржавыми консервными банками с примесью ветоши и бумаг, иногда взлетавших и садившихся, как своего рода птицы. Там и сям на кучах земли валялись свежеопустошенные бутылки. Могильщики были пьяны и работали с таким остервенением, будто собирались уже не уходить отсюда, а тут и сгореть, на переднем крае. Особенно один могильщик все отвлекал взгляд Монахова. Юноша, пухлявый и трезвый, еврейский мальчик студенческого вида, он явно не справлялся с бригадным темпом, и его от природы красная еще детская щека уже синела от явной сердечной недостаточности, в глазах его ныла непроживаемая тоска именно этой минуты, куда глубже национальной тысячелетней. Что его сюда загнало, при явной его домашности и без тени какого бы то ни было падения? Идея какого и на что заработка?.. Куда?.. Он отставал в производительности и гладкой кожей ощущал презрение бригады, когда через несколько бросков вновь и вновь замирал отдышаться. Лопаты остальных мелькали безостановочно. «Возможно, он не вылезает из могилы, пока они курят и пьют, потому что к тому же не курит и не пьет...»— вяло подумал Монахов. На мальчика было больно и неприятно смотреть, но он притягивал взгляд. Здесь стоял последний знак равенства, над этой глиной. Могильщики, мертвые и провожающие, и бухой оркестр, игравший над телом отсыревший гимн, и капуста, и банки, и воздух, и вода — все это уже понимало друг друга, не имея никакого отношения к себе. И над всем этим расплющенным, даже вогнутым пространством, как памятник, возвышался человек-люцифер-зверь-красавец-пахан-бог, и он-то и был, безусловно, ЛАВРИК. Бог смерти Лаврик стоял на двух кучах земли, широко расставив ноги в офицерских сапогах, на недоступной ни для умерших, ни для смертных высоте, чуть подргивая на истово закопавшихся подчиненных и отсыревших, сбившихся, как бараны, подопечных. И впрямь, провожающие в конце пути, казалось, сами собирались сойти в могилы. Лаврик был высок, строен, элегантно, поурочьи тощ, и он был без рук. Эта идея, что над землекопами властвует безрукий, прямо-таки пронзила мозг Монахова. Это — так: «А водку, интересно, ему подносят ко рту»? На плечи, чтобы скрыть увечье, легко, как-то даже грациозно, как бурка, был накинут ватник. И — лицо... лицо его было красиво, с правильными, калеными тонкими чертами, а из-под легко сдвинутой на лоб кепки насмешливо и безнадежно смотрели поразительной синевы глаза. Он оценил внимание Монахова; легко соскочив, скорее слетев, как птица, оказался перед ним. Кивнул на гроб: «Ваш?» Монахов усвоил и кивнул на впереди стоящих: «Нельзя ли побыстрее?» «Вы где хотите, чтобы ваша бабушка лежала?» «Здесь не все ли равно?»— Монахов выразительно обвел взглядом окружившую их мерзость запустения. «Не все равно»,— с сознанием сказал царь тьмы. «Тогда где лучше»,— сказал Монахов. Еле заметным движением своих роскошных, девичьих ресниц Лаврик указал на нагрудный карман. Монахов понял. И как только его рука пошла назад, оставив нечто над сердцем Лаврика, как он, как ангел, пренебрегая гравитацией, взлетел на прямых ногах на те же две кучи — лишь чуть привзмахнул рукавами ватник — и там стал со сложенными крыльями. «Быстро! Все на эту могилу! Могилу бабушке — мигом!»— сказал он негромко и резко, и не было дистанции между приказом и исполнением. Только тот юноша грустно не поспел за приказом... И впрямь не прошло минуты. «Прощайтесь»,— сказал Лаврик. И в этом справедливом и заслужившем себя мире Лаврик показался Монахову более на месте, чем тот поп... Открыли крышку: от адской тряски по глине бабушка сбилась на бок, отпущение грехов вывалилось из рук, но зато в них хорошо удержалась коробочка с отчей землей. Монахова даже передернуло: ему казалось, он отчетливо помнил, что в руки ей ее не клал. Как мы хороним... ни земли, ни смерти... что нас ждет? Так потрясла его эта коробочка... Будто бабка знала, что не будет более земли, как в этой коробочке!.. И ведь внесла, последнее, что сделала, внесла единственную живую щепоть на эту оскверненную глину...

Застучал молоток. Гроб завели, подвели полотенце... И тут вдруг у Лаврика выросли руки — это было изумительно!— ловким, ласковым движением выдернул он полотенце. И даже «Мир праху» сказал, и «Земля пухом», и «Спи спокойно».

Спокойная, здоровая, живая ненависть кипела в душе Монахова. Он видал зло. Он не ведал сомнения. Он понимал, что за свои грехи он вполне готов ответить. Но вот этого не простит никогда. Вчерашняя идиллия мертвецов, похожих на свои памятники, разъярила его. То, к чему мы идем, не было ни перспективой, ни угрозой. То, к чему мы пришли, было фактом.

Я кончился, а ты жива...

«Умерла...»— подумал он.

КАК НАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

МЫ ВАМ РАДЫ!

С мая этого года вступает в силу Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Но уже сегодня в райисполкомы, в управления общественного питания, бытового обслуживания обращаются десятки людей, желающих попробовать свои силы в сфере частной инициативы. Как сложится их будущая деятельность? Какие проблемы возникнут на пути? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, редакция «Огонька» решила подробно осветить эксперимент, начатый исполкомом Ленинградского района Москвы. Андрей и Татьяна Фрейвальд открывают ателье, которому они дали имя «ФАТ» — по первым буквам собственных имен. Ателье будет специализироваться на выпуске молодежных моделей одежды — свитеров, пуловеров, кофточек. Наш корреспондент встретился с Андреем в тот день, когда «ФАТ» принял первых посетителей...

енинградское шоссе, дом 19. Прямо напротив метро «Войковская». Перехожу улицу по подземному переходу и через несколько минут оказываюсь у высоких дверей, над которыми укреплена яркая вывеска «Ателье «ФАТ», а чуть ниже — надпись «Мы вам рады!». Внутри еще остро пахнет краской и деревом, кое-где заметны следы недавнего ремонта. В последнюю ночь перед началом работы Андрей и Таня в спешном порядке отмывали пол и окна, расставляли мебель до самого утра.

Внешне ателье на ателье совсем непохоже. Нет ни прилавка, ни обычных манекенов. Прямо в стене — большая, ярко освещенная витрина с образцами товаров, в центре комнаты — низкий журнальный столик,

вокруг него — несколько глубоких, удобных кресел. Когда я вошел, Андрей беседовал о чем-то с молодой женщиной, пришлось подождать, пока он освободится. Наконец, заказ принят, на фирменном бланке ателье выписана квитанция.

— Андрей, первый вопрос, естественно: чем отличается ваше ателье от обычного?

— Очень многим. Начать хотя бы с того, что мы с Таней работаем здесь только в свободное от основных обязанностей время. Таня вообще-то преподаватель английского и переводчик, а я тренер по плаванию. У обычного ателье есть план, есть утвержденные правила работы, есть начальство, утвержденные худсоветом модели. Все это дисциплинирует, конечно. Но ведь и связывает. Нам же для того, чтобы начать делать новую, более модную модель, нужны не неделя и не месяц — максимум два дня.

— Но ведь дело не только в моделях...

— Конечно! Мы весьма заинтересованы в конечном результате. Если, скажем, начнем делать две, даже очень модные модели и предлагать их посетителям по принципу «либо это, либо ничего», толку будет немного. Мы действуем иначе. У нас есть пять-шесть базовых моделей. Причем любую из них можно видоизменить по требованию покупателя. Но даже если модель устроит его в изначальном виде, ее оформление он выбирает сам. Узор, к примеру,— один из пятидесяти, тех, которые зафиксированы у нас на специальных перфокартах. Кстати, в будущем мы собираемся установить в ателье небольшой компьютер, тогда будем создавать модели по желанию клиента прямо у него на глазах.

— А цены?

— Их мы тоже имеем право устанавливать сами. Устарела модель — цена тут же снижается, а более модная, естественно, стоит дороже. В среднем свитер стоит около шестидесяти рублей.

По специальному заказу мы можем сделать свитер с узором, который будет только у вас, и после этого никому больше ателье такого узора не сделает. Или еще пример — у нас можно заказать вещи с монограммами их владельца. Наши принципы я бы сформулировал так: не существует «заказчиков» во множественном числе, есть только «заказчик» — один, неповторимый, индивидуальный, которого и обслуживать нужно индивидуально, каждого по-своему. Сегодня первый день работы ателье, и пока я принял заказы всего у нескольких человек, но с каждым говорил не меньше получаса. Так, думаю, будет и дальше.

— Андрей, по опыту прошлых лет известно, что отношения тех, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью, с финансовыми отделами райисполкомов обычно складывались очень непросто. А как у вас?

— Знаете, когда мы с Таней в первый раз пришли в райисполком, принесли образцы нашей будущей продукции, то очень нервничали. Наши знакомые прямо нам сказали, что мы выдумали какую-то глупость, и если хотим вязать по заказам, то что мешает нам это делать дома, без регистрации и налога? Да и я, честно говоря, был в глубине души уверен — откажут. Не отказали. Более того — поддержали и одобрили. И помещение подобрали поразительно быстро. Уже через неделю позвонили, пригласили посмотреть, подходит ли. Я, конечно, понимаю, эксперимент позволяет райисполкому на нашем опыте подготовиться к той работе, которая начнется в мае. Но ведь все мы помним недавние времена, когда выгодно было одно, а делали совсем другое.

— То есть проблем на пути создания ателье не было?

— Не было?! Их было множество, и они есть до сих пор! Знаете, раньше казалось, стоит отменить запреты на индивидуальную трудовую деятельность, и дальше все будет преотлично. Но все оказалось не так просто. Взять хотя бы тот же налог. Вот, к примеру, при оформлении регистрационного удостоверения нужно четко указать дни и даже часы, когда мы собираемся работать в ателье. А ведь работаем мы в свободное время, значит, должны использовать буквально каждый выкроенный час. Но если подходить к делу сугубо официально, мы не имеем права появляться в ателье в иное время, кроме того, которое указали при оформлении. Это же неудобно!! Но даже райисполком при всем его к нам расположении и внимании здесь ничего поделать не может — таковы правила.

— Действительно, неудобно. Да и размер налога вызывает серьезные сомнения. Чем больше налог, тем меньше желающих работать на официальных началах, тем меньше и доходы государства. Но ведь вы пока оформлены по старым нормативам, а с мая ситуация изменится?

— Верно. И очень бы хотелось надеяться, что при разработке новых нормативов будут учтены былые ошибки. Но, понимаете, дело не только в этом. Могу сказать со всей определенностью: если бы не помощь райисполкома, ателье создать было бы невозможно! И это, по-моему, крайне плохо. Мы первые — нам больше помогали. А другим?

— В чем, собственно, понадобилась помощь?

— Судите сами... Вот вам нравится, как оформлено наше помещение? И мне тоже нравится. Красиво! А ведь когда я впервые увидел, что нужно для того, чтобы воплотить проект в реальность, у меня буквально волосы встали дыбом!

— Дорого?

— Не в том дело. Мы с Таней отлично понимали, что первое время придется не доход получать, а платить. И заранее заняли по знакомым необходимую сумму, которую, кстати, еще предстоит вернуть.

— Сколько именно?

— Пять с половиной тысяч. Но понимаете, быстро выяснилось, что на эти деньги мы практически ничего не можем купить. Ну хорошо, краску, шпаклевку — эти стройматериалы еще можно достать в магазинах. А где взять, к примеру, стеклянные двери? А витринное стекло? Ведь у нас безналичного расчетного счета нет и быть не может! Как поступать? Обращаться за помощью в организации, которые могут помочь? Но с какой стати им нам помогать, верно?

А где брать шерсть?.. Между тем на камвольных предприятиях существуют остатки шерсти. Я был на таких предприятиях, разговаривал с их работниками. Они готовы эту шерсть продать. Но не могут. Потому что с нами даже договор о поставках заключить нельзя. Дело доходит буквально до парадоксов. Вот, скажем, на фабрике «Родина» есть отходы синтетики. Я встречался с директором, говорил с ней на эту тему. Она и рада бы эту синтетику отдать, да не может. По каким, спрашивается, ценам ее продавать? Нет установленных цен — значит, нет и возможности договориться. И так практически со всем и во всем!

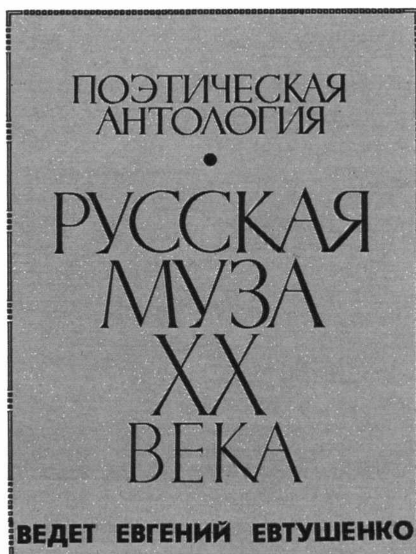
Понимаю, наш эксперимент помогает выявить те неизбежные сложности, которые всегда возникают в новом деле. Но ведь то, о чем я говорил, опасно и по другим причинам. Буквально с того дня, когда райисполком выделил нам помещение, телефон у меня дома звонит, не переставая. Кто звонит? Да самые разные люди. Обычно совершенно незнакомые. Чего только не предлагают! И шерсть по дешевке, и ткани, и стройматериалы, и даже готовые вещи для перепродажи. Все, естественно, «левое». Но обещают оформить покупку так, что комар носа не подточит! Ну, хорошо, мы с Таней по этому пути никогда не пойдем. А другие? Ведь нельзя же забывать и о факторе коммерческого риска, который для нас, кстати, тоже очень нов. Представьте себе, директору обычного ателье не подвезли нужную ткань. Что он сделает? Разведет руками, пожмет плечами, ну, может, чертыхнется с досады. А если нужной ткани не может достать индивидуал? Да он просто прогорит, потеряет заказчика, а вместе с ним и вложенные в дело деньги. Тут уж хочешь не хочешь придется соглашаться на «левые» предложения. Иными словами, создается ситуация, располагающая к нарушениям законности. И ведь, что обидно, если положение не изменится, наиболее конкурентоспособными будут как раз те люди, которые поддерживают контакты с «леваками».

— Этого, конечно, допустить нельзя. И очень хорошо, что эксперимент заблаговременно выявил такую опасность. Думаю, работники Минфина учтут ваш опыт при подготовке новых нормативов. И сообщат редакции о принятых мерах. Но так или иначе ателье начинает свою работу...

— И напомню, что над входом в наше ателье написано: «Мы вам рады!»

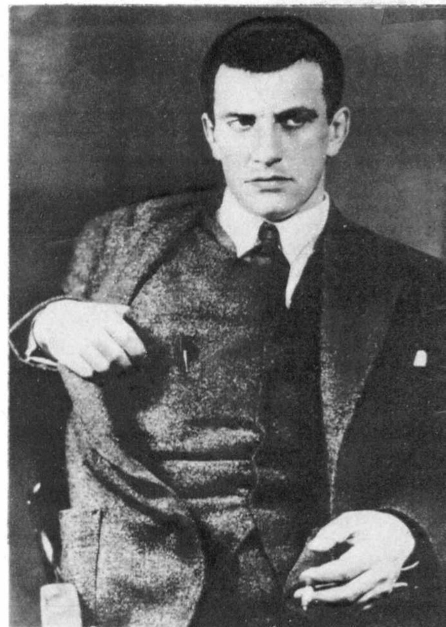
●

ОТ РЕДАКЦИИ. Эксперимент продолжается. Последнее сообщение из «ФАТа»: внимательно изучив Закон о кооперативах в бытовом обслуживании, Андрей и Таня приняли решение — объединившись еще с одной молодой парой, перевести ателье на кооперативные начала.



ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

1893—1930



А ВЫ МОГЛИ БЫ!

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

ОБЛАКО В ШТАНАХ

(отрывок)

I

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре»,— сказала Мария.

Восемь.
Девять.
Десять.

Вот и вечер
в ночную жуть
ушел от окон,
хмурый,
декабрый.

В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!

Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце — холодной
железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское.

И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая —
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных
гудков.
Любит звоночки коночек.

Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицом в его лицо рябое,
жду,
обрызганный громом городского
прибоя.

Полночь, с ножом мечась,
догнáла,
зарезала,—
вон его!

Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.

В стеклах дождинки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.

Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.

Слышу:
тихо,
как больной с кровати,
спрыгнул нерв.
И вот,—
сначала прошелся
едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.

Рухнула штукатурка в нижнем этаже.

Нервы —
большие,
маленькие,
многие! —
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!

А ночь по комнате тинится
и тинится,—
из тины не вытянуться
отяжелевшему глазу.

Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб нá зуб.

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,

Мальчиком Маяковский забирался в огромные глиняные винные кувшины и читал оттуда чужие стихи, пробуя нараставшую мощь эха собственного голоса. Горы, перекатывавшие это эхо, были его поэтическими учителями. Маяковский это не только он сам, но и мощное эхо его голоса. Ораторская интонация была не его стилем, а его характером. Ранняя тетрадь стихов Маяковского потерялась — по его собственному свидетельству, она была подражательной. Но он, интуитивно уловив, что «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать», революционно реформировал русский стих, дав слово улице. Его гениальные поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник» возвышались над стихами его поэтического окружения, как величественные горные вершины родного ему Кавказа над лепящимися к ним домиками. Призывая сбросить Пушкина с парохода современности, Маяковский на самом деле был продолжателем классических традиций. Продолжать — не означает имитировать. Иногда взрывать — это тоже означает продолжать. Перечитайте пушкинский «Памятник», затем строки «Слушайте, товарищи потомки...», и вы поразитесь непохожему сходству, этой мощной перекличке через века. Горький был прав, сказав, что никакого футуризма вообще не существует, а есть большой поэт — Маяковский. Маяковский был первым русским поэтом-урбанистом. Он был первым и в том, что ощутил себя не только гражданином своей страны, но и гражданином земного шара — «председатель земшара» В. Хлебников в этом следовал Маяковскому. Для Маяковского не было вопроса — принимать или не принимать революцию. Он сам был ею — со всей ее мощью, со всеми ее перехлестами, со всеми ее заблуждениями и трагедиями. Личный революционный героизм Маяковского был в том, что он, великий любовный лирик, поставил стихи на службу ежедневности, плакатности, пропагандистского модернизированного лубка. Но в этом была одновременно и его трагедия, потому что он сознательно становился «на горло собственной песне» и даже вычеркнул однажды такие гениальные строки, как «Я хочу быть понят моей страной, а не буду понят,— что ж, по родной стране пройду стороной, как проходит косой дождь». Ленин, воспитанный на Пушкине, Тютчеве, не все принимал в Маяковском, но он поддержал его за антибюрократическую направленность стихотворения «Прозаседавшиеся», к сожалению, актуального и по сей день. Гениальность Маяковского понимали его великие современники, выбравшие собственные пути,— Пастернак, Цветаева, Ахматова. Но Пастернак был прав, с печалью сказав о посмертной трагедии Маяковского, когда его начали «насаждать, как картошку». В этой фразе не было ничего оскорбительного для самого Маяковского. Действительно, в течение стольких лет после смерти великого поэта, столь ненавидевшего «хрестоматийный глянец», этот глянец начали наводить вульгаризаторским преподаванием, отсекавшим лирику Маяковского и вдалбливавшим лишь его газетно-плакатные стихи. Но ведь сам Маяковский признавал, что эти стихи временны. «Умри, мой стих, умри, как рядовой, как безымянные на штурмах мерли наши!». Нам по сей день недостает не слишком многотомного, но зато тщательно составленного собрания Маяковского, куда бы вошли все его — и любовные, и гражданские шедевры без всего того временного, что осталось лишь как часть истории литературной борьбы и как свидетельство самых искренних заблуждений этого величайшего поэта-революционера. Влияние Маяковского сказалось не только на последующих поколениях советских поэтов. Оно, безусловно, изменило развитие поэзии во всем мире, несмотря на труднопереводимость Маяковского. Он подарил нам осознание того, что сила поэтического эха может быть всемирной.

сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».

Что ж, выходи́те.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!
Как пульс
покойника.

Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть»,—
а я одно видел:
вы — Джиоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Опять влюбленный выйду в игры,
огнем озаряя бровей за́гиб.
Что же!
И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!

Дра́зните?
«Меньше, чем у нищего копеек,
у вас изумрудов безумий».
Помните!
Погибла Помпея,
когда раздразнили Везувий!

Эй!
Господа!
Любители
святотатств,
преступлений,
боен,—
а самое страшное
видели —
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?

И чувствую —
«я»
для меня мало́.
Кто-то из меня вырывается упрямо.
Allo!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле,—
ему уже некуда деться.
Каждое слово,
даже шутка,
которое изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

Люди нюхают —
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горящее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезнённые бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!

1914—1915

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени о́на».—
«Товарищ Иван Ваныч
ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели придти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».
Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
го́ло!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на́ ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья доро́гой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря́.
От страшной картины
свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Они на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех
заседаний!»

1922

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Первое вступление в поэму

(отрывки)

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г....
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной...

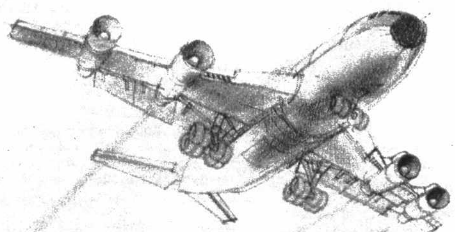
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое дале́ко
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.

декабрь 1929 — январь 1930

Патрик АНДЕРСОН

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА



Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Президенту Чарлзу Уитмору необходимо встретиться с Донной Хендрикс, приехавшей в Вашингтон по его приглашению. Но жена Чарлза тверда в своем решении: она не остановится даже перед разводом в случае его свидания с Донной. Уитмору же надо добиться от Донны, чтобы она не упоминала в задуманном ею романе об их взаимоотношениях. Президент говорит помощнику Эду Мерфи о необходимости найти выход из создавшегося положения. Из Парижа возвратился адвокат Бен Нортон. На другой день какой-то человек сообщает Бену по телефону, что его бывшая подружка убита. Приехав на место преступления, Нортон узнает в погибшей Донну Хендрикс. Он решает отыскать убийцу.

7

У себя в кабинете Нортон обнаружил записку с просьбой позвонить сержанту Кравицу. Но вместо этого он позвонил на другой конец континента, и женщина с сильным английским акцентом ответила:

— «Филдс продакшнз». Доброе утро.

— Это Бен Нортон из Вашингтона, мне нужен мистер Филдс. Мы познакомились в предвыборную кампанию Уитмора.

— Да, конечно, мистер Нортон,— ответила женщина, уже не столь бодро.— Нам только что позвонили из...— Она умолкла, и потом в ее голосе опять появился сильный английский акцент.— Вы сказали, что работаете в Белом доме, мистер Нортон?

— Нет, я юрист, занимаюсь частной практикой,— признался он, браня себя за то, что не умеет лгать.

— Можно узнать, в чем суть вашего дела?

— Скажите мистеру Филдсу, что я друг Донны Хендрикс.

— Пожалуйста, не кладите трубку.

Дожидаясь ответа, Нортон просмотрел первую страницу «Таймс»; когда женщина наконец заговорила, голос ее был ледяным.

— Мистер Филдс в отъезде, и в ближайшее время связаться с ним будет невозможно.

— Когда он должен вернуться?

— Понятия не имею,— ответила дама из Палм-Спрингса, и в трубке послышался щелчок. Нортон вздохнул и позвонил Кравицу, тот попросил его приехать в управление полиции для дачи показаний. Нортон ответил, что немедленно едет.

В крохотной передней перед дверью отдела расследования убийств понуро сидели на обшарпанных складных стульях около дюжины унылого вида негров. За дверью в длинной тесной комнате около дюжины унылого вида белых горбились за обшарпанными старыми столами; кто пил кофе, кто курил сигару, кто заполнял бланки или говорил по телефону. Кравиц встретил Нортона у входа, предложил кофе, потом повел в противоположный конец комнаты, где были три одинаковые двери.

— Это камеры для допросов,— сказал Кравиц и ввел Нортона в первую комнатушку площадью десять квадратных футов. Там был старый металлический стол, два стула, зарешеченное окно, пишущая машинка, магнитофон, на стене висели наручники.

— Вы их приготовили не для меня, сержант?

Кравиц не улыбнулся.

— Садитесь, мистер Нортон. Попрошу вас ознакомиться с этим.

Он подал Нортону небольшую белую карточку, там излагалось то, что ему было и без того известно о правах свидетеля в уголовном следствии. Перевернув ее, Нортон расписался на обороте. Затем начался допрос.

Час спустя, покидая отдел, Нортон находился под бóльшим впечатлением от сержанта, чем прежде. Вел допрос Кравиц спокойно и дружелюбно, но затронул все стороны дела. Нортон не говорил прямой лжи, но сообщил не всю правду, что тоже было наказуемо, правда, трудней поддавалось доказательству. О романе Уитмора с Донной и о рассказе Фила Росса он умолчал не потому, что эти подробности были несущественны — в любом обычном расследовании они оказались бы к месту, но решил, что лучше их пока не касаться, чем выложить слишком поспешно и тем самым навредить президенту, может быть, даже погубить его. Политика, как знал Нортон по опыту, сводилась к выбору между большим и меньшим злом; самым трудным было решить, какое из них меньшее. Он не знал, кому можно доверять в этом ошеломляющем деле, поэтому принял решение доверять только самому себе и задавать вопросы, пока не доищется правды. А выйдя из управления полиции на Пенсильвания-авеню, с рычащими машинами и торчащим слева куполом Капитолия, решил и куда прежде всего отправиться на поиски.

Нортон вышел в Палм-Спрингсе из аэропорта в прохладу раннего вечера, когда оранжевое солнце скрывалось за горами. В город он поехал на такси и едва зарегистрировался в отеле «Каньон», как заметил в похожем на каньон вестибюле невысокую девушку с густым загаром, ярко накрашенными губами, растрепанной прической и почти сразу же вспомнил ее имя.

— Пенни! Помнишь меня?

Девушка взглянула на него, замедлила шаг, остановилась. Глаза ее были широко раскрыты, но пусты. Она хотела было состроить профессиональную улыбку стюардессы, но узнала его, и на ее проказливом лице появилась настоящая улыбка.

— Тебя зовут... Бен! Славный юрист. Мы вместе ходили на матч «Краснокожих».

Она восторженно засмеялась и, привстав на цыпочки, чмокнула его в щеку. Пенни встречалась с другом Нортона, внештатным фотографом, и они несколько раз бывали вместе. Друг утверждал, что встречаться стоит только со стюардессами, потому что их неограниченные летные привилегии давали им возможность видеться в Париже, Буэнос-Айресе или Стамбуле, куда бы его ни забросили дела.

— Как там в дружелюбных небесах?— спросил Нортон.

— Враждебных,— ответила Пенни и хихикнула.— У моей подруги шляпная булавка почти в два фута длиной, и она клянется всадить ее в глаз первому же, кто погладит ее по заду.

Нортон содрогнулся.

— Может, выпьем?— предложил он.

Пенни оттопырила губы и взглянула на часики.

— Время у меня, похоже, есть. Я еду на вечеринку, но до полуночи там ничего особенного не будет. Так что пошли.

Усмехнувшись, она взяла Нортона под руку, он повел ее по длинному вестибюлю, следуя указателям, обещавшим где-то вдалеке бар. Наконец они добрались до него. Бар оказался большим, темным и элегантным, с одной стороны была оркестровая площадка, с другой — окна, выходящие на плавательный бассейн. Ярко накрашенная официантка принесла джин с тоником, и Пенни подалась к Нортону, ее проказливое лицо горело любопытством.

— Я прилетела на вечеринку,— сказала она.— А ты?

— Так, по одному делу,— ответил он в наиболее скрытной манере вашингтонских юристов. Возможность ссылаться на секреты была одним из достоинств этой профессии.

— Бывал раньше в Палм-Спрингсе?

— Нет, никогда.

— Нравится он тебе?

— Не знаю,— признался Нортон.— Какой-то невероятный. Небо слишком уж голубое. Горы кажутся ненастоящими. Словно бы попал на самую большую в мире съемочную площадку.

— Он ненастоящий,— сказала Пенни.— Поэтому такой чистый. Люди здесь настолько богаты, что не хотят ничего настоящего.

— Расскажи мне, что у вас будет за вечеринка.

— Ладно,— сказала она, чуть поколебавшись.— Дело в том, что я знакома с человеком, на которого деньги сыплются, как на других неприятности, и вечеринки он закатывает совершенно баснословные, на них ездят в с е, дом у него просто невероятный, там можно получить все, чего пожелаешь. То есть, если хочешь посмотреть петушиные бои, выпить очень старого вина или посмотреть какой-нибудь особенный фильм, нужно только попросить. Когда я была там, кто-то захотел посмотреть Дамбо[1], и тут же все стали смотреть этого летающего слона.

— Твой знакомый случайно не Джефф Филдс?

Пенни нахмурилась, напомнив тем самым Нортону, какая мелкая сошка вашингтонский юрист по сравнению с киноактером, который может устроить бой петухов или показать на экране Дамбо.

— Да,— ответила она неохотно,— но говорить об этом я в общем-то не должна. Он, понимаешь, очень беспокоится за свою репутацию.

— Ничего,— сказал Нортон.— Я знаю Джеффа. Мы встречались во время избирательной кампании. Я тогда был сотрудником Уитмора.

— Кроме шуток?

— Кроме шуток. Собственно, я должен повидать его, пока буду здесь. Возможно, президент сделает его председателем совета искусств.

— Как славно!— воскликнула Пенни.— Джефф уже знает?

— Пока нет. Не говори ему ничего. Я созвонюсь с ним завтра.

Пенни надула губы и насупилась.

[1] Герой мультфильма У. Диснея.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—16.

— У тебя может ничего не выйти,— сказала она.— Видишь ли, после вечеринки ему будет не до разговоров о политике. Может, тебе поехать со мной и поговорить с ним, пока, сам понимаешь, все не закосеют.

— Провести меня туда будет несложно?

— Там вообще-то бывают недовольны, когда приводишь с собой мужчин, но это особый случай.

Нортон кивнул и подумал, что бог, видимо, любит ложь, иначе не сделал бы ее такой полезной.

— Мы успеем выпить еще?— спросил он.

— Я больше не буду,— сказала Пенни.— Дело в том, что, возможно, мне и поспать не удастся. А ты пей. Потанцевать хочешь?

На оркестровой площадке музыканты настроили инструменты и внезапно грянули, как подумалось Нортону, ресторанную обработку «Джамбалайи».

— Может быть, потом,— сказал он и жестом заказал официантке еще джина.— Говорю я лучше, чем танцую. Расскажи мне о Джеффе. Ты его знаешь лучше, чем я.

Пенни надула губы, потом усмехнулась.

— Главное, что нужно уразуметь, Джефф не просто красавчик. Он едва ли не самый умный из всех, кого я знаю. Три потрясающих картины не сделаешь на одном везении. И дело не только в картинах. Он читает книги, водится с интеллектуалами, разбирается в политике и во всем прочем. Конечно, любит и вечеринки. Он построил себе особняк и живет как король. Немногие могут позволить себе такую жизнь. Элвис, Хеф, Джефф и еще несколько человек. Кое-кто из рок-звезд мог бы, но они почти все свихнулись на наркотиках, религии или на чем-то еще. Но Джефф прошел через все это, и знаешь, к чему он стремится? К власти. Политика и все такое. Он как-то сказал мне, что единственный человек в мире, на кого он смотрит снизу вверх,— это президент США. Видел бы ты Джеффа, когда он показывал Уитмору свой особняк. Он был похож на короля маленькой страны, который хочет удивить короля большой.

На эстраде молодой человек запел песню, состоявшую, казалось, только из рычанья, стонов да время от времени выкриков «Давай!». Пенни усмехнулась и вскочила со стула.

— Пошли, потанцуем.

Нортон нехотя поднялся.

— Танцор из меня неважный.

Пенни взяла его за руку и повела к танцевальной площадке.

— Ты не читал книгу «Боязнь полета»?— спросила она.— Я прочла, думала, это про авиацию. Но там совсем про другое! Словом, писательница пишет, что танцы похожи на секс, неважно, как ты выглядишь, важно, как чувствуешь.

Нортон чувствовал себя не очень хорошо, но решил развлекать это странное создание, поднялся на площадку и стал вертеть бедрами как можно пристойнее. Молодой человек на эстраде продолжал рычать, выкрикивать «Давай!», и Пенни начала выделывать поразительные вращательные движения, однако Нортон упорно продолжал думать о тайне, которая привела его в Палм-Спрингс. Когда они, закончив танец, вернулись к столику, Нортон взял Пенни за руку и сказал как можно беззаботнее:

— Слушай, Пенни, когда Филдс водил Уитмора по своему дому?

— А? Да прошлым летом, сразу же после того, как въехал. Там что-то стряслось с насосом для плавательного бассейна, и из Лос-Анжелеса вызвали самолетом мастера, чтобы он наладил насос и Уитмор мог бы поплавать. Он устроил себе двухнедельный отпуск по ходу кампании. Ты не знал?

— Наверно, забыл.

— Они держат это в секрете. В таких местах это самое замечательное. Строишь вокруг дома стену, и никто не знает, что за ней делается. Наверно, и в Белом доме примерно так же.

— Примерно,— сказал Нортон.— Нам не пора ехать?

— Наверно, пора,— ответила Пенни.— Слушай, Бен, я хочу тебе кое-что сказать.

— Говори.

— На вечеринку мы отправимся вместе, но там мы не будем вместе. Это не такая вечеринка.

— Понимаю,— сказал Нортон. Пенни признательно обняла его, и они пошли к выходу.

8

Пенни вела взятый напрокат «мустанг» вниз по склону от отеля «Каньон» мимо ресторана «Моби», мимо отеля Джина Отри, мимо плантаций финиковых пальм и торгующих финиками лавочек, выехала на шоссе Боба Хоупа и, миновав усадьбу Анненберга, въехала в серебристую от лунного света пустыню. Нортону почему-то каза-

лось, что пустыня уходит в прошлое — его воображению рисовались вереницы фургонов и шайки индейцев — и вдруг она окончилась в настоящем, у темной стены переплетенных тропических растений и забора из натянутых цепей, ограждавших усадьбу Филдса. Они ехали, пока не достигли будки привратника, плосколицый азиат охранник на Нортона глянул хмуро, на Пенни с усмешкой, но взмахом руки разрешил им поехать, едва она обронила волшебную фразу «друг президента», открывающую в этой фантастической пустыне все двери.

Дорога долго вилась среди высоких пальм и окончилась у массивного белого особняка в испанском стиле. Пенни поставила «мустанг» между чьими-то «морганом» и «мерседесом», потом она и Нортон рука об руку пошли по широкой лужайке, упругой, как поле для гольфа, поднялись по ступеням, вошли в открытую дверь и оказались в беспорядочном скоплении гостей. Все комнаты были переполнены, женщины, как одна, молодые, стройные и красивые, щеголяли во всевозможных нарядах, от бикини до бальных платьев, кое у кого с шеи свисали на тонких цепочках серебряные ложечки. Нортон узнал одну девушку, чей снимок был помещен на обложке журнала, и жену одного сенатора, большую любительницу путешествовать, остальные сливались в безликую массу. Мужчины были более разнотипны. Он узнал двух рок-певцов, кое-кого из молодых актеров, нескольких гигантов-спортсменов и стоявших кучкой людей постарше, холодные взгляды, несходящий загар и яркие костюмы выдавали в них кинорежиссеров. Несколько человек заговорили с Пенни, но на Нортона никто не обращал внимания, и это его раздражало. В Вашингтоне люди по крайней мере узнавали, кто ты, прежде чем не замечать тебя.

Взяв бокалы с розоватым пуншем у проходившего официанта, Нортон и Пенни неторопливо направились по коридору в глубь дома, услышали крики из кухни, заглянули туда и увидели здоровяка, какого Нортон еще не встречал, он держал над полом холодильник, а старый китаец в белой куртке умолял поставить его на место.

— Пойдем отсюда,— прошептала Пенни.

— Кто он такой?

— Футболист. Настоящее животное. Он как-то был с моей подругой и обжег ей лицо. Нарочно.

— Разный подход к разным людям,— пробормотал Нортон и следом за Пенни направился на длинную террасу с каменным полом. По эту сторону дома за пологим газоном был расположен бассейн. Вода излучала зловещее зеленоватое свечение, придавая собравшимся там сходство с призраками. Люди смеялись, курили, пили после недавнего купания.

— Видишь женщину у трамплина?— спросила Пенни.

— Вижу, ну и что?

— Ее зовут Мелинда. Хвастает, что переспала со всем ансамблем «Роллинг Стоунз» и почти со всеми «Битлами». Но она уже начинает стареть.

Нортон, оказавшийся между двух миров, вспомнил о Гвен, та как-то заявила, что спала с шестью сенаторами, двумя членами Верховного суда и одним президентом. Ему стало любопытно, есть ли тут какая-то международная система подсчета очков, и кто, Мелинда или Гвен, оказались бы в выигрыше. Превзошел бы Ринго Старр Теда Кеннеди? Он поглядел на Мелинду, плясавшую у трамплина с бородатым гитаристом, и, когда повернулся к Пенни, заметил в дальнем, темном углу террасы стройного молодого человека. На нем были теннисные туфли, плавки и рубашка с коротким рукавом, в руке он держал баночку пива, и что-то в его позе, полном спокойствия среди этих суетящихся людей говорило, что здесь все принадлежит ему.

— Вот и наш хозяин,— сказал Нортон Пенни, и лишь после этого Джефф Филдс подошел к ним.

— Джефф!— воскликнула Пенни.— Помнишь Бена Нортона? Из Вашингтона?

Актер поглядел на него холодно, оценивающе.

— Это вы звонили мне. Вы приятель Донны.

— Кто такая Донна?— спросила Пенни.

— Беги, повеселись,— ответил ей Филдс, не сводя с Нортона глаз.— Нам с этим джентльменом нужно поговорить.

— А я что, помешаю? Я привезла его.

— У нас дело, малышка. Почему бы тебе не искупаться?

Он улыбнулся Пенни, та просияла и, пожав плечами Нортону, направилась к бассейну. Эта хитрость, ласковое выпроваживание, была знакома Нортону по миру политики, но к незваному гостю Филдс обратился уже без ласковости.

— Как вы пробрались сюда?— спросил он.

— Обманул эту девушку. Она не виновата.

— Нет, виноват я, что позволил этой взбалмошной своевольничать. Но раз уж вы здесь, давайте поговорим. Пошли, там можно присесть.

Он повел Нортона к столику под пальмами. Появился официант и спросил, что угодно мистеру Филдсу. Филдс велел принести пива себе и гостю. Раздетая Пенни вышла из кабины и с восторженным криком прыгнула в воду. Минуту спустя футболист, забавлявшийся холодильником, с воплем пронесся по газону и бросился в бассейн, взметнув столб воды.

— Пьяный болван,— пробормотал Филдс.— Начинаешь с нескольких друзей, Нортон, затем появляются их друзья, а потом получается зоопарк.— Он вздохнул, взял у официанта две баночки пива и протянул одну Нортону.— Итак, вы проделали большой путь, чтобы повидать меня. С какой целью?

— Вам известно, что произошло с Донной, не так ли?

— Прочел в газетах. Мне очень жаль. Обстоятельства дела еще не выяснили?

— Пока нет. Возможно, ее убил грабитель.

— Вашингтон — опасный город.

— Филдс, почему она оказалась в вашем доме?

— Что вы имеете в виду?

— Ваш дом в Джорджтауне. Тот, где ее убили.

— Кто сказал, что он мой?

— Подруга Донны говорит, что вы не то купили, не то сняли его.

— Кто еще знает об этом?

— Полиция в конце концов докопается.

— На это может уйти много времени,— сказал актер.— Дом я приобрел на чужое имя.

Нортону показалось странным, что полиция еще не обращалась к Филдсу. Эд Мерфи знал, что этот дом в Джорджтауне принадлежит ему. Либо Эд не спешил известить полицию, либо полиция не спешила воспользоваться полученными сведениями.

— К чему такая предосторожность?— спросил Нортон.

— К чему? Чтобы приезжать, не опасаясь сплетников из светской хроники, любителей автографов и неудачников сценаристов.

— Но как там оказалась Донна?

Актер пожал плечами.

— Позвонила, спросила, можно ли пожить там, и я разрешил.

— Откуда она звонила?

— Из городка, где жила. Кажется, Кармел.

— Что ей понадобилось в Вашингтоне?

— Я не спрашивал.

— Не очень любопытны?

Актер холодно глянул на него.

— Послушай, Нортон, ты портишь мне вечеринку, задаешь кучу вопросов, на которые я не должен отвечать, и уже становишься несносным. Я прикажу вышвырнуть тебя отсюда.

Нортон ответил актеру таким же взглядом. У него появилась приподнятость, наступающая вместе со злостью на человека, который легче тебя фунтов на пятьдесят.

— Приказывай,— сказал он,— но, прежде чем меня вышвырнут, я сломаю твой красивый нос.

Филдс сосредоточенно, словно принимая сложное решение, оглядел Нортона, потом пожал плечами и дружески улыбнулся.

— Слушай, Бен, чего нам ссориться? Ты хорошо относился к Донне. Но ведь и я к ней хорошо относился. Ты работал на Уитмора? Но ведь и я тоже. Мы с тобой свои люди. И на твои вопросы я отвечу, только не дави на меня. Идет?

— Идет,— согласился Нортон.— Для начала скажи, хорошо ты знал Донну?

— Мы были приятелями,— ответил Филдс.— Сам знаешь, во время кампании люди сходятся быстро. Несколько раз мы с ней кое-куда выбирались. Она мне нравилась. Была умной и честной. Интрижки у нас не было, если тебя это интересует. Ей не нравился мой образ жизни.

— Что ты знаешь о ее отношениях с Уитмором?— внезапно спросил Нортон.

— Ничего,— резко ответил актер.

— Правда, что Донна написала для тебя сценарий?

— Написала, только вряд ли можно назвать это сценарием. Больше похоже на мемуары. Она говорила, что у нее есть замысел для фильма с действием в Вашингтоне, и я предложил ей изложить его в той форме, в какой сумеет. У нее оказалось несколько любопытных идей.

— Каких?

Актер отхлебнул пива и взглянул на усеянное звездами калифорнийское небо. Внизу, у бассейна, громадный футболист подбрасывал Пенни в воздух, словно куклу, кое-кто затеял игру в водное поло. В кабине за столиком сидел молодой комик и вертел самокрутки с марихуаной, девушка рядом с ним нюхала кокаин через свернутую трубочкой долларовую бумажку.

— Главная героиня Донны — молодая женщина, влюбленная в политика, который не хочет разводиться с женой,— сказал актер.— В общем-то это банально, но там были интересные детали.

— Например?

— Ну, сцена между той женщиной и женой политика. Хорошо обрисован его похожий на бандита помощник. Неплоха сцена в спальне, где она старается отвлечь его от политических дел. Смешные детали о логике политика, затеявшего интрижку.

— А политик случайно не грубоватый пятидесятилетний сенатор, выдвигающий свою кандидатуру в президенты?

— Тут была какая-то неясность. Да и во всей вещи тоже.

— У нее были веские причины писать неопределенно,— сказал Нортон.— Я хотел бы прочесть рукопись. И еще многие хотели бы.

— В том числе и я,— сказал Филдс.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой экземпляр украли.

— Черт возьми,— прошептал Нортон.— Как это могло случиться?

— В городе у меня есть контора, там хранятся сотни сценариев. Кто-то забрался в нее. Я думал, что украли только небольшую наличность. Но когда Донна позвонила и сказала, что собирается в Вашингтон, я упомянул о краже, и она попросила проверить, на месте ли ее рукопись. Когда я сказал, что рукопись исчезла, Донна вышла из себя.

— Ты не дал знать об этом в Белый дом?— спросил Нортон.

— Мы сейчас почти не общаемся.

— Почему?

— Спроси у них,— ответил актер.— Могу только сказать, что мы с Уитмором были друзьями, когда я старался для него, но похоже, что, едва войдя в Белый дом, он тут же забыл мою фамилию. Видно, мой старый друг использовал меня и больше во мне не нуждается.

— Политики используют всех,— заметил Нортон.— Ты должен был это знать.

— Пошли в дом,— сказал актер.— Если есть желание, оставайся на ночь. Я хотел бы поговорить с тобой еще.

— О чем?

— О Донне. Об Уитморе. О политике я знаю гораздо меньше, чем мне казалось.

Все гости перебрались к бассейну, и дом был почти пуст. Филдс повел Нортона в библиотеку, одна стена там была покрыта фотографиями, где он позировал в обществе других людей. Нортон узнал нескольких актеров, актрис и режиссеров.

— Вот я с нашим другом,— сказал Филдс. На снимке были Филдс и Уитмор, стоящие перед кабиной. Филдс непринужденно улыбался в объектив, Уитмор глядел с подозрением. Нортон взглянул на фотографию равнодушно. Он видел множество подобных — политики раздавали их всем, как леденцы детям,— но потом присмотрелся повнимательнее. На фотографии что-то его насторожило — он не сразу понял, что именно.

— Я помню тот день, когда был сделан снимок,— начал было Филдс, но умолк, когда в дверях появился плосколицый, охранявший передние ворота.

— Междугородный звонок, босс,— объявил он.

— Послушай сам.

Плосколицый отвел актера в сторону, они пошептались, и Филдс торопливо ушел. Привратник стоял, сложив руки и не сводя глаз с Нортона. Нортон снова повернулся к фотографии. Он подумал, что Джефф Филдс вроде бы довольно славный малый; неглуп и готов пойти навстречу. И продолжал думать о нем и о снимке, когда актер вернулся. Нортон повернулся к нему и поразился происшедшей перемене. Лицо актера покраснело, челюсть отвисла, и, когда он закуривал, руки его дрожали; казалось, он только что узнал о смерти кого-то из родных.

Но родня актера не интересовала Нортона, ему нужно было задать один вопрос.

— Джефф, эта фотография...

— Забудь о ней. Вечеринка окончена. Джек отвезет тебя в отель.

— Что случилось?

— Я себя плохо чувствую. Вечеринка окончена.

— Хорошо, но только скажи, кто вырезан с этого снимка?

— О чем ты, черт возьми?

— Рядом с Уитмором была женщина. На его руке видна часть ее блузки.

— Это моя секретарша.— Он отвернулся от Нортона к своему телохранителю.— Джек, отвезешь мистера Нортона в отель.

— Лжешь,— сказал Нортон.— Я вижу, что это блузка Донны. Блузку подарил ей я. Когда они были здесь?

Филдс что-то шепнул плосколицему и неуверенно вышел.

— Пошли, приятель,— сказал тот. Он был сложен как штангист и самодовольно, вызывающе улыбался Нортону. Нортон решил не принимать вызова и, пройдя мимо него, направился к парадной двери.

— Поедем на «империале»,— сказал Нортону сопровождающий, когда они вышли наружу, и показал автомобиль в дальнем конце дорожки. Нортон пошел к машине, недоумевая, какое известие могло так потрясти Филдса. Для скверных вестей вечер был неподходящим. Он слышал музыку и смех, доносившиеся от бассейна, а небо над ним сверкало множеством звезд. Потом, когда они подошли к «империалу», человек за его спиной сделал какое-то движение, и все звезды погасли.

9

Восход в пустыне представлял собой неторопливую симфонию пурпурного и розового. Нортон прекрасно видел его из канавы, в которой очнулся. Едва он пробовал шевельнуться, в затылке начинали взрываться бомбочки, поэтому казалось разумнее просто лежать на теплом песке и смотреть, как новый день разливается по небу. Когда Нортон в конце концов выполз из канавы, то оказался недалеко от шоссе. Вскоре в пикапе «шевроле» появился добрый самаритянин, оказавшийся фермером, везущим салат, и довез Нортона до отеля. Вместо объяснения с дневным администратором Нортон злобно посмотрел на него и поплелся в номер принять горячий душ и основательно поразмыслить. Душ был принят успешно; раздумья не пошли дальше решения проститься со сказочным Палм-Спрингсом.

Нортону пришла было мысль снова наведаться к Филдсу, но он побоялся, что в итоге будет та же канава или еще что похуже. Единственное, чего ему действительно хотелось,— это вернуться в Вашингтон. Там никто не бил его по голове и не бросал в канаву. Но сперва нужно было посетить еще одно место в Калифорнии.

В кофейне аэропорта Нортон обнаружил Пенни, угрюмо глядящую в свою чашку. Когда он подсел к ней, она даже не подняла глаз.

— Что случилось на вечеринке?— спросил он.

— А, привет,— равнодушно сказала она.— Не знаю, что там случилось. Все веселились, потом вдруг Джефф всех нас выпроваживает. И сам тоже укатил. Я спросила его про тебя, а он ответил, что ты уже уехал. Сплошное сумасшествие. Я думаю, его преследует мафия или что-то в этом роде.

— Почему ты так решила?

— Одна девушка захотела позвонить своему приятелю, поднялась наверх, сняла с телефона трубку и услышала чей-то голос: «Сукин сын, мы раздавим тебя, ты больше не снимешься ни в одном фильме»,— и еще кое-что в том же духе, а Джефф только ловил ртом воздух. По-моему, мало кто, кроме мафии, может говорить подобным тоном с таким видным человеком, как Джефф.

— Та девушка не слышала, кто это говорил?

— Нет, испугалась и положила трубку. Она хотела только позвонить приятелю.

— Куда ты сейчас, Пенни?

— Наверно, в Лос-Анджелес. Слушай, хочешь, летим вместе?

— Мне нужно вернуться в Вашингтон. Извини.

— Ничего. Слушай, я все же хочу встретиться с тобой в Вашингтоне, поиграем в теннис, и ты просветишь меня насчет политики.

Нортон ответил, что больше всего на свете хотел бы увидеться с ней в Вашингтоне, и это, казалось, немного улучшило ее настроение. Она походила на увядшую фею, но одарила Нортона своей лучшей улыбкой, чмокнула его в щеку и побежала к своему самолету; несколько минут спустя Нортон пошел к своему, летящему на север, в Кармел.

— Держу пари, дружище, ты считал, что меня уже нет в живых?

— Да, пожалуй, сэр,— признался Нортон.

— Что ж, по вашингтонским понятиям меня в живых нет,— сказал старик.— Мой конец настал двадцать с лишним лет назад, когда Джо Маккарти стал преследовать меня и я оказался побежденным на перевыборах. В Вашингтоне нет ничего безжизненнее бывшего сенатора. Какое-то время я еще пожил там, считая себя по-прежнему полезным членом общества, но оказалось, что я набивка в политической подвесной груше. Поражение как проказа: все очень сочувствуют твоему несчастью, но никто не пригласит к обеду.

Старика звали Гарри Нолан, лет сорок назад он носил прозвище «Лев прерий». Нортон читал про него в книгах о «новом курсе». В некоторых были снимки Нолана с Рузвельтом. Теперь Нортон нашел его в нескольких милях от Кармела, в коттедже на склоне холма, глядящего на ярко-голубые воды Тихого океана.

— Как ты нашел меня, парень? Она почти никому не сообщала, где живет.

— Донна однажды написала мне. И указала обратный адрес.

— Это ты уезжал в Париж?

— Да.

Старик неодобрительно посмотрел на него.

— Не так ты повел себя, парень. Нужно было не отступать и драться. Но ты суетился без толку и упустил ее. А теперь она мертва. Скверно, парень, скверно. За эту девушку драться стоило. Жаль, что я не встретил ее лет тридцать — сорок назад.

— Как вы познакомились с ней, сенатор?

— Она поселилась рядом и сперва жила замкнуто, читала, или писала, или не знаю что, но однажды щенок ее вырвался и забежал ко мне во двор, она пришла сюда, мы разговорились, а потом разговоры у нас почти не кончались.

— О чем вы говорили?

— В основном о политике. Как все вы, молодежь, она совсем не знала истории, и я взялся ее просвещать. Она очень возмущалась скандалами и коррупцией — господи, началось это вовсе не с Никсона. Еще худшие скандалы были при Гранте и Гардинге, может, и при других, только они не попадались. Люди ничуть не меняются. Только вот появилось телевидение и разбалтывает многое, чего им лучше бы не знать.

И конечно, говорили мы о «новом курсе», то есть говорил я, а она слушала. Она была хорошей слушательницей. Я рассказал ей, и как мы образовали администрацию в Теннесси, и как прижали типов с Уолл-стрита, и что Джек Гарнер все восемь лет клял свое вице-президентство и с утра до ночи молился о смерти ФДР[2]. Господи, задумывался ты хоть раз, что было бы, умри ФДР раньше? Тогда президентом мог бы стать Джек Гарнер. Или Генри Уоллес, этот набитый болван. Да и я мог бы, черт возьми. Франклин хотел сделать меня вице-президентом в сорок четвертом, но я отказался.

— Были здесь еще друзья у Донны, сенатор?

— Знаешь, о чем ей больше всего хотелось узнать? О Люси Резерфорд и ее так называемой любовной истории с ФДР. Да черт возьми, как я и рассказывал ей, они только и делали, что катались по Рок-крик-парку, будто дети, удравшие с уроков. Несколько раз я составлял им компанию, а этим уже больше никто не может похвастаться. Мы говорили с ним о делах, а она молча слушала, иногда поглаживала его по руке, когда в разговорах о войне мы начинали спорить и горячиться. Рта она почти не раскрывала, а когда говорила, то лишь: «Красивые цветы, правда?» или «Смотри, какие золотистые листья»— и тому подобные пустяки. Но Донна не отставала от меня, пока я не рассказал ей. Черт, что мне было до Люси Резерфорд? Мы старались выиграть войну, а Люси тут ничем не могла помочь. Правда, Донна говорила, что она помогала — тем, что была рядом, поглаживала его руку и обращала внимание на цветы и прочее. Возможно, она и права. Раньше я над этим не задумывался... Хочешь выпить, парень? Я думаю, что где-то в мире солнце сейчас находится над реей.

— Конечно, сенатор.

— Тогда принеси все, что нужно. Стань полезным членом общества. Бутылка на полке, и я пью только неразбавленное виски.

Нортон налил виски в два стакана и вернулся к старику.

— Ты связан с политикой, парень?

— Я три года работал в Капитолии.

— Три? Господи, да за три года там не узнаешь, где нужду справить. Я провел там двадцать лет, и все равно, когда меня турнули, чувствовал себя ребенком в лесу. Политик — это существо особой породы, парень. Иногда ко мне наезжают профессора поговорить о науке политики. Науке? При чем тут наука? Политика — это искусство, а человек либо рождается талантливым, либо нет. Хочешь, парень, расскажу тебе о политиках?

— Хочу, сенатор.

— Так вот, главное, что ты должен уразуметь,— они все мерзавцы, к какой бы партии ни принадлежали, то есть любой из них перережет тебе глотку ради грошовой выгоды. Вся разница между одним политиком и другим — это как они режут глотки. Возьмем ФДР. Предположим, он хочет перерезать тебе глотку. Сидишь ты с ним, он всеми порами тела источает очарование, смешивает тебе мартини, показывает свой новый кораблик в бутылке, а едва ты прикроешь глаза или глянешь в окно всего на секунду, Франклин промчится в своей каталке и резанет тебе глотку от уха до уха, ты даже и не заметишь этого, пока опять не повернешь голову, а она скатится на пол.

Гарри Трумэн был не таким, как большинство. Он тоже мог перерезать глотку, но больше в его стиле было стукнуть тебя по носу или дать пинка в то самое место. Айк, болван с младенческим личиком, сперва помолился бы за тебя. Губерт плакался бы, как жаль, что он должен так поступить, пока ты не попросил бы его кончать поскорее. Линдон произнес бы длинную слезливую речь, что это для твоей же пользы. Джек Кеннеди выступил бы с какой-нибудь байкой, что лучше резать глотки, чем брить бородки или топить лодки или что-нибудь в этом духе, а пока он говорил бы, Бобби подкрался бы сзади и полоснул тебя. Потом появился этот паршивец Никсон. Знаешь, как он резал бы тебе глотку?

— Как?

— Не стал бы сам, вот как. Слишком был труслив. Он бы уполномочил на это кого-нибудь из тех живодеров, что охраняли его дверь, те бы уполномочили какого-нибудь болвана из правых, а тот испортил бы все дело. Главное правило политики, парень,—не поручай ничего никому, если хочешь, чтобы дело было сделано как надо.

— А президент Уитмор?— спросил Нортон.— Как бы повел себя он?

— Уитмор? О, это ловкий тип. Будь он порешительнее, мог бы стать вторым ФДР. Я ему так и сказал. Посоветовал забыть о Кеннеди, обаянии и прочем и брать пример с Франклина. Обращаться к людям просто, как в беседе у камина. Выступать по телевидению без уверток, говорить людям правду, они это оценят. Люди не дураки. Их легко сбить с толку, но они не дураки.

Старик отхлебнул виски, и Нортон спросил как можно мягче:

— Когда вы говорили это президенту Уитмору, сэр?

— Что?

— Когда вы виделись с ним?

— А, черт, не помню. Месяца три-четыре назад, может, пять. Перед тем, как он принял присягу.

— Накануне инаугурации?

— Да-да. Он был в Лос-Анжелесе по каким-то делам, потом заглянул сюда, к ней. Провел ночь, а наутро она привезла его познакомиться со мной. Сказала, что мы самые замечательные люди, каких она только знала. Тем хуже. Мы с ним немного поговорили, а потом он уехал туда, где ему полагалось быть. Она взяла с меня клятву никому не рассказывать, но, по-моему, сейчас это уже неважно.

— Говорили вы об этом еще кому-нибудь, сенатор?

— Парень, помнишь, что сказал Джек Гарнер о должности вице-президента?

— Кажется, что она не стоит и плевка.

— Вот-вот, только он сказал не плевка, но этого никто бы не напечатал. И то же самое можно сказать о старости. Удовольствия никакого. Единственное, что хорошо,— когда не хочешь отвечать на вопрос, можно уставиться вдаль, и от тебя скоро отстанут. Не надо даже лгать, если не хочешь.

— Но кто-то спрашивал?

— Только один болван вчера. А ему я не хотел рассказывать ничего. Я сразу же приметил в нем фальшь.

— Кто это был?

— Назвался каким-то особым агентом. Я решил, что он псих. Поэтому уставился вдаль, понес какую-то чушь, и он скоро уехал.

— Сенатор, она не говорила вам, зачем едет в Вашингтон?

— Не говорила. Но каждый, даже с куриным умишком, мог бы догадаться.

— Что вы хотите сказать?

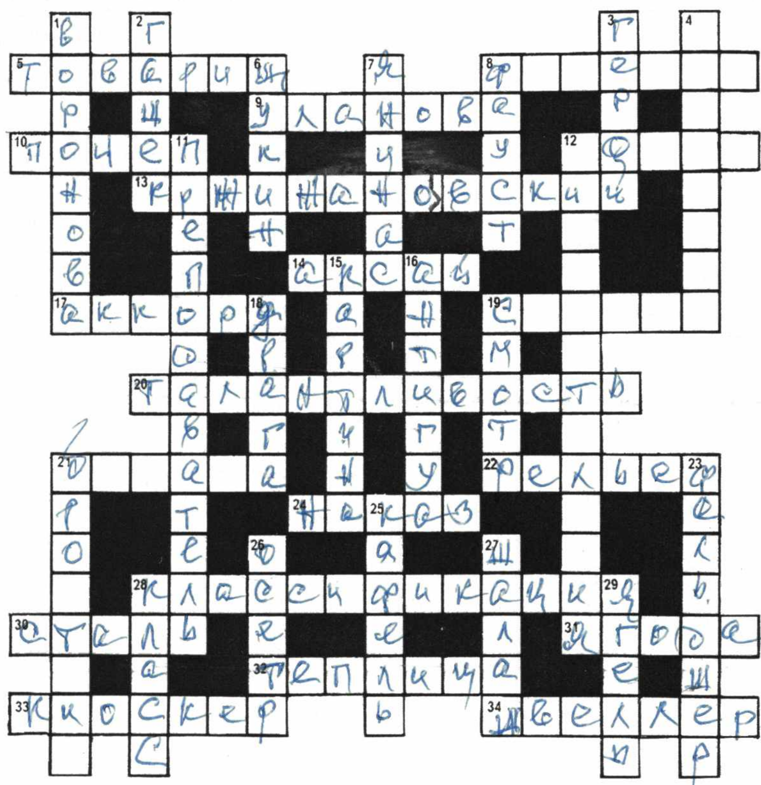
— Хочу сказать, что три или четыре месяца назад он приезжал к ней, и теперь настал ее черед ехать к нему. Конечно, я могу ошибиться. Возможно, она поехала полистать какие-то книги в библиотеке конгресса, или посмотреть, как цветут вишни, или что-нибудь в этом роде. Но если это так, то со времен моей молодости все изменилось. Влюбленные никогда не думают. Черт возьми, я сказал ей, чтобы не ездила туда, чтобы осталась здесь, где она счастлива, и пусть Вашингтон идет ко всем чертям. Это опасный город, молодой человек. Если ты пробудешь там долго, тебя убьют так или иначе, можешь быть в этом уверен.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

[2] Президент США Ф. Д. Рузвельт.

КРОССВОРД



По вертикали: 1. Героиня фильма «Член правительства». 2. Чешский писатель-сатирик, боец Красной Армии. 3. Человек, совершивший подвиг. 4. Стихотворение Я. В. Смелякова. 6. Народный артист СССР, создавший образ В. И. Ленина в спектакле, фильмах. 7. Основоположник литовской пролетарской поэзии. 8. Опера Ш. Гуно. 11. Учитель, педагог. 12. Раздел языкознания. 15. Произведение живописи. 16. Один из Малых Антильских островов. 18. Плавучий механизированный агрегат для добычи полезных ископаемых. 19. Определение степени строевой выучки. 21. Один из первых русских художников, изображавших жизнь и революционную борьбу пролетариата. 23. Медицинский работник. 25. Изразец. 26. Ценная промысловая крупная рыба. 27. Памятник-музей В. И. Ленина в Разливе. 28. Помещение для занятий в школе. 29. Олений мох.

По горизонтали: 5. Сказка М. Горького. 8. Боец Национальной гвардии, защищавшей Парижскую коммуну. 9. Балерина, дважды Герой Социалистического Труда. 10. Город в Брянской области. 12. Первый молдавский профессиональный хор. 13. Председатель комиссии ГОЭЛРО, Герой Социалистического Труда. 14. Город в Ростовской области. 17. Сочетание музыкальных звуков различной высоты. 19. Вершина в Судетах на границе Польши и Чехословакии. 20. Одаренность. 21. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 22. Выпуклое скульптурное изображение на плоскости. 24. Предложения избирателей по вопросам работы депутатов. 28. Система распределения однородных предметов, понятий по определенным признакам. 30. Твердый ковкий сплав. 31. Сочный плод кустарников и трав. 32. Помещение для разведения и выращивания растений. 33. Продавец в палатке. 34. Вид стального проката.

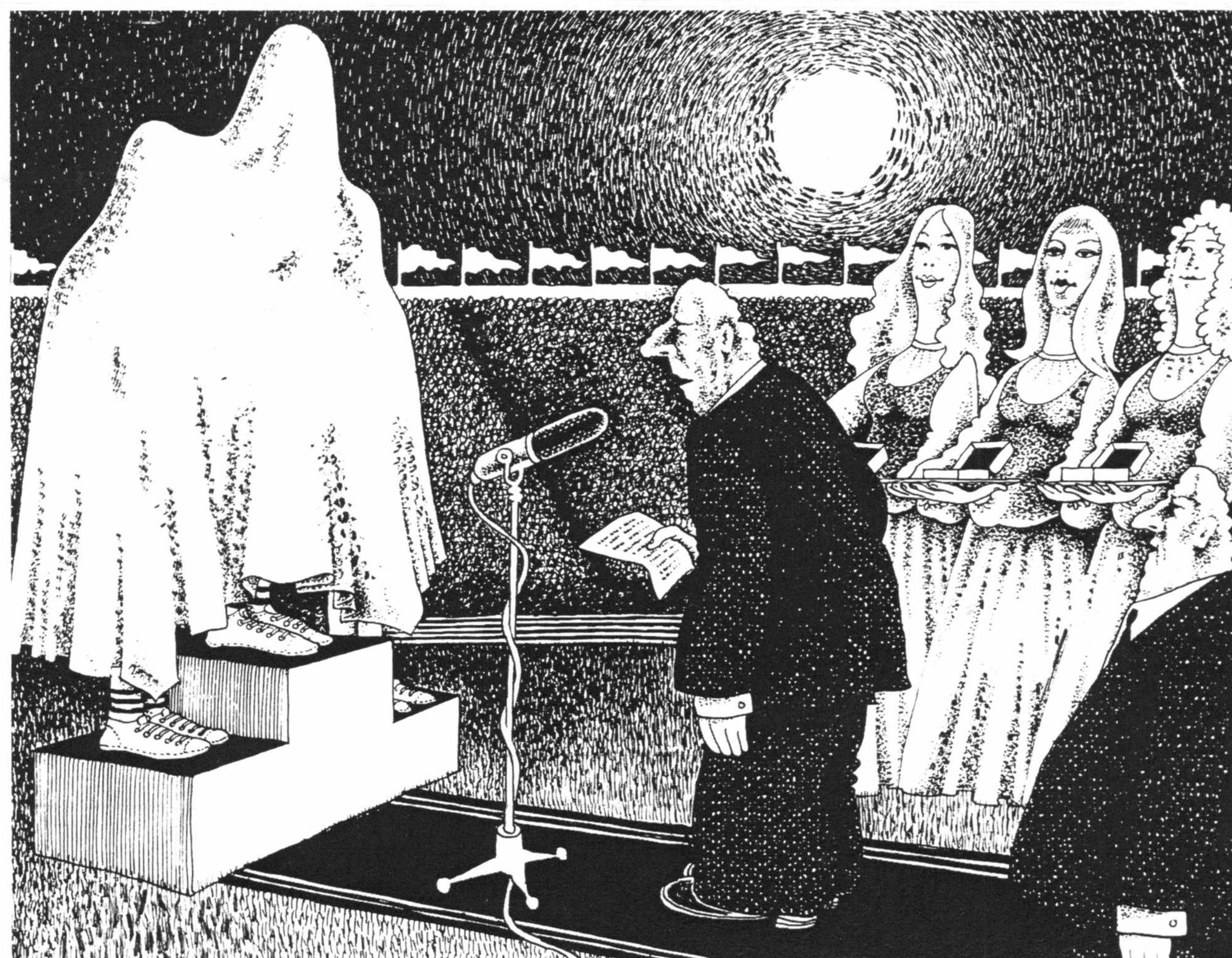
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 7. «Ленинцы». 8. Делегат. 12. Пепел. 13. Мораль. 14. Скопье. 15. Браун. 17. Нанайка. 19. Импульс. 21. Реформа. 24. Арктика. 27. Нонет. 28. Цитата. 29. Знание. 30. Сетка. 32. Еврипид. 33. Фабрика.

По вертикали: 1. Ветеран. 2. Мицелий. 3. Оцуп. 4. Реал. 5. «Перекоп». 6. Сарапул. 9. Демонстрация. 10. «Аппассионата». 11. «Председатель». 15. Бауман. 16. Нитрат. 18. Арно. 20. Упит. 22. Фотиева. 23. Рутений. 25. Конкурс. 26. Изнанка. 30. Скиф. 31. Абак.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

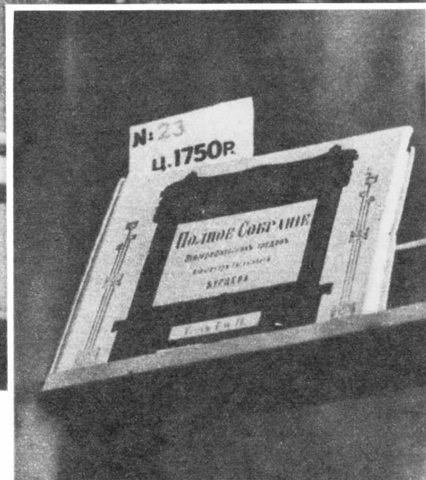
Рисунок Валентина **РОЗАНЦЕВА**

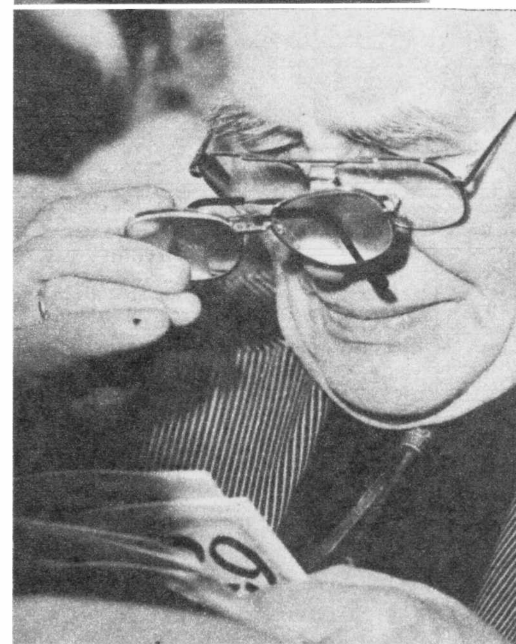


ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

АУ, АУК

...ЦИОН...





Феликс МЕДВЕДЕВ, Игорь ГАВРИЛОВ (фото)

— Лот № 137. Прижизненное издание стихотворений Фета. Первоначальная цена — 50 рублей. Кто больше?

Арсений Лобанов берет в руки молоток, еще раз пристально оглядывает «аукционную камеру» (по Далю), то бишь большой зал Центрального Дома литераторов, и начинает действо, какого Москва не видывала, пожалуй, с двадцатых годов.

То, что произошло в течение последующих трех минут, всех ошеломило, повергло в какой-то доселе не переживаемый шок. Заставило начисто отключиться от всего, что было за пределами этого помещения, этого зрелища, именуемого первым московским антикварно-букинистическим аукционом.

Шестьдесят!.. Сто!.. Сто пятьдесят!.. Двести пятьдесят!.. Триста!! Видавшие виды библиофилы, знатоки редкой книги и цен на нее, а их здесь было немало, вопросительно и недоуменно переглянулись... Море страстей!

— «Книга о лошади». Первоначальная цена — 250 рублей.

Заглядываю в каталог, который был у каждого участника аукциона. Узнаю, что это подносной экземпляр принцу Ольденбургскому. Цельнокожаный переплет, тройной золотой обрез, тиснение золотом. Пока я вдумывался в содержание аннотации, цена на «одну из лучших отечественных книг по конному делу, и сегодня сохраняющую свою актуальность», поползла вверх.

Аукцион? Самый настоящий? А почему бы и нет?! Если он проводится заинтересованными сторонами с соблюдением всех норм и правил. Зачем стыдливо отворачиваться от всего, что, как нам кажется, не укладывается в привычные схемы? «Кто больше?!» Ну и что, если это «больше» идет и в бюджет государства, и в кошелек владельца раритета, сохранившего его, сберегшего, быть может, в самую трудную пору. Кстати, аукционная торговля давно уже приобрела большое количество поклонников и не только в Монте-Карло, но и в Венгрии, ГДР, Чехословакии.

Простите, я отвлекся:

— Лот 23. Цена — 1750 рублей. Кто больше?!

Представительница «Москниги», изящной походной прохаживаясь по сцене, грациозно демонстрировала один из томов полного собрания этнографических трудов Бурцева. Это был по-настоящему роскошный экземпляр. Мой сосед справа полез... за валидолом.

Три часа продолжалось аукционное действо. За сто двадцать проданных книг было выручено 35 тысяч рублей. Треть раритетов приобретено государством в лице представителей крупнейших библиотек и музеев. Это хорошо. Но только к чему надо было в очередной раз демонстрировать нашу расточительность и безалаберность? Как объяснить, что такие, например, книги, как «Мик» Гумилева, «Александр Блок и его мать» Бекетовой, «Портреты современных поэтов» Эренбурга и другие, которые без особого труда можно приобрести в магазинах за 25—30 рублей, здесь были оплачены щедрыми, за счет казенного кошта, суммами, во много раз превышающими прилавочные номиналы?

Но не будем слишком строгими. Все-таки первый аукцион в целом удался. Многое понравилось: и своевременная подготовка к столь необычному мероприятию сразу четырех организаций — Мосгорисполкома, «Москниги», ВОКа, ЦДЛ, и разнообразие представленных книг, и порядок в зале, и четкая работа всех служб.

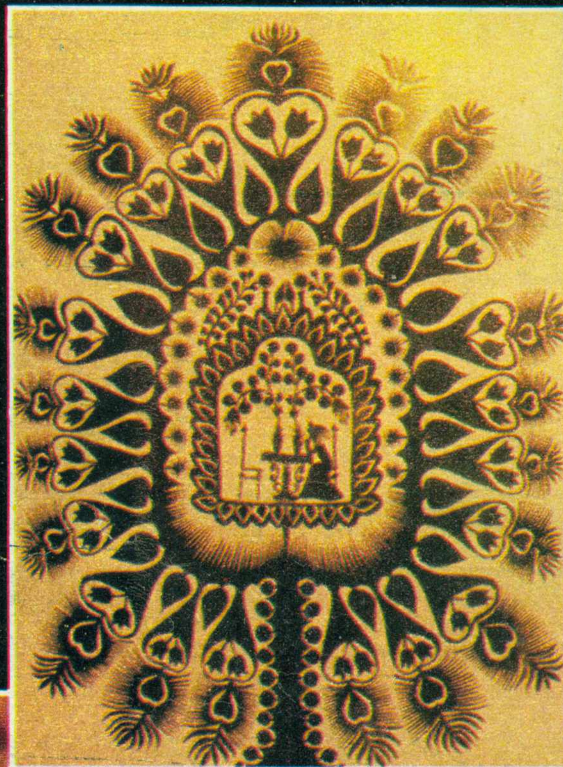
...Уже в дверях ЦДЛ я столкнулся с известным собирателем редкостей, искусствоведом И. С. Зильберштейном. Он был расстроен:

— Да вот хотел приобрести автограф Герцена, думал подарить его в будущем музею личных коллекций. Да не получилось, книгу сняли с продажи.

Думается, что это один из красноречивых ответов на вопросы скептиков: зачем аукцион? Аукцион? Ау, «Москнига», когда следующий?

Каждое лето в Литве объявляются сборы народных мастеров. Со всей республики съезжаются умельцы: рабочие, педагоги, колхозники, инженеры, учителя. Нередко вместе с женами и детьми. И работают бесплатно целый отпуск от зари до зари. Именно так возвели мемориал в Аблинге, деревне, уничтоженной фашистами на второй день войны. Тридцать дубовых резных столбов установили тут, на холме Жвагиняй. И будто бы ожили погибшие: старики и дети, целые семьи и молодожены, так и не услышавшие голоса своих первенцев. После самоотверженной работы народных мастеров появились деревянные скульптуры на военном кладбище, где покоятся советские солдаты, освобождавшие Вильнюс. А неподалеку от созданного самодеятельными художниками мемориала в Милюнае — это село фашисты стерли с лица земли за помощь партизанам — хорошеет новая деревня с таким же названием...

См. в номере: Ираида Михеева. «Люди щедрого сердца».



Общество народного искусства планомерно возрождает национальные, порой почти забытые ремесла.

Фото Исаака ТУНКЕЛЯ.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК